

ВСЕГДА НА СТРАЖЕ!

*250 лет со дня рождения
первого командира Отдельного корпуса внутренней стражи
генерал-адъютанта Евграфа Федотовича Комаровского*

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Редакция журнала «На боевом посту»

2019

УДК 94(47).07:929Комаровский
ББК 63.3(2)46/47-8Комаровский
С95

Под редакцией
руководителя Департамента по взаимодействию со средствами массовой информации и институтами
гражданского общества Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации
генерал-майора А.А. ВЕКЛИЧА

Автор книги
полковник в отставке **Николай Георгиевич СЫСОЕВ**

Редактор-составитель
советник государственной гражданской службы РФ 2-го класса
Андрей Александрович ЭДОКОВ

Иллюстрации
Олег Константинович ПАРХАЕВ

Оформление
полковник **Александр Владимирович ЛЕБЕДЕВ**

Руководитель фотослужбы проекта
заслуженный работник культуры Российской Федерации
Владимир Николаевич НИКОЛАЙЧУК

Сысоев Н.Г.
С95 **«ОДУШЕВЛЁН РЕВНОСТИЮ К СЛУЖБЕ».** Историко-биографическое исследование жизни и деятельности первого командующего внутренней стражей генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского. – 2-е изд., переработ. – М. : Фед. служба войск нац. гвардии Российской Федерации ; Ред. журн. «На боевом посту» войск нац. гвардии Российской Федерации, 2019. – 204 с.
ISBN 978-5-9904570-2-7

Книга повествует о выдающемся российском военачальнике, первом командире Отдельного корпуса внутренней стражи графе Евграфе Федотовиче Комаровском (1769–1843). Являясь генерал-адъютантом императора Александра I, он выступил инициатором создания в России внутренней стражи – прообраза сегодняшней Росгвардии. 17 лет он командовал отечественными войсками правопорядка, был их ревностным строителем и мужественным командиром.

Е.Ф. Комаровский начал военную службу сержантом лейб-гвардии Измайловского полка, а полковником участвовал в знаменитых суворовских походах в Италию и Швейцарию. Сыграл важную роль в Отечественной войне 1812 года. Удостоен многих российских наград, а его карьеру венчает должность сенатора и воинский чин генерала от инфантерии.

Жизнь и деятельность выдающегося российского военачальника Евграфа Федотовича Комаровского – яркий и убедительный пример беззаветного служения Отечеству.

УДК 94(47).07:929Комаровский
ББК 63.3(2)46/47-8Комаровский

ISBN 978-5-9904570-2-7

© Сысоев Н.Г., текст, 2019
© Федеральная служба войск
национальной гвардии Российской Федерации, 2019
© Редакция журнала «На боевом посту» войск
национальной гвардии Российской Федерации, 2019

Николай Сысоев

«Одушевлён ревностью к службе...»

**Историко-биографическое исследование жизни
и деятельности первого командующего внутренней стражей
генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского**

**Директор Федеральной службы
войск национальной гвардии Российской Федерации –
главнокомандующий войсками национальной гвардии
Российской Федерации
генерал армии В.В. ЗОЛОТОВ**

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ богата замечательными событиями и выдающимися людьми, которые ковали славу Отечества делами и подвигами, ежедневным и ежечасным служением родной земле и своему народу. Генерал от инфантерии Евграф Федотович Комаровский, крупный государственный деятель, незаурядный человек, инициатор создания в нашей стране внутренней стражи, безусловно, достоин того, чтобы его имя было сохранено в истории страны, в истории её правоохранительной системы.

Русский дворянин «древней благородной фамилии», в раннем детстве оставшийся круглым сиротой, он с помощью родственников и благодаря таланту и трудолюбию сумел получить прекрасное образование.

Начав восхождение по служебной лестнице с малых чинов, благодаря энергии, упорству, деловитости, такту и личному обаянию был замечен высокопоставленными государственными мужами и членами царской фамилии, облечён их особым доверием. И потому сделал блестящую карьеру.

Удачно развивалась и его военная служба. Ученик великого Суворова, во время Итальянского и Швейцарского походов русской армии полковник Евграф Комаровский не раз бывал под губительным огнём неприятеля, вместе с чудо-богатырями взбирался на перевал Сен-Готард, одним из первых взшёл на Чёртов мост. За то, что в боях, «мужеством своим поощряя войска, приводил их к неустрашимости», он был отмечен российскими и иностранными орденами, возведён в графское достоинство.

Император Александр I, заняв престол в 1801 году, выделил молодого человека из окружавших его блистательных военных и царедворцев: Комаровский первым получил назначение на должность генерал-адъютанта российского монарха, став его надёжным помощником «в делах державства и войны». Царь нередко прислушивался к его советам, особенно когда речь шла о реформирова-

нии и лучшем устройстве армии и полиции. Одним из таких советов стало предложение о создании в России новой силовой структуры – внутренней стражи.

Именно граф Комаровский подал монарху мысль организовать, по сути, самостоятельный вид войск с правоохранительными функциями – внутреннюю стражу – далёкий прообраз нынешней Росгвардии. Он же и возглавил её сразу после учреждения в 1811 году, посвятив созданию, становлению и развитию своего детища семнадцать последующих лет жизни.

Внутренняя стража под руководством генерала Евграфа Комаровского, благодаря усилиям его сподвижников и последователей, стала абсолютно новым элементом во всей системе охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности Российской империи первой половины XIX века. Отдельный корпус внутренней стражи, являясь составной частью армии, одновременно выполнял военно-полицейские задачи по «охранению тишины и спокойствия» на бескрайних российских просторах. В наши дни, приняв историческую эстафету, различные подразделения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации выполняют многие из этих функций.

В 2019 году отмечается 250 лет со дня рождения Евграфа Федотовича Комаровского. Его жизнь и деятельность являются ярким примером беззаветного служения Отечеству и достойным образцом для подражания. Все, кто сегодня служит в Росгвардии, кто завтра встанет в её строй и продолжит дело, начатое первым командующим внутренней стражей более двух веков назад, должны достойно и с честью выполнять воинский и служебный долг, беря в пример своих героических предков. Только так – бережно и с уважением – относиться к родной истории, мы сможем сохранить Россию для будущих поколений, для будущих великих свершений и побед!

ГЛАВА I

Лейб-гвардии сержант

«Рождён для службы царской»

«Я ЛЮБЛЮ кровавый бой, / Я рождён для службы царской! / Сабля, водка, конь гусарский, / С вами век мой золотой» – этот короткий, но весьма ёмкий и образный куплет из лихой гусарской песни, написанной легендарным героем Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдовым, как нельзя лучше подходит в качестве эпиграфа к яркой биографии генерал-адъютанта Евграфа Федотовича Комаровского – сподвижника императора Александра I, ученика великого русского полководца А.В. Суворова, талантливого администратора, организатора и первого командующего специальным видом войск – внутренней стражей, которая предназначалась «для охранения либо восстановления внутреннего порядка в государстве».

Начиная писать об этом человеке, всё пытался себе представить: каким он был, какую роль играл при дворе и какой след оставил в истории?

...Поместье графа Комаровского, уютно расположившееся на окраине старинного села Городище в живописной долине речки Цон, что на Орловщине, просыпалось по обыкновению рано. Дворовые люди ещё затемно начинали сновать между господ-

ским домом и хозяйственными постройками – носили дрова, вёдра с водой, кули со всевозможной снедью, растапливали печи. Раскрасневшийся на морозе бородатый садовник, скинув овчинный полушубок, сноровисто орудуя широкой деревянной лопатой, спешил очистить от выпавшего за ночь пушистого снега парковые дорожки. Хозяин любил утренние прогулки по своему великолепно обустроенному парку: они давали стареющему организму заряд бодрости на целый день и побуждали к размышлениям и воспоминаниям о прожитом и пережитом.

Во всём этом кажущемся, на первый взгляд, хаотичном движении дворовой челяди чувствовался заведённый хозяином раз и навсегда образцовый военный порядок, отвыкнуть от которого ему, прожившему почти всю жизнь по строгому армейскому регламенту, было непросто, да и не нужно. Ведь почти полвека он без перерыва носил военный мундир и закончил армейскую службу в высоком чине генерала от инфантерии.

В то морозное утро после утренней прогулки, пожилой, но ещё довольно статный и моложавый граф прошёл в кабинет и сел за резной письменный стол. Он уже давно вынашивал мысль написать воспоминания. И наконец, словно почувствовав указание свыше, божественный сигнал, решился взяться за мемуары. Обмакнув перо в чернила, на-

Воспитанники кадетских рот
времен Екатерины II. Худ. О.К. Пархаев

Усадьба графов Комаровских в селе Городище на Орловщине. Фото нач. XX в.

литые в массивную бронзовую чернильницу, каллиграфическим почерком вывел на листе бумаги первые строки: «Я родился 1769 года 18 ноября в Петербурге, на Песках. Батюшка мой Федот Афанасьевич служил тогда в Дворцовой канцелярии».

Мемуары написаны в литературной форме и имеют выраженную историческую направленность, они предельно достоверны, точны в фактах и объективны. Поэтому его воспоминания до сих пор служат своеобразным пособием для изучения придворной жизни на рубеже двух эпох – конца XVIII и первой половины XIX века. Не случайно многие современные авторы при написании своих исторических очерков непременно используют записки графа Е.Ф. Комаровского. Неоспоримое значение таких мемуаров – и в сообщаемых ими фактах, и в материале, который они дают для знакомства с биографией автора.

Отставной генерал начал автобиографические записки так, как это было принято среди мемуаристов тех далёких времён, – с изложения кратких сведений из своей дворянской родословной. Од-

нако, основательно занявшись сочинительством, он скорее всего вряд ли мог предположить, что его жизненные впечатления превратятся в весьма любопытное повествование, охватывающее огромный период российской истории – от «просвещённого» царствования Екатерины Великой до «самодержавного абсолютизма» её внука – Николая I.

Заголовок воспоминаний – «Мои записки, составленные в селе Городище» – автор старательно вывел на отдельном листе, снабдив его замысловатыми росчерками и причудливыми завитками, и в задумчивости отложил перо.

Пытаясь собраться с мыслями, некогда блистательный придворный генерал направил свой отрешённый взор в сторону огромного окна кабинета, за которым открывалась перспектива роскошного заснеженного парка, разбитого на модный тогда среди русской знати английский манер. Чуть дальше, за парковыми аллеями, взору графа открывался милый его сердцу среднерусский пейзаж: покрытые искрящимся снегом поля, пологие взгорки и в морозной дымке перелески.

Глядя на эти родные, умиротворяющие душу ландшафтные красоты, с наслаждением откинувшись на спинку широкого мягкого кресла, хозяин поместья предавался воспоминаниям и раздумьям, пытаясь дать оценку всем своим делам и поступкам. Почитай, всю свою жизнь он посвятил беззаветному служению Отечеству и престолу. Был честным, добросовестным и порядочным во всём, старался всегда следовать рассудку и здравому смыслу, а не придворным интригам, влекущим за собой не только сиюминутные выгоды и взлёты по карьерной лестнице, но и падения, отставки, ссылки и забвение.

Его биография была чрезвычайно насыщена невероятными событиями и приключениями, а также чудесным образом переплеталась с судьбами известных исторических личностей, видных царедворцев, писателей и поэтов. Жизнь Комаровского, без преувеличения, вполне могла бы послужить сюжетом для увлекательного приключенческого романа с лихо закрученным сюжетом и даже с детективными элементами: она настолько любопытна, богата невероятными событиями и фактами, что,

*Лейб-гвардии
сержант*

*Самый известный портрет генерала от инфантерии графа Е.Ф. Комаровского.
Худ. П.Ф. Соколов*

несомненно, заслуживает более тщательного исследования, изучения и описания, нежели мы сможем это сделать в нашем скромном труде. И ничего при этом сочинителю-романисту не надо выдумывать и домысливать.

Такое вряд ли придумаешь: сначала всего лишь обыкновенный гвардейский сержант, волею судьбы ставший личным курьером могущественного екатерининского вельможи графа А.А. Безбородко, затем генерал и императорский адъютант, глава петербургской полиции, командующий специальными силами внутренней безопасности – внутренней стражей, а в конце карьеры – генерал от инфантерии и сенатор. Есть о чём поведать и что рассказать потомкам.

Вместо обычного предисловия, предваряющего любое литературное произведение для лучшего понимания его читателем, Е.Ф. Комаровский снабдил рукопись своеобразным обращением-назиданием к своему многочисленному потомству: «Я составил сии записки для моих детей, а не для света, и по желанию моего старшего сына графа Егора Евграфовича. Пусть дети мои из рукописи сей увидят, что, оставшись после (смерти. – Н.С.) родителей моих круглым сиротой на 8-м году от моего рождения и будучи рядовым дворянином, неисповедимыми судьбами Всевышнего я достиг до высших степеней и почестей и оставляю потомству достоинство, которое я не наследовал от моих предков!». Евграф Федотович имел в виду свой графский титул, полученный им за безупречную службу государеву на благо Отечества, который затем передавался всем его потомкам по наследству. Однако впоследствии эти воспоминания, предназначенные исключительно для близких родственников, по решению детей и внуков отставного генерал-адъютанта были опубликованы под названием «Записки графа Е.Ф. Комаровского», став достоянием широкого круга читателей и историков.

Максимально используя самые различные архивные документы и опубликованные свидетельства современников, мы в нашем исследовании всё же постараемся придерживаться основных контуров «Записок графа Е.Ф. Комаровского». С тем чтобы постепенно, без ошибок и досужих домыслов, прорисовывая одну деталь за другой, восстановить

незаурядную биографию нашего героя, разворачивавшуюся на фоне четырёх царствований – Екатерины Великой, Павла I, Александра I и Николая I.

Приступая к непростому и нелёгкому делу, зададимся одним любопытным вопросом – чем же был знаменит в истории «сей достолавный» год 1769-й, когда родился наш герой Евграф Федотович Комаровский?

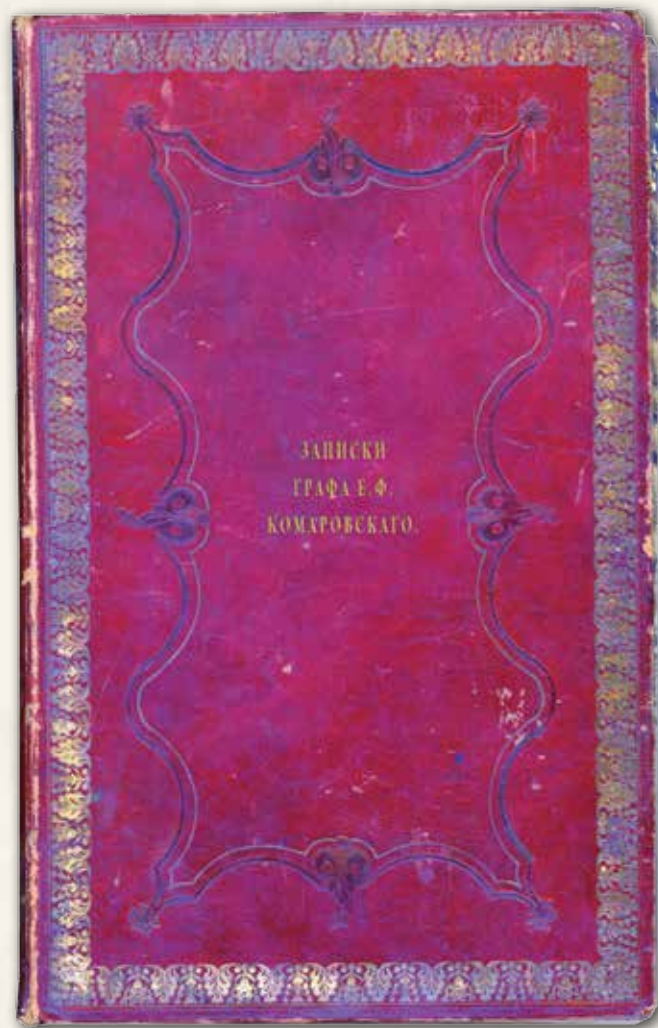
Вопрос отнюдь не прост – год действительно выдался богатым на исторические события. Именно этот год отмечен одним из самых ярких и знаменательных фактов российской военной истории – 26 ноября императрица Екатерина Великая подписала указ об учреждении высшего российского воинского знака отличия – ордена Святого Георгия (полное наименование – Императорский военный Святого великомученика и победоносца Георгия орден).

В статуте военного ордена особый акцент делался на следующем: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают права быть пожалованным сим орденом: но даётся оный тем, кои не только должность свою исправляли во всём по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили ещё себя особливим каким мужественным поступком или подали мудрые и для Нашей воинской службы полезные советы». Далее в «высочайшем узаконении» об учреждении награды особо подчёркивалось, что «оним же пожалованные называться будут кавалерами Святого Георгия».

Первым кавалером ордена Святого Георгия именно в 1769 году стал не придворный вельможа и не высокородный генерал, а простой армейский служака подполковник-гренадер Фёдор Фабрициан, который во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов отличился при взятии важнейшего турецкого форпоста на Дунае – города Галац. Командуя особым отрядом, состоявшим из подразделения 1-го гренадерского полка и егерских батальонов, общей численностью всего полторы тысячи воинов, храбрый офицер, применив тактику внезапного удара, наголову разбил турецкий отряд в 7000 человек, за что и был удостоен Георгиевского орденового знака 3-й степени.

Право на военный орден имели также лица, прослужившие не менее двадцати пяти лет в офицерских

Лейб-гвардии
сержант

Евграф Комаровский

Обложка подлинной рукописи «Записок графа Е.Ф. Комаровского»
и его автограф

чинах в сухопутной армии, и морские офицеры, принявшие участие в восемнадцати морских кампаниях. Любопытный факт: спустя ровно пятьдесят лет после учреждения главной российской военной награды, а именно 15 февраля 1819 года, орден Святого Георгия 4-й степени – за многолетнюю «беспорочную службу» и особые труды по обеспечению внутренней безопасности государства Российского – украсит генеральский мундир графа Е.Ф. Комаровского.

Буквально за два месяца до рождения Евграфа на свет появился один из самых известных российских государственных деятелей царствования Александра I – граф Алексей Андреевич Аракчеев. Ещё до недавнего времени в отечественной истории этот человек имел однозначно отрицательную оценку: «жестокый и надменный временщик», «неистовый тиран», «реакционер», а также безжалостный организатор военных поселений с «крайними формами принуждения».

На самом деле он человек незаурядного ума, исключительных талантов и способностей. Вопреки выкладкам советских идеологизированных историков, разумеется, не являлся тем «мерзким чиновником», который всегда лицемерен как с подчинёнными, так и с начальством для своей личной выгоды. Посудите сами, Аракчеев у трёх российских царей – Павла I, Александра I и Николая I – был, что называется, правой рукой. Александр I называл его «верным другом», а также признавался, что никогда и ни к кому не имел такой «неограниченной доверенности», как только к нему. Среди придворных в ходу даже было такое утверждение: «Недаром же в русском гербе двуглавый орёл и на каждой голове корона: ведь и у нас два царя: Александр I и Аракчеев I».

Комаровский в своих мемуарах дал Аракчееву короткую, но вполне исчерпывающую характеристику: «совершеннейший царедворец».

А ещё герой нашего повествования Евграф Федотович Комаровский оказался одноклассником генерала от инфантерии князя Алексея Ивановича Горчакова – племянника великого полководца Александра Васильевича Суворова. Именно этому незаурядному генералу было доверено возглавить Военное министерство в самое трудное для России время – в 1812 году, когда действующий министр

М.Б. Барклай де Толли отбыл в армию, чтобы лично руководить боевыми действиями против французских полчищ, вторгшихся в российские пределы.

После того как Горчаков возглавил Военное министерство, между ним и императорским генерал-адъютантом Комаровским сложились весьма дружеские отношения, не прекращавшиеся и после ухода того с поста главы военного ведомства. «Князь (Горчаков. – Н.С.) был со мной в беспрепятственной переписке», – с уважением отмечал в своих мемуарах Евграф Федотович.

В сверстниках нашего главного героя также числится выдающийся русский поэт, баснописец, переводчик и писатель Иван Андреевич Крылов. Любопытен такой малоизвестный факт: его младший брат Лев Андреевич Крылов в чине капитана служил под началом Е.Ф. Комаровского во внутренней страже.

А вот и вовсе невероятные совпадения: ровесниками русского графа также оказались знаменитые иностранцы: император Франции Наполеон I Бонапарт и его прославленные маршалы – военный министр Никола Жан де Дьё Султ, Мишель Ней, наречённый самим Наполеоном «храбрейшим из храбрых», и Жан Ланн, заслуживший почётное прозвище «Роланд французской армии» – в честь Роланда, героя легендарного французского эпоса, образ которого в Средние века стал идеалом рыцарской доблести и чести.

К слову, перечислением имён исторических знаменитостей мы увлеклись вовсе напрасно: со всеми ними Комаровскому ещё доведётся пересекаться по жизни прямо или косвенно. Но об этом несколько позже.

«От благородных шляхетских корней»

РУССКИЙ ДВОРЯНСКИЙ род Комаровских, как записано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, якобы происходил от «иноземца-немчина». На самом деле он имел далёкие польские корни, вёл свою генеалогию с XV века и был кровно связан со многими известными фамилиями

России: Сологубами, Гагариными, Веневитиновыми, Вырубовыми, Муравьёвыми, Орловыми и даже с поэтами Пушкиным и Лермонтовым.

Заметим, что восстанавливать древние родственные связи весьма непросто. Далеко не все документальные источники сохранились до наших дней. Что касается аристократической фамилии Комаровский, то она имеет старинные шляхетские корни и очень распространена в Польше. Ко всему прочему, она также чрезвычайно популярна и среди простых поляков, как в России, к примеру, фамилии Иванов либо Петров. Но вот что по этому поводу говорится в краткой родословной нашего героя, приведённой в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи»: «Фамилия Комаровских происходит из Польши от древних благородных предков. Потомок сего рода Павел Комаровский более ста пятидесяти лет как въехал в Россию. Происшедшие от него служили Российскому Престолу дворянскими службами в разных чинах».

Однако в этой лаконичной историко-биографической справке не уточняется, каким образом и по какой причине родоначальник будущей русской дворянской фамилии «въехал» на территорию России задолго до вхождения (присоединения) Царства Польского в состав Российской империи.

Но мы хоть и с огромным трудом, но всё же таки докопались до истины. По семейному преданию, небогатый польский шляхтич по фамилии Комаровский не въехал, что называется, добровольно в Россию, а в составе войск Речи Посполитой вторгся в её пределы в 1604 году. Произошло это в так называемое Смутное время, когда Русь сотрясали стихийные бедствия, тяжелейшие политический, экономический, государственный и социальный кризисы, а также польско-шведская интервенция.

Польских интервентов разбили и изгнали с русской земли. При осаде русскими войсками Кремля воевода князь Дмитрий Пожарский, не желая лишнего кровопролития, предложил осаждённым полякам сдаться: «Сберегите головы ваши в целости. Жизнь будет сохранена вам... Которые из вас пожелают возвратиться в свои земли, тех отпустят без всякой зацепки, а которые пожелают служить

Московскому государству, тех мы пожалуем по достоинству». И Комаровский, не раздумывая долго, решил остаться на службе русскому царю навсегда. Покаявшись за грехи, совершённые против российского престола и русского народа, принял православие (при крещении был наречён Павлом Прокопьевичем) и стал верно служить новому отечеству. Его ревностный порыв вскоре оценили по достоинству и в 1626 году отписали приличное поместье близ Новгорода.

Новоявленный российский помещик женился на знатной русской красавице, имел двоих сыновей, немало внуков, ещё больше правнуков. Большинство из потомков бывшего польского шляхтича мужского пола по дворянской традиции становились, как и полагалось, военными.

Например, доподлинно известно, что при Петре I один из внуков Афанасий Несторович Комаровский исправно служил унтер-офицером Бутырского пехотного полка. Эта воинская часть, сформированная ещё в 1642 году по личному указу царя Михаила Фёдоровича, являлась старейшей из всех регулярных российских полков. Она вместе с Лефортовским полком послужила Петру I образцом для составления известных потешных полков – Преображенского и Семёновского.

Любопытная особенность воинской службы того времени: солдаты-бутырцы проживали семьями в Бутырской слободе в «устроенных от казны дворах», расселяясь ротными и батальонными улицами. Им также предоставлялось право на отведённой земле разводить огороды, заниматься различными промыслами, держать лавки и другие торговые заведения, при этом они освобождались от уплаты торговых пошлин. Сверх того, служивые получали ещё и жалованье, и провиант из казны. Взамен они были обязаны добросовестно нести службу, старательно обучаться новомодным воинским наукам – «немецкому строю и стрельбе из мушкетов», держать городские караулы вместе со стрельцами и участвовать в торжественных встречах и церемониях.

Командовал верными молодому царю бутырцами один из «птенцов гнезда Петрова» отважный генерал Патрик Леопольд Гордон, шотландец по про-

исхождению и авантюрист по духу. От европейского ландскнехта-наёмника до российского генерала и адмирала, великолепного фортификатора и наставника Петра Великого в ратном деле – таков жизненный путь этого незаурядного человека. Современники же отзывались о нём только так: «Способный, образованный, храбрый в битве, опытный инженер и военный администратор, честных правил».

В конце XVI – начале XVII века полк считался одним из самых лучших, надёжных и боевых в русской армии. На его счету было немало подвигов, за что он получил особое знамя с надписью «Берегись». Когда юный «герр Питер» был вынужден бежать от взбунтовавшихся стрельцов в Сергиеву лавру, то именно Бутырский полк под командованием Гордона первым явился туда для спасения своего государя от противников новомодных преобразований. После чего Пётр I именно из этой воинской части брал лучших унтер-офицеров и рядовых для комплектования будущей императорской лейб-гвардии – Преображенского и Семёновского полков. Впоследствии многие бывшие бутырцы выслужились в офицеры и госчиновники.

Так, например, один из потомков добросовестного служаки славного русского воинства Патрика Гордона по имени Федот Комаровский, родившийся в 1728 году, станет придворным далеко не последней величины и отцом нашего героя – будущего русского генерала. К тому времени род Комаровских настолько обрусел, что ни в облике, ни в образе жизни, ни в мыслях его представителей уже ничто не будет напоминать об уходящих в глубь веков польских корнях. К примеру, супруга Федота Афанасьевича Ульяна (Иулиана) Ивановна (1732–1770) происходила из знатного русского дворянского рода Зиновьевых. Его основатель Иоанн Зиновьев был видным боярином и сподвижником великого князя Ивана III (Васильевича), известного как «собиратель земель русских». Впоследствии члены этой знаменитой фамилии будут влиятельными придворными, дипломатами, государственными деятелями, филологами, историками и писателями. Так, родной брат Ульяны Ивановны Н.И. Зиновьев, дослужившийся до чина генерал-поручика и должности обер-коменданта

Петропавловской крепости, в 1767 году был избран первым городским головой Санкт-Петербурга.

А его дочь Екатерина Николаевна Зиновьева, вышедшая замуж за знаменитого князя Г.Г. Орлова, стала фрейлиной императрицы Екатерины II. Родной брат придворной дамы Василий Николаевич Зиновьев также был довольно влиятельным придворным – сначала служил флигель-адъютантом у «сиятельного князя» Г.Г. Орлова, затем получил придворный чин камергера и должность сенатора. Получается, что наш герой вовсе не являлся выходцем из незнатного дворянского рода, как это полагают некоторые исследователи, а находился в кровном родстве с известнейшими представителями самого привилегированного сословия и даже невольно породнился с одним из самых блистательных царедворцев и влиятельнейших фаворитов Екатерины Великой.

К рождению в 1769 году сына Евграфа глава семейства Ф.А. Комаровский дослужился до влиятельного чиновника Дворцовой канцелярии, которую возглавлял на тот момент действительный тайный советник В.М. Мамонов – впоследствии екатерининский сенатор. Федот Афанасьевич был на хорошем счету у Мамонова, который всецело доверял ему и всячески его поддерживал. Придворная знать также с уважением относилась к добропорядочному и исполнительному дворцовому столоничнику.

Дворцовая канцелярия – своеобразное центральное госучреждение, существовавшее в 1712–1786 годах, – в разное время занималась заготовкой продуктов и «разных мелочей» для нужд императорского двора. Также она организовывала эксплуатацию дворцов, перечень которых менялся по мере необходимости, ведала вопросами межевания земель, обследовала государственные владения и планировала меры к повышению их доходности путём развития хлебопашества, скотоводства, птицеводства, пчеловодства, льноводства, садоводства, огородничества, винокурения, производства на кирпичных и стекольных заводах, рыбных и соляных промыслах, текстильных и бумажных фабриках и т.д. Так что чиновники этого учреждения были весьма уважаемы среди придворной знати,

почитавшей за честь быть с ними на короткой ноге и заводить личные знакомства.

В 1769 году Санкт-Петербург жил обычной, свойственной российской столице беспокойной жизнью. Чиновный люд ежедневно спешил в многочисленные коллегии и канцелярии, торговая братия бойко корабельничала, стройными рядами маршировали военные. Правда, несколько нарушал привычный уклад огромный наплыв пришлых рабочих-артельщиков с лопатами, тачками и кирками – начиналось рытьё Обводного канала, который замысливался для защиты города от наводнений, но оказался для этого непригодным и стал выполнять совершенно иные задачи.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в том году информировала своих читателей о всевозможных новостях. Екатерина II разрешила сдавать внаём торговцам первые этажи зданий «для устройства лавок». Вскоре центральные улицы быстро заполнились всевозможными торговыми заведениями с весьма оригинальными вывесками. А ещё императрица «для пресечения истребления дичи, коя почти совсем выведена», запретила вся-

Санкт-Петербург.

Вид на Зимний дворец с Невы. XIX в.

кую охоту «без билетов» на расстоянии 30 вёрст от Санкт-Петербурга.

1769 год, кроме того, был ознаменован тем, что началось возведение Медного всадника – грандиозного памятника Петру Великому, основателю Санкт-Петербурга и первому императору все-российскому. В один из дней любопытные зеваки могли наблюдать необычную картину: в течение нескольких часов здоровенный гвардейский офицер-кавалерист стремительно взлетал на мощном жеребце на специально устроенный деревянный помост и всякий раз ставил своего разгорячённого скакуна на дыбы. Поодаль от помоста сидел в кресле не кто иной, как сам знаменитый скульптор Э.М. Фальконе, и старательно раз за разом зарисовывал на огромных листах бумаги эту впечатляющую картину.

Но все городские события проходили мимо внимания Федота Афанасьевича и Ульяны Ивановны, пребывавших в неописуемой радости от

*Дарья Федотовна Комаровская, старшая сестра Е.Ф. Комаровского.
Худ. Л.С. Мировольский*

рождения сына. Ведь у них двое старших детей – девочки Дарья (? – 1786) и Анна (1760–1843). А воспитание дочерей во все времена сопровождалось непрестанными хлопотами и заботами об удачном устройстве их будущего. Но особое удовлетворение от появления на свет наследника «мужеска полу», разумеется, испытывал отец – Федот Афанасьевич. Теперь-то уж было кому передать и фамилию, и семейные традиции, было теперь и кому продолжить старинный род.

Младенца при крещении нарекли Евграфом – в честь святого мученика Евграфа, день памяти которого приходится как раз на 10 декабря по старому стилю. Это имя в переводе с греческого языка означает «благописец» – хорошо пишущий человек. А ещё человек с именем Евграф, согласно разъяснениям к знакам зодиака, – индивидуум со сложным духовным миром, развитой фантазией, очень наблюдательный. При этом он весьма прагматичен, но вместе с тем даже его чрезмерная душевная тонкость не может помешать пробиться там, где требуются крепкие локти и острый ум. Он умеет преодолевать препятствия, достигает значительных успехов в жизни, а также любит докапываться до мелочей и восстанавливать попорченную справедливость.

Счастливые родители, давая своему младенцу такое имя, не могли и предположить, что их сын будет «хорошо пишущим» человеком, наделённым определённым литературным даром, и что достигнет значительных высот как в военной, так и в придворной карьере. Что же касается всевозможных препятствий, предопределённых зодиакальными разъяснениями, то их на жизненном пути Евграфа Федотовича будет предостаточно. Успевай только преодолевать. И «попорченную справедливость» ему также доведётся восстанавливать: он станет столичным обер-полицмейстером, будет командовать охранными войсками – внутренней стражей, препятствовать декабристскому бунту молодых гвардейских офицеров – представителей знатнейших дворянских фамилий, возомнивших себя вершителями «светлого будущего».

Родительский дом Комаровских находился на Песках – в историческом районе Северной столицы, где ещё с петровских времён располагалась

военная слобода. Здесь целыми улицами квартировали гвардейские полки, вокруг которых царил воинский дух, а общая обстановка напоминала походный солдатский бивак со всеми атрибутами ратной жизни. Санкт-Петербург с самого его образования был городом казарм, военной столицей, а гвардия – его неотъемлемой частью. Казармы, кордегардии, заставы и караулы располагались по всему городу, вследствие чего не было района, где нельзя было не увидеть марширующих солдат, не услышать дробь барабана и зычные командные возгласы офицеров. Каждая гвардейская часть имела свой особый марш, и по нему горожанин мог заведомо определить, что вот-вот мимо него промаршируют красавцы-гвардейцы – преображенцы, семёновцы либо измайловцы.

*А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробуждён.*

Когда читаешь эти строки бессмертного романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», то можешь себе представить, что одной из важнейших составляющих звукового фона Санкт-Петербурга XVIII–XIX веков были военная музыка и военные сигналы. Потому что действительно город засыпал и просыпался под барабанный бой, когда в частях играли «Зарю» либо «Подъём», время суток также определяли исключительно по звукам духовых оркестров, под бравурные марши которых войска шли на учения или на смену караулов.

Поговорка тех времён «Питер будит барабан, Москву – колокол» отражала саму суть разницы в акустической атмосфере двух столиц. Полковые барабанщики тренировались не так далеко от жилых кварталов, чтобы их нельзя было не услышать. А о главных событиях столичные жители узнавали по пушечным выстрелам. И вновь обратимся к Пушкину, с лицейских лет впитавшему в себя имперский дух «Петрова творенья», который посвятил этому городу такие восторженные строки:

*Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром.*

Военный уклад с малолетства окружал Евграфа. За окнами, на полковых плацах, проходили утренние и вечерние поверки, разводы караулов, строевые занятия. Так что засыпал маленький Евграф и

просыпался под звуки труб, барабанов и рожков, сопровождавшие строго регламентированный солдатский быт. Атмосфера воинской жизни, существовавшая вокруг дома, породила в нем привязанность ко всему военному и любовь к ратной службе. Разумеется, в такой обстановке мальчик не мог не впитать армейский дух буквально с молоком матери. Как тут не пойти по военной стезе?

К тому же армейский мундир носили практически все предки будущего «генерала от стражи». А его родной дядя Иван Афанасьевич Комаровский некогда был офицером в знаменитой Лейб-кампании – личной охране императрицы Елизаветы Петровны. И отец Федот Афанасьевич прежде чем стать чиновником, в молодости по дворянской традиции также состоял на военной службе.

Сиротство

ОДНАКО СЧАСТЬЕ в семье Комаровских после рождения сына пребывало недолго. Едва Евграфу исполнилось десять месяцев, скоропостижно скончалась его матушка Ульяна Ивановна, которую похоронили в Христорождественском соборе уездного городка Каргополя Олонецкой губернии, недалеко от принадлежавшего семье загородного имения.

Убитый горем глава семейства вышел в отставку и поселился в имении, находившемся в Ухотской волости Олонецкой губернии, неподалёку от того места, где упокоилась его супруга. Пытаясь забыть, отец старался предаваться прелестям спокойной и размеренной деревенской жизни: сбережения, накопленные на государственной службе, направлял на совершенствование сельского хозяйства и улучшение жизни своих крестьян.

Впоследствии Евграф Федотович распорядился олонецким имением по справедливости: «Батюшка... имел ещё в других местах до 120 душ крестьян, которые отданы были потом моим двум сёстрам. Наследственные мои деревни в Ухотской волости я подарил племяннице моей А.А. Шулепниковой».

Спустя какое-то время Федот Афанасьевич женился во второй раз. Его избранницей стала Дарья

Степановна Рындина, родная сестра бывшего губернского предводителя вологодского дворянства К.С. Рындина, впоследствии ставшего крупным государственным чиновником и сенатором. В новом браке родилась дочь Софья, которая, к несчастью, умерла ещё в младенческом возрасте.

Что касается маленького Евграфа, то он зачастую был предоставлен сам себе. В результате чего первыми его неформальными учителями оказались лишённый сана местный священник и отставной седоусый офицер. Какие первые уроки жизни получал он от попа-расстриги и бывшего служивого, лишь одному Богу известно. Но вне всякого сомнения, эти умудрённые житейским опытом наставники не могли научить дворянского мальчонку ничему дурному. Видимо, так оно и было, если судить по его дальнейшей успешной военной карьере.

К сожалению, беззаботное детство будущего блистательного генерала в отцовском поместье также оказалось скоротечным. В конце 1776 года ушёл из жизни и сам Федот Афанасьевич. Евграф в семилетнем возрасте остался круглым сиротой, и участь его могла быть незавидной, несмотря на то, что он принадлежал к дворянскому роду. Но, к счастью, его судьбой озаботились многочисленные родственники и близкие семьи.

Один из них – родной дядя Иван Афанасьевич Комаровский, как нам известно, отставной офицер-кавалергард. Слушая долгими зимними вечерами его увлекательные рассказы о боевых походах, ратных подвигах и славной кавалергардской истории, рано осиротевший Евграф в детских мечтах видел себя также исключительно в гвардейском мундире среди бравых офицеров – бесстрашных рубак, бесшабашных кутил и галантных кавалеров. Всё это, разумеется, не могло не повлиять на дальнейшую судьбу дворянского юноши и его осознанный выбор карьеры военного.

Пример дяди был весьма поучителен. Прежде чем стать бравым кавалергардом, Иван Афанасьевич начинал свою армейскую службу в 1744 году «разными чинами до подпоручика включительно» в рядах 1-го Московского пехотного полка. В его составе принимал участие в Семилетней войне, где «московские пехотинцы» особенно отличились во

Лейб-гвардии сержант

всех основных сражениях – при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Пальциге, Кунерсдорфе, а также в штурме крепости Швейдниц. Пройдут ещё долгие одиннадцать лет тяжёлой ратной службы, прежде чем И.А. Комаровский за боевые заслуги будет «пожалован в поручики и Лейб-кампании гренадеры».

Знаменитая Лейб-кампания – особое, самое привилегированное придворное воинское подразделение, иногда называемое военными историками кавалергардией, прямым и единственным предназначением которого являлось «состоять избранной стражей при лице императорском». Эта уникальная воинская часть существовала только в русской армии. А предыстория её такова. В 1724 году для участия в коронации супруги Петра Великого императрицы Екатерины I создали особую роту почётного караула – кавалергардов (конную стражу), или драбантов, численностью около 70 человек. После церемонии временное подразделение распустили.

Элитное формирование, но уже под названием Лейб-кампания, было вновь учреждено императрицей Елизаветой Петровной после своего восхождения на трон именным указом от 31 декабря 1741 года. Первоначально личная стража состояла исключительно из военнослужащих гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка, оказавших решительную поддержку императрице при её вступлении на престол в результате бескровного дворцового переворота, состоявшегося 25 ноября того же года.

Новому привилегированному подразделению – своего рода гвардии в гвардии – Елизавета Петровна даровала большие преимущества. В знак его особого статуса императрица «возложила» на себя звание ротного капитана Лейб-кампании. Капитан-поручик «кавалергардии» сразу стал полным генералом, два поручика произведены в генерал-майоры, прапорщики выросли до полковников, сержанты – до подполковников, а рядовые гренадеры, в зависимости от должностей, получили офицерские чины от прапорщика до поручика. Кроме того, всех чинов – а их было 364 бывших преображенца – за помощь, оказанную в бескровном дворцовом перевороте, императрица щедро одарила поместьями, лиц недворянского проис-

хождения возвела в потомственное дворянство и всем пожаловала особые родовые гербы.

Во всё время царствования Екатерины II именно кавалергарды, прямые наследники сверхнадёжных стражей престола – лейб-кампанцев, держали внутренний караул близ её личных покоев, постоянно находясь в особой дворцовой комнате, получившей оттого название «кавалергардской».

В 1755 году поручиком кавалергардии стал родной дядя Евграфа Иван Афанасьевич Комаровский, который этим очень гордился и как всякий уважающий себя кавалергард назубок знал текст царского повеления об учреждении Лейб-кампании, мог наизусть цитировать исторический указ своему племяннику – благодарному его слушателю:

«Божией милостию мы, Елизавета Первая, Императрица и самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая. Понеже во время вступления нашего на Всероссийский родительский наш престол полки нашей Лейб-гвардии, а особливо гренадерская рота Преображенского полка... определяем ей имя – Лейб-кампания, в которой капитанское место мы, Императорское Величество, соизволяем сами содержать и оною командовать... Оной нашей Лейб-кампании во всех вышеписанных как унтер-офицеров, капралов и рядовых, кроме заротных чинов, всемилостивейше жалуем дворянами (кои до сего времени того не имеют) с таким указом, чтоб от них родившиеся от сего числа дети дворянство по наследству имели; которых ныне от нас всемилостивейше пожалованных дворян повелеваем в нашей герольдии вписать в дворянскую книгу и для незабвенной памяти будущим родам государства нашего о сём, от Господа Бога дарованном, успехе в восприятии нами всероссийского родительского нашего престола, в котором случае оные персоны нашей Лейб-кампании знатную свою службу нам и всему государству показали, сделать гербы по апробованному от нас рисунку; а которые есть из дворян, и тем в гербы их прибавить и сей новый герб и приготовить надлежащие дипломы к подписанию нашему».

Всё это, разумеется, не могло не повлиять на дальнейшую судьбу юноши. И он, понятное дело, с ранних лет мечтает исключительно о военной карьере, видит себя в блистательном гвардей-

ском мундире, при шпаге и, разумеется, в орденах.

С огромной благодарностью вспоминая всю свою родню, Евграф Федотович писал в своих «Записках...»: «После батюшкиной кончины учреждена была опека — из родного дяди моего Ивана Афанасьевича Комаровского, брата мачехи Дмитрия Степановича Рындина и зятя моего А.Н. Астафьева... А.Н. имел обо мне попечение самого нежного отца; он немедленно занялся тем, чтобы отдать меня в лучший тогда в Петербурге пансион».

Зачисление на военную службу и учёба в престижном пансионе

ЮНЫЙ ЕВГРАФ пришёл в неопиcуемый восторг, когда в 1777-м, на девятом году от роду, его «записали на военную службу сержантом сверх комплекта» с оговоркой «без жалованья» в один из лучших полков русской армии – лейб-гвардии Преображенский. Это событие глубоко врезалось в его детскую память ещё и потому, что в том году именно в день зачисления в полк на свет появился старший внук императрицы и родственники возили юношу «смотреть иллюминацию в день рождения будущего императора Александра Павловича».

Для небогатых дворянских недорослей запись в столичный гвардейский полк зачастую была единственной возможностью выбиться в люди, сделать, если повезёт, блистательную как военную, так и гражданскую карьеру.

По традиции, основанной ещё Петром I, дворяне в обязательном порядке должны были поступать в гвардейские полки рядовыми, где через один-три года службы получали звания унтер-офицеров. Затем, по открытии вакансий (свободных офицерских должностей), производились в офицерский чин. Но после смерти Петра I жёсткий контроль над дворянской службой исчез, а злоупотребления в этой сфере стали входить в систему.

По закону, изданному Петром I, все дети дворян должны были начинать службу рядовыми. Но впоследствии этот закон стали ловко обходить. Отпрысков большинства богатых и знатных фамилий

всеми правдами и неправдами норовили записывать в гвардейские полки с самого рождения. Таким образом, проживая в родительском доме, они как бы «проходили службу с нижних чинов» и уже по достижении совершеннолетия становились офицерами. Именно о таких чрезмерно ранних и ретивых «служивых» с иронией писал Н.С. Лесков:

*Как богатых бар потомок,
Был сержантом из пелёнок.*

Особенно этой привилегией начали широко злоупотреблять при Екатерине II. Родовитые дворяне записывали своих едва родившихся сыновей в полки рядовыми, оформляли на них отпуска «для образования» и уже к четырнадцати-шестнадцати годам недоросли получали первый офицерский чин. При таком подходе к профессиональной военной службе качество подготовки офицерского состава стало резко снижаться. Поэтому с 1770 года при гвардейских полках начали создавать кадетские классы (предшественники военных училищ), в которых готовили будущих офицеров из числа реально служивших молодых дворян.

В результате в гвардии возник институт сверхштатных унтер-офицеров и нижних чинов, большинство из которых находились не в строю, а в домашних отпусках «для повышения образования». Но среди чрезмерно обласканных родительским вниманием юных дворян, желавших получить офицерский чин, не прилагая при этом особых усилий, были и исключения.

К примеру, сам генералиссимус А.В. Суворов свою блестящую карьеру великого полководца добывал солдатской службой. В 1742 году его отцу Василию Ивановичу Суворову было высочайше разрешено «записать в лейб-гвардии Семёновский полк в солдаты сверх комплекта без жалованья» своего двенадцатилетнего «недоросля Александра Суворова». После чего ему дважды предоставлялись двухгодичные отпуска – для обучения «разным наукам, а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и часть инженерии и фортификации, також из иностранных языков, да и военной экзерции».

Отец молодого семёновца-мушкетёра, несмотря на то, что был генерал-аншефом, перед каждым от-

*Лейб-гвардии
сержант*

Императрица Екатерина II верхом (в гвардейском мундире).

Худ. Вигилиус Эриксен

пуском неизменно писал обязательство командиру гвардейского полка и раз в полгода отчитывался перед ним об успехах сына в учёбе. Заслуженное сержантское звание будущий генералиссимус получил только спустя девять лет (!) после «записи в полк» – в 1751 году. Ещё три года пройдёт до офицерского чина поручика. А генерал-майором великий полководец станет лишь в 1770-м, когда ему будет уже 40 лет.

Что касается Евграфа Комаровского, то и у него путь в офицеры окажется таким же долгим, как и у прославленного генералиссимуса. В полк-то его записали, но ему ещё надобно было получить полагавшееся каждому дворянскому недорослю соответствующее образование. Для чего «числящемуся в полку сверх комплекта» рядовому гвардейцу оформили соответствующий отпуск для обучения в пансионе г-на де Вильнёва – одном из лучших аристократических учебных заведений столицы.

Появившиеся в России в первой половине XVIII века частные пансионы и государственные училища явились альтернативой домашнему воспитанию, дорогому и малоудовлетворительному. К 1780 году только в Санкт-Петербурге уже имелось более двух десятков частных пансионов. Их содержатели – немцы и французы. Среди русской знати ценились дорогостоящие и привилегированные столичные пансионы, доступные лишь детям из аристократического круга. Именно к таким заведениям относился пансион де Вильнёва, который являлся одним из самых престижных учебных заведений в столице. Плата за обучение и полное содержание в нём была по тем временам огромной – 220 рублей в год.

Об этом, говоря современным языком, частном элитном общеобразовательном учреждении и его хозяине высоко отзывался влиятельнейший екатерининский царедворец граф А.А. Безбородко, который устроил сюда на учёбу своего племянника В.П. Кочубея, будущего первого министра внутренних дел России: «Де Вильнёв, человек весьма... учёный. Он был в числе учителей нынешнего шведского короля (Густава III. – Н.С.)... Из его пансиона вышли многие знатные и весьма отменные молодые люди». После смерти известного и популярного среди столичной знати французского педагога

Евграф продолжил обучение в не менее престижных частных учебных заведениях Санкт-Петербурга – пансионах г-жи Ленк и г-на Масона.

Много позже Е.Ф. Комаровский, с ностальгией вспоминая годы учёбы, писал в своих «Записках...»: «В первом и последнем из сих пансионов я имел товарищем графа В.П. Кочубея... Нас привезли почти в одно время – меня из Ухотской волости к зятю моему, а Кочубея из Малороссии к родному дяде его графу Безбородке. Они оба уговорились, чтобы отдать питомцев своих в лучшие пансионы».

Учился Евграф прилежно, «имел отменную склонность к наукам», о чём свидетельствует первая запись в послужном формуляре будущего генерала: «Грамоте по-русски, по-французски и по-немецки читать и писать умею, и разные части математики знаю». Это говорит о достаточно высоком для своего времени уровне светского образования, что, несомненно, способствовало успешной дальнейшей карьере.

Окончив пансион, Комаровский в мае 1780-го переводится из лейб-гвардии Преображенского в другой такой же престижный гвардейский полк – Измайловский. Надо сказать, что это был любимый полк Екатерины II, так как при её восхождении на престол первыми присягнули именно измайловцы. Здесь Евграфа зачисляют в кадетскую роту, где готовили дворянских молодцов к будущей офицерской службе. Юный Комаровский самозабвенно постигал все премудрости армейской службы и азы военных наук. В те времена в учебную программу, помимо общеобразовательных дисциплин, входило изучение основ солдатской экзерциции, артиллерии, фортификации, а также обучение фехтованию, верховой езде и, разумеется, танцам. Гвардеец обязан не только быть «изряден» по военной части, но являться воспитанным и галантным кавалером на балу, умеющим великолепно танцевать и, разумеется, способным обольстить и вскружить головки светских красавиц. Ведь какой бал без гвардейского офицера! Вспомним хотя бы вот эти строки из пушкинского «Евгения Онегина»:

*Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь.
Блеснуть, пленить и улететь.*

Лейб-гвардии
сержант

Князь В.П. Кочубей.
Худ. Ф.-П.С. Жерар

В те времена именно балы считались совершенно необходимыми для достижения положения в обществе и карьеры как гражданской, так и военной. Здесь завязывались нужные знакомства, создавались политические коалиции, кавалеры находили невест. Знаменитый поэт именно на балу познакомился со своей будущей женой, светской красавицей Натальей Гончаровой.

Весьма символичен следующий факт: в это же время в лейб-гвардии Измайловском полку служили братья Пушкины: прапорщиком – Сергей Львович, отец поэта А.С. Пушкина, и его дядя Василий Львович – поручиком. Сергей Львович был записан сюда в том же, что и Комаровский, 1777 году. Но не рядовым, а сразу сержантом, здесь же он получил и первый офицерский чин гвардейского прапорщика. А при Павле I, в 1796-м, перевёлся капитан-поручиком в лейб-гвардии Егерский полк, откуда вышел в отставку в чине майора. Переехав в 1802 году в Москву, перешёл на гражданскую службу, которую завершил статским советником. Что касается Василия Львовича, то он стал измайловцем пораньше и прослужил здесь офицером несколько лет. Исходя из этого, вполне можно предположить, что Е.Ф. Комаровский неплохо знал братьев Пушкиных по совместной службе в полку и, возможно, даже водил с ними офицерскую дружбу.

Спустя три года сослуживцем сержанта Комаровского станет Михаил Милорадович – будущий герой Отечественной войны 1812 года, записанный в лейб-гвардии Измайловский полк всего лишь девятилетним мальчиком. Однако служба у него пойдёт настолько успешно, что в Итальянском походе русских войск 1799 года Милорадович встретит своего однополчанина полковника Комаровского уже в чине генерал-майора.

Тем временем наш сообразительный, дисциплинированный и инициативный кадет оказывается на виду не только у своего непосредственного начальства, но и у лиц, приближённых к императорскому двору. Разумеется, этому также способствовали связи и знакомства с влиятельными людьми. Но, вне всяких сомнений, и личные качества «высокородных вьюношей» играли в их карьере далеко не последнюю роль. Вскоре Комаровский получает

чин сержанта лейб-гвардии, который согласно Табели о рангах относился к XIV классу и соответствовал первому офицерскому званию – пехотному армейскому прапорщику, а также гражданскому чину коллежского регистратора.

В эпоху Екатерины именно такие молодые, толковые и смекалистые служивые, как Комаровский, привлекались влиятельными государственными мужами для выполнения различных конфиденциальных поручений. Молодому сержанту повезло – в 1787 году его всего лишь восемнадцатилетним юношей «назначают состоять для курьерских посылок в чужие края» при высокопоставленном царедворце А.А. Безбородко, который искал молодых грамотных офицеров, способных к аналитическому мышлению и умеющих самостоятельно принимать решения в критической обстановке.

Благодаря этому обстоятельству молодой гвардеец совсем скоро поедет за границу и побывает в столицах многих европейских государств – Вене, Париже, Берлине, Лондоне, где посетит королевские дворцы и особняки влиятельных вельмож Европы. На светских раутах Комаровский будет увлечённо познавать тонкости дипломатии, а в свободное время старательно изучать принципы государственного устройства, а также особенное внимание уделять тонкостям военного и полицейского дела в Европе. Эти знания ему впоследствии очень пригодятся.

Ответственное назначение обязывало ко многому, прежде всего требовало дисциплинированности, собранности, определённых знаний, а также умения хорошо ориентироваться в придворной среде, оказывающей влияние на государственную политику. И сержант Комаровский старается безупречно оправдать высокое доверие.

Могущественный вельможа Александр Андреевич Безбородко во времена Екатерины II пользовался её безграничным доверием и занимал при дворе многие государственные посты: был личным секретарём (статс-секретарём) императрицы, высоким чиновником Коллегии иностранных дел (вторым её членом после первого – вице-канцлера графа И.А. Остермана) и фактическим руководителем всей российской внешней политики. В

1797 году Павел I назначил его государственным канцлером, возведя в княжеское Российской империи достоинство с присвоением титула «светлости». Безбородко принадлежал к числу тех редко встречавшихся государственных деятелей, которые карабкались по ступеням чиновной лестницы самостоятельно, не опираясь ни на случай, ни на протекцию, ни на покровительство, но лишь благодаря своим незаурядным дарованиям: огромной работоспособности, удивлявшей современников, феноменальной памяти, умению быстро всё схватывать, четко и ясно формулировать мысли. Эти же способности он ценил и у своих подчинённых, отдавая предпочтение молодым и инициативным. Судя по всему, в гвардейском сержанте Комаровском он усмотрел именно такие качества и питал к нему отеческие чувства и благосклонность.

Внешность Безбородко, по воспоминаниям современников, не вызвала особой симпатии: неуклюжий и нескладно сложенный, с «неблагородной» физиономией. Но старательность, добро-

Присяга лейб-гвардии Измайловского полка
Екатерине II, 28 июня 1762 г.

Худ. И.К. Кестнер

совестность и почтительность при выполнении им секретарских обязанностей сполна покрывали его видимые недостатки. «Быть при нас у приёма челобитен» – так кратко первоначально определила круг его служебных забот Екатерина II.

Однако вскоре императрице представился случай убедиться в необыкновенной памяти своего секретаря: она назвала какой-то закон, который Безбородко тут же процитировал наизусть. Когда же императрица затребовала книгу с законодательными актами, чтобы убедиться, действительно ли текст изложен секретарем в точности, то он, ко всему прочему, назвал даже номер страницы, на которой указ напечатан.

Часы, свободные от службы, Безбородко отдавал истории, причём его сочинения были посвящены не истории страны в целом, а её отдельным

сюжетам. В своём первом сочинении Безбородко изложил историю крымских татар. «Татарский народ, – мотивировал он в 1776 году свой интерес к крымцам, – столько с нами по делам своим связан, что почти непростительно не иметь о нём надлежащего сведения как людям, в штатских знатных чинах находящимся, так и военным».

Главная же мысль этого сочинения, если излагать кратко, заключалась вот в чём: чтобы обезопасить южные территории от разорительных набегов крымчаков – «сих наших вечных неприятелей», необходимо присоединить Крым к России. Таким образом, Безбородко первым вслух высказал идею, которую затем реализовал Г.А. Потёмкин.

Рост влияния Безбородко не оставался незамеченным современниками. Даже известный недоброжелатель России и ненавистник всего русского секретарь саксонского посольства Георг фон Гельбиг отмечал исключительное умение Александра Андреевича составлять деловые бумаги: «Никто из государственных министров даже в труднейших случаях и по какой бы то ни было отрасли государственного управления не мог представить государыне такого ясного доклада, как Безбородко. Одним из главнейших его дарований было искусство в русском языке».

А вот как Е.Ф. Комаровский описал в своих воспоминаниях домашний быт Безбородко: «Я получил приглашение от графа ходить к нему обедать, когда ни пожелаю. Кроме знатных гостей, обыкновенно общество состояло из особ, живущих у графа, и нескольких человек коротких знакомых. Ничего не было приятнее слышать разговор графа Безбородко. Он одарён был памятью необыкновенною и любил за столом много рассказывать, в особенности о фельдмаршале (П.А. Румянцеве-Задунайском. – Н.С.), при котором он находился несколько лет. Беглость, с которой он, читая, схватывал смысл всякой речи, почти невероятна. Мне случалось видеть, что привезут ему от императрицы преогромный пакет бумаг; он после обеда обыкновенно садился на диван и всегда просил, чтобы для него не беспокоились и продолжали бы разговаривать, между тем он только переворачивал листы и иногда вмешивался в беседу гостей своих,

не переставая в то же время читать бумаги. Если то, что он читал, не заключало в себе государственного секрета, он нам сообщал содержание оногo. Я слышал от графа Моркова, что он не мог никогда надивиться непостижимой способности графа Безбородко читать самые важнейшие бумаги с такою беглостью и так верно и так скоро постигать смысл оных».

Для молодого и старательного измайловца Е. графа Комаровского служба у могущественного канцлера, вне всяких сомнений, стала великолепной школой для его будущей придворной карьеры.

В кортеже императрицы всероссийской

ВЕСНОЙ 1787-го императрица всероссийская, «милостивая государыня» и «матерь Отечества» Екатерина II (так её высокопарно титуловали придворные) решила лично осмотреть новоприсоединённые территории на юге Украины и в Крыму, которые были названы Новороссией. Граф Безбородко, сопровождавший государыню, взял с собой своего верного курьера – гвардейского сержанта Комаровского.

И Екатерина II, и её ближайшее окружение (губернатор Новороссии Григорий Потёмкин, видные дипломаты Никита Панин и Александр Безбородко, один из ближайших сподвижников императрицы Алексей Храповицкий) видели в этой поездке прежде всего акцию политическую, направленную на упрочение влияния России на южном направлении, а отнюдь не развлекательную прогулку. В приглашении в кортеж знатных иностранцев, таких, как французский посол граф Луи Филипп де Сегюр, помимо личного расположения сказывалось и желание показать им силу и экономическое развитие Юга России накануне второй войны с Турцией. Однако Франция продолжала втайне помогать Османской империи, несмотря на все усилия посла бургундского двора графа Сегюра убедить своего короля и правительство не делать этого, дабы не испортить едва налаженные им торговые отношения с Россией. Это было известно проницательной императрице.

*Лейб-гвардии
сержант*

*Светлейший князь А.А. Безбородко.
Худ. И.-Б. Лампи (старший)*

Именно графу Сегюру было суждено произвести окончательный поворот в чувствах Екатерины к Франции и французам. Французская дипломатия наконец «напала на человека», подходившего для роли представителя короля в Санкт-Петербурге. Прибыв на место своего нового назначения 12 марта 1785 года, граф Сегюр уже 3 июня того же года писал: «Сегодня я ночую в Царском Селе, а завтра выезжаю вместе с императрицей. Дипломатический корпус столько же удивляется, как и завидует этой милости, и это путешествие, которое предпринимается только из любопытства и для развлечения, даёт повод к бесполезным и безумным политическим спекуляциям». Но политические «спекуляторы», о которых говорит Сегюр, не были совершенно неправы: путешествие Екатерины в обществе французского посланника стало началом новой главы в истории Европы.

Разумеется, императрица ехала в Крым с намерением показать иностранным дипломатам готовность страны к возможному конфликту, что должно было предостеречь европейских покровителей Оттоманской Порты от подстрекательства турок к нападению. Демонстрация силы состоялась, но в неё не пожелали поверить. Усиленно распространявшиеся противниками князя Потёмкина слухи о картонных городах и гнилых кораблях стали в Париже, Лондоне, Берлине и Стокгольме желаннее отчётов собственных представителей и резидентов из России.

В действительности же, как свидетельствуют другие участники экспедиции, никаких потёмкинских деревень не было. Нет ни слова о декоративных поселениях и в мемуарах Комаровского. Да и у самого Потёмкина не возникало мысли пускать пыль в глаза Екатерине II, с которой он был совершенно откровенен и находился в весьма доверительных отношениях.

И вновь обратимся к воспоминаниям французского посла, испытавшего необыкновенное душевное потрясение от «матери городов русских»: «Подъезжая к Киеву, испытываешь... особенное чувство уважения... К тому же живописное положение этого города придаёт прелесть первому впечатлению; смотря на него, вспоминаешь, что

здесь колыбель огромной державы, долго пребывавшей в невежестве, от которого она освободилась не более как лет за сто и теперь стала так огромна и грозна».

Киев для молодого члена царского кортежа Евграфа Комаровского оказался последней точкой в необычайном путешествии, оставившем в его памяти одно из самых неизгладимых впечатлений, которое он в своих записках изложил так: «Вояж сей императрицу Екатериною предпринят был для обозрения присоединённого полуострова Крым и Тавриды к России князем Потёмкиным, которому и дан был титул Таврического. Назначено было также иметь свидание с римским императором Иосифом II во время плавания её величества на галерах по Днепру, по случаю предполагаемой тогда войны у обеих империй против Порты Оттоманской. Император Иосиф приехал под именем графа Фалькенштейна... В свите императрицы Екатерины от Царского Села до Киева, а потом и по Днепру находились иностранные министры: граф Кобенцль – посол римского императора, Фиц-Герберт – английского и граф Сегюр – французского двора и другие знатные особы.

Путешествие представляло торжественное шествие. Во время ночи по обеим сторонам дороги горели смолёные бочки. Во всех губернских городах, где её величество останавливалась, были балы, и все улицы и дома иллюминированы. На границах наместничеств встречали государыню её наместники или генерал-губернаторы. На границе Новгородской губернии встретил Архаров, наместник новгородский и тверской; на границе Псковской губернии – князь Репнин, наместник псковский и смоленский; на границе Белоруссии – Пассек, наместник полоцкий и могилёвский, а на границе Черниговской губернии – генерал-фельдмаршал граф Румянцев-Задунайский, генерал-губернатор и наместник всей Малороссии.

В Киев приехало множество разных вельмож, а более поляков, и двор был весьма великолепен, особливо у заутрени, в Светлое Христово Воскресение, в Печерской лавре. К вечеру императрица поехала в Софийский монастырь; после оной посетила ми-

трополита Самуила в его келье, больного, который сказал ей речь и уподобил её Христу, явившемуся после Воскресения ученикам».

Судя по тону записок, участие в кортеже императрицы стало для будущего генерала одним из главных событий в начале его жизненного пути и хорошей школой «придворной науки» налаживания связей и установления взаимоотношений с сильными мира сего. Что же касается сравнения Екатерины II с Всевышним, то оно явилось истинным душевным потрясением и вместе с богатством и величием царского кортежа повлияло на дальнейшее трепетно-почтительное отношение его к самодержавной персоне.

Появление в Бахчисарае русского императорского двора с блестящим «эскортом сопровождения» произвело на местных жителей огромное впечатление и явилось политической демонстрацией победоносной мощи государства Российского, руководимого императрицей Екатериной II, вне всякого сомнения, выдающимся государственным деятелем второй половины XVIII века.

Но Комаровскому присутствовать при этом триумфе самодержавной власти на ещё недавно враждебных землях не довелось. Спустя какое-то время после прибытия царского кортежа в Киев ему неожиданно выпала счастливая судьба впервые отправиться за границу. И побывать не где-нибудь в Тмутаракани, а сразу в блистательном Париже, куда всегда стремилась русская знать. Граф Безбородко отправил своего посыльного, совсем ещё юного и неопытного, иностранным курьером прямо к французскому двору с важным поручением.

Мог ли тогда обыкновенный гвардейский сержант предположить, что именно с этого момента у него начнётся беспокойная и интересная жизнь, полная новых впечатлений, благородного риска и необыкновенных приключений, связанная с регулярными поездками за границу, которая будет продолжаться в течение нескольких лет и даст возможность осуществиться его блестящей придворной карьере.

ГЛАВА II

Курьер Иностранной коллегии

*С царскими подарками –
в блистательный Париж*

ЗИМА 1787 ГОДА выдалась необычайно суровой, наступившие холода даже сковали льдом Днепр. По этой причине Екатерина II, планировавшая из Киева незамедлительно отправиться по намеченному маршруту в Крым, вынуждена была задержаться в гостеприимном в те благословенные времена городе до вскрытия реки, чтобы продолжить путешествие по воде на галерах.

Судя по дневниковым записям некоторых участников царицыного путешествия, киевляне прекрасно справлялись с обслуживанием высоких гостей и обеспечением их разнообразным питанием. «Никогда в жизни я не встречала столько веселья, изящества и остроумия... – восторженно писала преуспевающая в высшем свете статс-дама графиня Урсула Мнишек о привольной и сытой киевской жизни участников кортежа императрицы. – Наши обеды в... корчмах так изысканны, что, закрыв глаза, можно вообразить, что мы – в Париже».

Но совсем юному Евграфу Комаровскому, ещё не привыкшему к придворной суете и всевозможным великосветским утехам, было не до изыскан-

ных развлечений. Граф Безбородко готовил его к выполнению чрезвычайно важной и ответственной миссии. В конце марта 1787 года гвардейский сержант прямо из Киева впервые отправляется в зарубежную поездку в качестве дипломатического курьера в столицу Франции – блистательный Париж.

Молодой измайловец должен был доставить в Версаль роскошные подарки от российской императрицы, предназначавшиеся министрам французского двора, содействовавшим ускорению оформления первого торгового трактата между двумя государствами.

Для курьеров, являвшихся в основном отпрысками не очень обеспеченных дворянских фамилий, поездки за рубеж были своеобразным подарком судьбы. Об этом же свидетельствует и сам Комаровский: «В царствование императрицы Екатерины II других курьеров не посылали в чужие края, как служащих в гвардии дворян сержантами. Нас всегда несколько находилось для сего предмета при Иностранной коллегии. Сие постановление было самое благодетельное, ибо оно доставляло небогатым дворянам случай видеть чужие края за казённый счёт».

Наш герой, Евграф Комаровский, ещё очень молод – ему всего восемнадцать лет, и его увлекает не только цель ответственной поездки, но и непосред-

*Гвардия при Екатерине II.
Худ. О.К. Пархаев*

ственно само путешествие, чувство свободы, невероятные впечатления, сменяющие одно другое.

Сейчас, конечно же, невозможно себе представить, чтобы такое ответственное государственное поручение выполнял всего лишь сержант, хоть и гвардейский, едва достигший совершеннолетия, к тому же один, без соответствующей охраны и сопровождения. Но в те времена подобное положение вещей являлось нормой: молодые люди выросли рано, и юные, но весьма ответственные гвардейцы, невзирая на жару и на стужу, игнорируя проливные дожди и ужасные метели, бесстрашно скакали на рысках с опечатанными пакетами, конфиденциальными донесениями, важными известиями не только по необъятным российским просторам, но и за пределы государства – в другие страны.

Что собой представляли курьеры екатерининского времени, можно судить по запискам Михаила Гарновского, много лет состоявшего управляющим делами князя Г.А. Потёмкина. «В курьерах, – писал он в одном из донесений своему светлейшему шефу, – а особенно в надёжных, крайний недостаток». Толковый поверенный хорошо знал то, о чём говорил. Именно ему было поручено осуществлять передачу почты командующего русской армией на юге непосредственно императрице Екатерине II. Именно такие грамотные, расторопные, сообразительные и разносторонне одарённые молодые военные, как Комаровский, попадали, как правило, в курьеры к высокопоставленным особам.

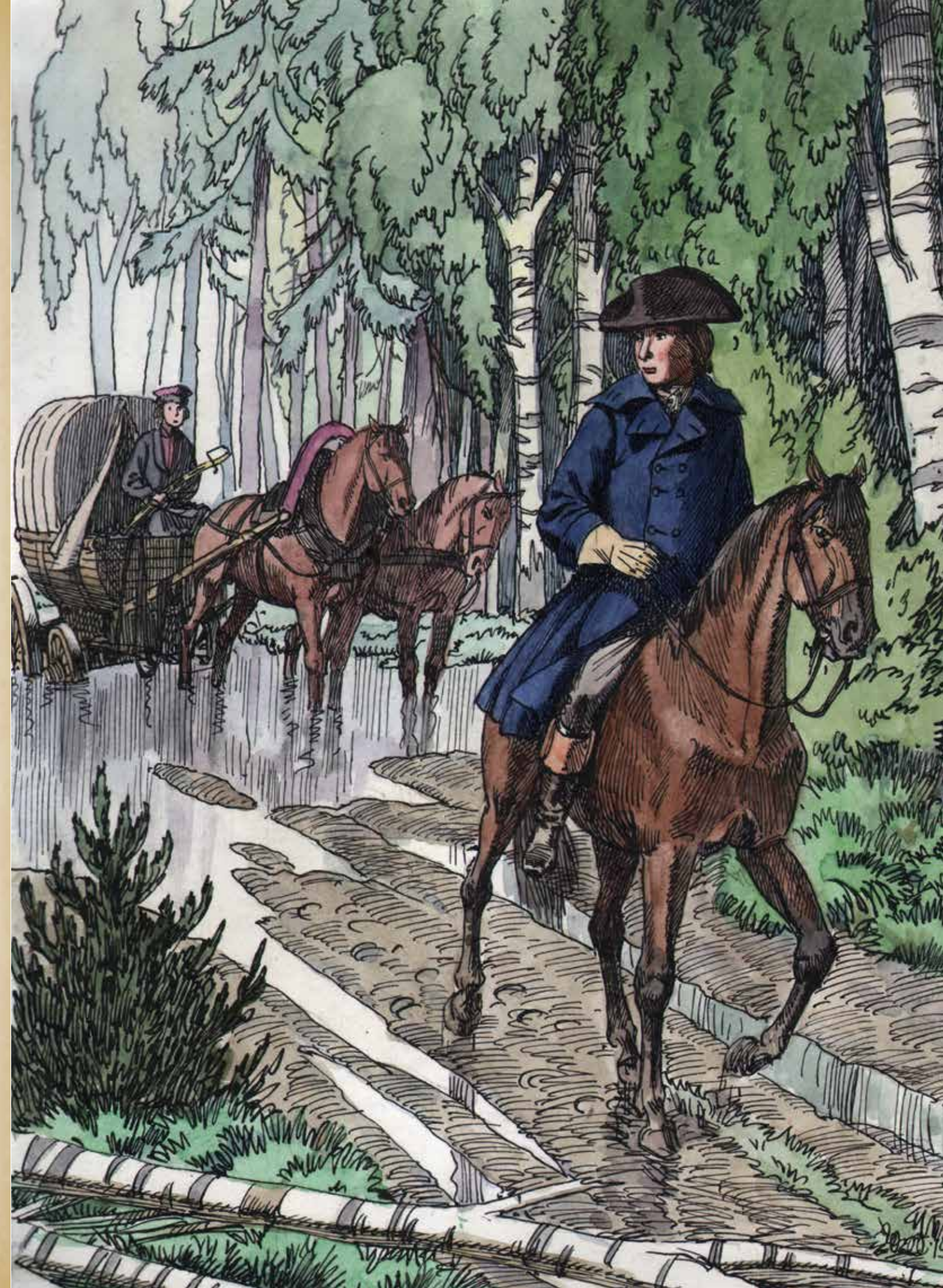
Ценный груз, полученный усердным сержантом от Безбородко, состоял из двух объёмистых ящиков, в которые были тщательно упакованы подарки французским вельможам. Комаровский в своих воспоминаниях оставил перечень дорогих царских презентов с указанием, для кого конкретно они предназначались: «Монмореню (Арман де Монморен в 1787–1791 гг. министр иностранных дел Франции. – Н.С.)... – золотой перстень с крупным солиёром (уникальным бриллиантом. – Н.С.), наследникам Верженя (граф Шарль де Верженн в 1774–1787 гг. министр иностранных дел Франции. – Н.С.) – полная коллекция золотых российских медалей, графу

Сегюру (в 1780–1787 гг. военный министр. – Н.С.) – соболий мех и фельдмаршалу де Кастри (в 1780–1787 гг. морской министр. – Н.С.) – золотой перстень с солиёром».

Судя по списку имён первых лиц Франции, ответственность за сохранность и доставку ценностей была огромной, и Комаровский рисковал не только карьерой, но и головой. Однако уже в самом начале путешествия молодого курьера за кордон произошло событие, которое могло поставить жирный крест на всей его ещё толком не начавшейся придворной карьере. Извечная наша беда – российское бездорожье, едва не сыграла с посыльным курьером могущественного графа злую шутку. Но надо отдать должное молодому и ещё неопытному курьеру – он с честью, по-гвардейски вышел из создавшейся сложной ситуации.

Спустя годы Комаровский вспоминал о случившемся с ним серьёзном дорожном происшествии как о некоем досадном курьёзе: «Подарки сии уложены были в двух ящиках, и... я поехал в перекладной повозке. Не доезжая до первой станции Василькова, я сбился с дороги, ибо уже смеркалось; повозка моя завязла с лошадьми в большую лужу. К несчастью моему, ямщиком был со мной мальчик, который в первый раз, по словам его, ехал по этой дороге. Насилу могли мы вытащить одну из пристяжных лошадей. Я не знал, что мне делать, послать ли ямщика на следующую станцию – но он говорил, что его там не послушают, ибо никто его на почте не знает – или ехать самому. Я решился на последнее: вооружив ямщика моими двумя пистолетами и саблей, сел верхом на отпряженную лошадь и поехал, сам не зная куда. К счастью, я выбрался на большую дорогу и приехал на станцию. Тотчас была заложена повозка, в которой я поскакал отыскивать свою, завязшую в грязи... Проехавши столько вёрст, сколько, мне показалось, я сделал верхом, начал я и новый мой ямщик изо всей силы кликать по имени прежнего моего проводни-

*Спасение гвардейским сержантом
Евграфом Комаровским дипломатической почты
близ г. Васильков по дороге в Париж.
Худ. О.К. Пархаев*

ка, но было тщетно; проехав ещё несколько вёрст, остановились, повторили то же самое и не имели большого успеха.

Каково же было моё положение, я знал, что со мной отправлено на несколько сот тысяч рублей драгоценных вещей и что сие немедленно дойдёт до сведения императрицы, и сверх того, первое сделанное мне поручение оказалось бы так неудачно, за что бы я мог подвергнуться строгой ответственности.

Как оказалось, царский курьер едва не утопил драгоценный груз в жуткой малороссийской трясине. Но, к счастью, все злоключения в конце концов закончились для молодого незадачливого путешественника благополучно, и бесценные царские подарки, успешно преодолев пресловутое российское бездорожье, были вскоре доставлены по назначению – в изысканный и одновременно помпезный Версаль, дворец французских королей.

«Болотное» приключение, случившееся с Комаровским в начале пути, оказалось единственной неприятностью, и весь дальнейший его вояж проходил без происшествий, зато сопровождался массой неизгладимых впечатлений. Едва сдерживая эмоции, курьер старался правильно запомнить незнакомые названия земель и городов: «Я проезжал через всю Польшу, Шлезию (Силезию. – Н.С.), города Люблин, Бреславль, Наумберг, Дрезден, Мейсен, Лейпциг, Гельнгаузен, Франкфурт-на-Майне, где я в первый раз увидел гр. Н.П. Румянцева, который после так много меня любил и столь много мне благодетельствовал, потом через Мец в Париж. Я адресован был к пребывавшему у французского двора министру нашему Симолину».

Наконец-то Комаровский добрался до русской дипмиссии и сдал ценный груз лично послу, который был «всячески благосклонен» к молодому гвардейцу и оказывал ему, как впервые оказавшемуся в Париже, всевозможную помощь и «большие услуги». Но о неприятном происшествии курьер, от греха подальше, предусмотрительно умолчал.

В то время российским послом в Париже был прибалтийский барон Иоганн-Матиас (Иван Матвеевич) Симолин, опытный дипломат, поступивший на службу в Иностранную коллегию ещё

при императрице Елизавете Петровне – в 1743-м.

Юного Евграфа, ещё не имевшего никакого опыта общения с высокопоставленными дипломатами (исключение составлял, пожалуй, лишь граф А.А. Безбородко), поразила исключительная скромность посла и его абсолютное равнодушие к роскоши. Комаровский с некоторым недоумением подметил: «Г-н Симолин вёл жизнь весьма уединённую, даже во многих отношениях несоответственную званию российского посланника».

В Париже Комаровский остановился в гостинице под названием «Три милорда», располагавшейся на улице Траверсьер в предместье Сент-Антуан. Знаменитый французский писатель Александр Дюма ещё не родился, но главный герой его будущего самого известного приключенческого романа «Три мушкетёра» шевалье д'Артаньян въедет в Париж на «беарнском мерине» именно через Сент-Антуанские ворота.

Смущенный радушным приёмом и гостеприимством (что называется, не по чину) сотрудников дипмиссии, молодой петербургский курьер был им очень благодарен, что не преминул отметить в своих воспоминаниях: «Советником посольства был П.А. Обресков, первым секретарём г-н Мошков, а вторым – г-н Павлов. Они оба оказывали мне большие услуги. Г-н Мошков ездил со мной в Версаль в день сошествия Св. Духа. Я был в придворной церкви и видел процессию сего ордена, которая была едва ли не последняя до революции. Г-н Мошков испросил позволение у королевы осмотреть Маленький Трианон, любимое её тогда местопребывание. Король и королева обедали в сей день *ap petit couvert**, т.е. за столом сидел один король и королева тоже одна, но в разных комнатах. Вся публика могла проходить мимо их величеств. Г-н Павлов показывал мне всё, что было любопытного в Париже, и ходил со мной в театр сей столицы».

Безусому русскому военному, ещё абсолютно не искушённому во всех театральные тонкостях и драматургических изысках, пожалуй, одному из первых петербуржцев посчастливилось увидеть на парижской сцене знаменитую комедию известного французского

* *An petit couvert* (франц.) – по малой сервировке.

драматурга Пьера Бомарше «Женитьба Фигаро». «Я приехал в Париж скоро после того, как распущены были *les Notables**, – вспоминал позднее Евграф Федотович, – и собирались *les Etats Generaux***, стало быть, революция уже приготавлилась. Бомарше незадолго перед тем сочинил свою комедию «Фигарова женитьба». Когда её представляли, то зрители доходили почти до иступления, и всякий раз, как занавес опускался, весь партер кричал *a demain****! Сия комедия дана была 130 раз кряду».

Среди заведений тогдашнего парижского «общепита» особое внимание Комаровского привлекали многочисленные кафе и ресторанчики, где можно было недорого, быстро и вкусно поесть либо просто отдохнуть, выпить чашечку кофе, наскоро перекусить. По количеству «кофейных домов», как назывались кафе на заре их появления, Париж уверенно держал мировую пальму первенства. Именно в них проходила значительная и далеко не худшая часть жизни парижан. Посещение кафе становилось нормой дневного времяпрепровождения обеспеченного человека в Париже: как правило, утром, во время завтрака, и после обеда, перед посещением театра.

Вот и русский курьер, довольно быстро привыкнув к жизни парижан, по утрам обязательно ходил завтракать в знаменитое столичное «Cafe de Foi» («Кафе веры»), которое, как заметил Комаровский, было «тогда в большой моде».

Комаровский смотрит на всё с любопытством и многое запоминает точно и надолго. У него цепкая память и пытливый ум, и потом, в работе над «Записками...», ему не придётся мучительно ворошить прошлое; каждое впечатление он помнит так живо, как если бы оно только что прошло перед его глазами: «В полдень почти весь Париж съезжался гулять под аркадами или в саду; тогда на дворе были прекрасные аллеи, которые истреблены во время революции... Все лавки всякий вечер были превосходно освещены воском, ибо *кенкетов***** тогда

* *Les Notables* – *нотабли* (франц.), знатные (именитые) граждане, составлявшие собрание представителей трёх сословий.

** *Les Etats Generaux* – Генеральные штаты (франц.), высшее сословно-представительское учреждение.

*** *A demain* (франц.) – до завтра!

**** *Кенкет* (франц.) – вид подвесного масляного светильника.

ещё не знали. Вся лучшая парижская публика туда съезжалась, и гулянье продолжалось до 11-ти часов вечера. По пробитии коих свист солдат швейцарской гвардии был сигналом гасить свечи и разъезда публики».

Столица Франции уже становилась своеобразной Меккой для состоятельных русских дворян. Многие из них здесь подолгу жили, изучая различные науки либо давая хорошее европейское образование своим детям. А сержант гвардии Комаровский исполнял здесь важную государственную миссию и даже не помышлял о каких-то личных выгодах.

Для коллекции Эрмитажа

СВОЮ ИСТОРИЮ знаменитый петербургский музей Эрмитаж начинал с коллекции произведений искусства, приобретённых императрицей Екатериной II в частном порядке. Оказалось, что к созданию коллекции царского «музеума» причастен дипкурьер Комаровский.

Надо сказать, что менее способные современники говорили о Евграфе Федотовиче как о ловком придворном, с готовностью бравшемся за любые поручения. Но, судя по всему, многие из сплетников попросту откровенно завидовали его ранней и успешно складывавшейся придворной карьере и по этой причине были не совсем объективны в своих выводах и оценках. А что касается поручений, которые доводилось исполнять Комаровскому, то они являлись прежде всего ответственными и почётными, а зачастую и сугубо конфиденциальными, тайными, иначе говоря – особой государственной важности. Значит, ему, несмотря на молодость, доверяли и были уверены, что не подведет и исполнит всё точно и в срок.

Вот одно из таких конфиденциальных поручений. Перед отъездом из Санкт-Петербурга Комаровский получил лично от императрицы опечатанный сургучом пакет с секретным посланием, который в Париже следовало передать из рук в руки некоему барону Гримму. Что же это за странная личность и какие у русской императри-

Барон Ф.М. Гримм.
Худ. Л.К. Кармонтель

цы могли быть с ним неформальные отношения?

Екатерина Великая познакомилась с бароном Фридрихом Гриммом в 1773 году, когда он сопровождал в Санкт-Петербург ландграфиню Генриетту-Каролину, прибывшую из крошечного немецкого графства Гессен-Дармштадтского на бракосочетание своей дочери принцессы Августы-Вильгельмины-Луизы с великим князем Павлом Петровичем, будущим императором Павлом I.

Галантный и общительный барон, блиставший светскими манерами, образованностью и философским складом ума, очень понравился Екатерине II. Сегодня загадочного барона вполне можно назвать агентом влияния. После второго его визита в Санкт-Петербург в 1776 году он становится официальным комиссионером императрицы, главным образом по покупке различных произведений искусства.

В том самом «партикулярном» письме, переданном Гримму сержантом-курьером Комаровским, Екатерина II излагала настоятельную просьбу о приобретении «гравированных камней» из богатейшего собрания Луи Жозефа Орлеанского. Это была самая большая, дорогостоящая и наиболее полная коллекция произведений античного искусства – около полутора тысяч великолепных гемм – прекрасных ювелирных камней с искусно вырезанными изображениями. В послании императрица требовала от барона Гримма не жалеть средств на покупку этого самого известного и богатого европейского собрания.

После трёхмесячного пребывания в Париже Комаровский получил от русского посла распоряжение готовиться к отъезду в Россию. Глава дипмиссии Симолин лично вручил ему дипломатическую почту, а барон Гримм передал конфиденциальную корреспонденцию и часть тщательно упакованных предметов из приобретённой им коллекции резных камней герцога Орлеанского — лично для Екатерины II.

Руководство Иностранной коллегии осталось довольно расторопным и исполнительным курьером Комаровским, успешно справившимся со своим первым ответственным заданием, и впоследствии регулярно отряжало его со всевозможными поручениями за границу.

Музейные экспонаты в Эрмитаже

Но более всего была удовлетворена императрица: она пребывала в восхищении от резных гемм, доставленных ей молодым гвардейцем, и восторженно его благодарила за это. «Живопись в камне» – так образно стали называть это одно из первых уникальных собраний Императорского Эрмитажа. «Моя маленькая коллекция резных камней такого, что вчера четыре человека с трудом несли две корзины с ящичками, в которых заключалась едва ли половина собрания. Это были те корзины, в которых у нас зимой носят дрова», — восторженно сообщала императрица барону Гримму о прибытии собрания в Санкт-Петербург.

Ныне ценнейшая «Коллекция резных камней герцога Орлеанского» вместе с другими аналогичными произведениями искусства глиптики*, находящимися в Эрмитаже, является одной из самых больших в Европе.

* Глиптика – резьба на драгоценных камнях.

И сегодня посетители Эрмитажа должны знать и помнить, что свою посильную лепту в создание и пополнение фондов известнейшего российского музея ценными экспонатами внёс курьер Иностранной коллегии искусный и дипломатичный сержант-измайловец Евграф Комаровский.

Путешествие в Туманный Альбион

В ОКТЯБРЕ ТОГО ЖЕ 1787 года Коллегия иностранных дел спешно отправляет Евграфа Комаровского в Лондон. Российская дипломатия, обеспокоенная началом боевых действий турецких войск в районе Кинбурна с целью восстановления контроля над Крымом, пытается ослабить британскую помощь Османской Порте. Поэтому в дорожной сумке фельдъегеря тщательно упакованы опечатанные пакеты с конфиденциальными дипломатическими документами и инструкциями, адресованными русскому послу в Англии графу С.Р. Воронцову.

Семён Романович принадлежал к влиятельному дворянскому роду Воронцовых, являлся высокообразованным российским политическим деятелем и великолепным дипломатом. Его послужной список – образцовый во всех отношениях: советник посольства в Вене, посол в Италии, участник Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (в 1766-м назначен в 4-й Гренадерский полк), отличился в сражениях при Ларге, Кагуле и под Силистрией, за что был произведён в полковники и награждён орденом Святого Георгия 4-й и 3-й степени. Впоследствии стал генералом от инфантерии и кавалером всех российских орденов.

Тем временем из Парижа, от русского посла И.М. Симолина, приходили сообщения одно тревожнее другого: «Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена... Это восстание сопровождалось убийствами, вызывающими содрогание... Жестокость и зверство французского народа проявились при этих событиях в тех же чертах, как и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы ещё до сих пор с ужасом читаем, с той только разницей, что в настоящее время вместо религиозного фанатизма умы охвачены политическим энтузиазмом».

«Энтузиазм» народных масс доходил до совершенного безумия. Последующие донесения звучали ещё более настораживающе: «Полнейшая и беспримерная анархия продолжает приводить Францию в состояние полного разрушения. Нет ни судей, ни законов, ни исполнительной власти, и о внешней политике настолько нет речи, как будто это королевство вычеркнуто из списка европейских держав. Национальное собрание, по-видимому, раздирается на части враждебными друг другу кликами. Король и королева содрогаются в ожидании неисчислимых последствий революции, подобной которой не знают летописи».

Екатерина II с ужасом читала депеши из Парижа, и революцию она «возненавидела животной ненавистью, руководствуясь классовым инстинктом дворянской царицы». Русская императрица предпринимает решительные шаги для организации дипломатического давления на революционную Францию со стороны всех европейских держав. Что касается русского посланника в Лондоне С.Р. Воронцова, то он всегда был сторонником развития русско-английских политических и торговых отношений, прилагал к этому немало усилий, выступал противником доктрины «вооружённого нейтралитета», содействовал союзу двух стран в борьбе с революцией во Франции. И его время настало – Россия искала сближения с Англией перед угрозой французских захватнических войн. Поэтому официальные бумаги, которые вёз Комаровский в Лондон, являлись особой государственной тайной.

Молодой гвардеец, уже ездивший с аналогичным заданием в Париж и отчасти познакомившийся с европейскими нравами и обычаями, в пути следования, как и в первый раз, старался быть чрезвычайно осторожным, осознавая всю важность ответственного поручения.

Первая половина пути протекала спокойно, без происшествий. Комаровский благополучно пересёк Пруссию и Саксонию. Этот маршрут ему уже был известен и не производил былого впечатления. А вот Голландия, где он ещё не бывал, удивила его «чистотой и опрятностью, которая видна не только в домах, но и на улицах, и теми каналами, с помо-

*Императрица Екатерина Великая.
Худ. Ф.С. Рокотов*

щью которых доставляются все припасы из одного места в другое».

Главная философия дипкурьера – не попадать в непредвиденные и опасные ситуации. Но, как известно, неприятности начинаются там, где их меньше всего ожидаешь. Обычное, казалось бы, плавание через Ла-Манш к берегам Туманного Альбиона явилось на редкость рискованным и едва не завершилось трагически: «В Голтвот-Шлессе я нашёл много пассажиров. В тот самый день ветер был попутный, мы сели на пакетбот к вечеру и пустились в море. Ночью сделался такой сильный шторм, что мы едва могли опять попасть в гавань, и все уверяли, что если бы шторм этот нашёл нас в открытом море, то мы бы непременно погибли. Противный ветер дул семь дней, потом повеял попутный, и мы пустились опять в море; когда мы проехали 24 часа, сделался совершенный штиль, и зыбь, продолжавшаяся несколько часов, была несносна; ни одного не было пассажира, который бы не страдал от оной. Наконец с довольно свежим ветром мы прибыли в Гарвич. Я странное испытал чувство, когда вышел на твердую землю; мне казалось, что все предметы, которые я вижу, находятся в беспрестанном движении и земля подо мною ходит, так что несколько минут я не мог шагу сделать вперёд».

Однако благополучно избежав кораблекрушения, Комаровский чуть не лишился дипломатической корреспонденции, а возможно, и самой жизни, едва ступив на берег «благословенной» Англии, кичащейся своими вековыми традициями. На прекрасно обустроенных дорогах Англии русский курьер неожиданно для себя столкнулся с настоящей, как бы мы её сейчас назвали, организованной преступностью.

В порту Гарвич к Комаровскому неожиданно подошёл чрезмерно словоохотливый, но, как оказалось, абсолютно безденежный итальянец и назойливо напросился в попутчики. Взамен он обещался служить переводчиком (гвардеец не владел английским) и помогать нанимать лошадей по самым выгодным ценам. Почтовые станции, как в России, здесь отсутствовали. Извозом занимались местные жители, владевшие так называемыми пост-шезами – лёгкими двухместными каретами.

Вот как спустя годы вспоминал граф о своих первых впечатлениях после высадки на английскую землю: «От Гарвича до Лондона 75 миль, или 100 вёрст; мы выехали часов в 10 утра. Я должен сказать, что никогда так приятно, покойно и скоро не ехал, и мой итальянец мне был очень полезен. Приехавши на последнюю перемену до Лондона, на воротах того трактира, где мы должны были остановиться, я увидел надпись прекрупными словами и спросил у итальянца, что это значит; он мне сказал, что предупреждают всех проезжающих, чтобы они берегли свои чемоданы и сундуки, находящиеся сзади карет, ибо в окрестностях Лондона находится множество пеших и конных воров».

Вполне официальное и вместе с тем откровенно вызывающее объявление озадачило и насторожило Комаровского. Но итальянец, сохранявший абсолютное спокойствие, посоветовал дипкурьеру не волноваться, зажать в кулаке несколько гиней и, не опасаясь за свою жизнь, продолжить путь. Ночь была лунная, не предвещавшая ничего худого. Как вдруг кучер прошептал, что видит двух конных воров, едущих навстречу. Один из грабителей приказал путникам остановиться и, подъехав к карете, потребовал плату за проезд по дороге, угрожая при этом пистолетом.

Вот тут-то предусмотрительный итальянец и подал жестом знак Комаровскому, чтобы тот отдал разбойнику те самые зажатые в кулаке четыре золотые монеты. Когда всадники удалились на значительное расстояние, итальянец повёл себя ещё более странно: высунувшись в окно кареты, он демонстративно выстрелил вслед разбойникам из пистолета. Комаровский, пребывая в недоумении, бросил на незваного попутчика осуждающий взгляд, а тот с прежним спокойствием пояснил – это сигнал другим воровским шайкам, что мы, мол, уже откупились. «Сим окончилось трагическое происшествие», – не без иронии вспоминал позже бывший курьер.

Уже в Лондоне Комаровский с удивлением узнал, что местные воры вполне официально имеют своё преступное сообщество и особый клуб, в котором регулярно собираются для обсуждения своих криминальных дел, и что властям об этом известно.

Граф С.Р. Воронцов.
Худ. Т. Лоуренс

Полицейские даже знают наперечёт имена всех разбойников с большой дороги, но арестовывают их крайне редко. И только тех из злоумышленников, отмечал в своих «Записках...» Евграф Федотович, «на которых из них есть явная улика в их грабежах, тогда приходят в их клуб, берут уличённых без сопротивления и передают в руки правительства».

По прибытии в лондонскую дипмиссию курьер в первую очередь передал запечатанный пакет лично русскому посланнику графу С.Р. Воронцову. Позже неискушённый в дипломатических интригах юный измайловец услышал от чиновников посольства, что граф, распечатав объёмистый конверт и молча ознакомившись с документами, якобы произнёс сакраментальную фразу: «Комаровский привёз старые газеты, видно, графу Безбородке хотелось познакомить его с Лондоном». А падкая до всяческих сплетен салонная молва тут же подхватила ненароком сказанные слова посла и пустила их «по ушам» любопытствующей публики.

Впоследствии вроде бы случайно брошенное послом высказывание, недальновидные историки превратили в анекдот, который использовался ими в публикациях с целью принижения той роли, которую долгие годы играл при дворе граф Е.Ф. Комаровский. Им было невдомёк, что искушённый в дипломатических тонкостях русский посол, вероятно, в целях неразглашения политических секретов сразу же погасил интерес своих подчинённых к привезённым петербургским курьером важным документам. Ведь среди сотрудников русской дипмиссии мог оказаться и английский агент, и просто болтун.

Пытливый юноша с интересом знакомится с городом и отмечает существенную разницу между Парижем и Лондоном. Первоначально город неприятно удивил Комаровского какой-то своей средневековой мрачностью. Если во французской столице, по его словам, «всякий день праздник... по улицам ходят, поют и веселятся», то здесь люди «ходят в глубоком молчании». А ещё его неприятно поразил знаменитый лондонский смог, образующийся «от каминов, в которых горит каменный уголь», создающий на улицах города «премрачный туман, так что иногда в полдень должно зажигать свечи, и белё делаеть чёрным». Вместе с тем Ко-

маровский и в мрачной английской столице всё же находит некоторые преимущества перед Парижем: в Лондоне «прекрасные тротуары перед каждым домом, кои обливаются водою ежедневно, и потому грязи на них никогда не бывает, для пешеходов это великое удобство».

Между тем в Лондоне Евграфу Федотовичу в ожидании ответной диппочты довелось прожить около полугода. За это время он познакомился и близко сошёлся со многими россиянами, по разным причинам находившимися здесь. Надо сказать, что вокруг прогрессивно настроенного русского посла группировались его молодые единомышленники: будущий сенатор В.Н. Зиновьев, отважный морской офицер Г.А. Сенявин, однокашник Комаровского по частному пансиону В.П. Кочубей, преображенец Ф.В. Ростопчин, также чиновники посольства из разночинцев. Заметным лицом в этом кругу был переводчик посольства В.Ф. Малиновский, в будущем первый директор Царскосельского лицея.

Но более всего столичному курьеру пришёлся по душе посольский священник протоиерей Яков Смирнов, который всегда радушно и гостеприимно принимал соотечественников, оказавшихся в Лондоне. Свои воспоминания о встречах с ним оставили многие люди, покорённые его гостеприимством, добротой и выдающимися способностями. Первым среди них оказался Комаровский, отозвавшийся о Смирнове довольно лестно: «Из всех чиновников один только замечательный человек находился – это священник нашей церкви... который употреблялся и по дипломатической части».

В ближнем круге русского посла было принято усваивать английские бытовые привычки. Одним из членов сообщества русских «англоманов» был молодой граф Фёдор Ростопчин, который, будучи в чине подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка, взял продолжительный отпуск и уехал за границу «для пополнения образования». Приняв под свою опеку Комаровского, он всюду водил его с собой, знакомил с жизнью, бытом и развлечениями суровых и чопорных британцев. Молодые люди «вместе ходили смотреть битву петухов», с любопытством наблюдали за «проделками учёного гуся» и ездили за несколько вёрст от Лондона «смотреть

кулачных бойцов, знаменитых в тогдешнее время: Жаксона (правильно Джексон Джон, сыграл решающую роль в становлении бокса как общепризнанного вида спорта, вместе с лордом Байроном основал Клуб кулачных бойцов. – Н.С.) – англичанина, и Рейна – ирландца».

Пари на турнире, со слов Евграфа Федотовича, «были ужасные»: англичане ставили на Джексона, а ирландцы – на Рейна. Кстати, английский парламент, узнав о подготовке кулачного поединка, запретил его в столице и ближайших к городу населённых пунктах в целях предотвращения огромного скопления народа. А посему местом проведения боксёрской дуэли было выбрано большое поле.

«В назначенный день тысячи карет из Лондона туда отправились, – вспоминал Комаровский подробности ранее невиданного зрелища и описал правила боя, – и мы наняли пост-шез. Сделан был большой помост для бойцов, а зрители взлезли на империялы карет, чтобы лучше можно было видеть сей спектакль. Бойцы были полунагие, и за каждым из них находились секундант и держатель бутылки с каким-то напитком. При начале боя они дали друг другу руку в знак того, что они между собою вражды не имеют, и если бы случилось одному быть убиту, то другого не преследовать как смертоубийцу по законам. Бой начался, и несколько раз тот и другой были повержены на пол: тогда секундант подходит, протягивает шею, за которую боец должен ухватиться обеими руками, и секундант, таким образом, его поднимает; дабы в бойце сохранить силы, держащий бутылку даёт ему из оной пить и считает протяжно, начиная с одного до того числа, как был уговор, и если боец, лежащий на полу, до сочтения положенного числа раз не встанет, то признаёт себя побеждённым».

Боксёрский поединок закончился победой Джексона, а поверженному Рейну «обвязали всё лицо чем-то белым» и начали интенсивно «прикладывать припарки». «Зрелище зверское, удивительно, как просвещённые люди могут находить в оном удовольствие» – такой вывод из всего увиденного сделал Евграф Федотович, тем самым как бы подчёркивая несоответствие между высоким уровнем цивилизации, характерным для англи-

чан, и популярностью бокса в Англии. Он тогда и предположить не мог, что в недалеком будущем бокс, эта «необъяснимая грубая и варварская причуда просвещённых сынов Альбиона», станет одним из самых распространённых и зрелищных видов спорта.

Но не только драчливые петухи, учёные гуси и боксёрские поединки являлись предметом увлечения молодых людей. Они также старались приобщиться к европейской культуре. Комаровский, к примеру, считал своим долгом побывать в модных театрах и познакомиться с новыми постановками. В Лондоне на тот момент было три главных театральных сцены. Это – итальянская опера, в которую зрители, по свидетельству Евграфа Федотовича, обязаны приходиться «в башмаках, белых шёлковых чулках и с треугольной шляпой». И два традиционно английских театра – Друри-Лейн, открывшийся ещё в 1663 году, и Ковент-Гарден, построенный на рубеже 1720–30-х гг. В первом Евграф Федотович наслаждался «превосходным голосом и пением девицы Беллингтон», а во втором любовался блистательной игрой «знаменитой трагической актрисы госпожи Сиддонс».

Проживая в Лондоне, Евграф Федотович не только познакомился с потомком славного русского адмиральского рода Сенявиных – Григорием Алексеевичем Сенявиным, но и даже побывал с ним в одном небольшом морском путешествии.

Однажды Сенявин решил показать Комаровскому военный корабль королевского флота, на котором служил офицером. Вместе с посольским секретарём они наняли шлюпку и отправились отыскивать судно. Но небольшое морское путешествие, по свидетельству Евграфа Федотовича, оказалось не вполне удачным: «Я никогда не видел такого множества кораблей вместе. Гребцы у нас были один старик, а другой мальчик; Сенявин оттолкнул их обоих, снял с себя фрак и начал сам грести; между тем пошёл проливной дождь, корабля мы не нашли, а промокли, как говорится, до последней нитки, особенно Сенявин, который был в одной рубашке. Он предложил нам заехать в Орендч, кафегауз, где собираются большею частью морские офицеры, велел себе подать пуншу гаф-

энд-гаф, то есть половина рому и половина французской водки, выпил одного пребольшую кружку и как ни в чём не бывало».

Несколько портил лондонскую жизнь Комаровскому граф Алексей Григорьевич Бобринский (внебрачный сын Екатерины II и её фаворита графа Г.Г. Орлова. – Н.С.). Он приехал сюда из Парижа, после того как наделал там множество долгов. Родители решили отвлечь своего непутёвого незаконнорожденного отпрыска от французских сомнительных знакомых путём переселения его из Парижа в Лондон.

Но молодой избалованный повеса, не избежавший естественных в его годы увлечений женщинами и игрою в карты, и тут постоянно остро нуждался в деньгах. В Лондоне он продолжал вести расточительный образ жизни и волочился за каждой юбкой. Поэтому денег, присылаемых ему из России, на жизнь, как и прежде, не хватало, что вызывало крайнее неудовольствие матери-императрицы.

Комаровский иногда был вынужден бывать у Бобринского в гостях, но только после настоятельных приглашений графа, когда «не в состоянии был от него отговориться». Молодой гвардеец не находил особого удовольствия в обществе богатого кутилы, хотя тот был настолько к нему любезен, что называл его не иначе как «le tres sage mr Komarovsky*».

Однажды Бобринский рано поутру заявился к Комаровскому и стал умолять его съездить с ним на несколько дней в Париж. Причина была до банальности простой – очередная пассия графа внезапно уехала в «город мечты», а он находился «в таком иступлении», что твердил только одно: «без нея жить не могу». Евграф с трудом отбил от назойливого и беспокойного влюблённого. Он едва смог убедить именитого ловеласа, что находится на «службе государевой» и без личного разрешения самого посла не может никуда отлучаться. Расстроенный Бобринский уехал в Париж один, но вскоре вновь возвратился в Лондон. Видимо, страстная любовь к обворожительной беглянке несколько поостыла.

* *Le tres sage mr Komarovsky (франц.)* – благоразумнейший Комаровский.

Надо отдать должное Комаровскому: за беззаботным времяпрепровождением он не забывал и о том, чтобы, пользуясь представившимся случаем, познавать принципы государственного, военного, а также полицейского устройства в Англии, учиться азам дипломатии и тонкостям ведения великосветских бесед.

Деликатное поручение императрицы

В НАЧАЛЕ 1790 ГОДА неугоминого курьера Евграфа Комаровского вновь отправляют за границу. На сей раз его путь лежит в Вену, которую в те времена называли «сверкающей столицей австрийских кайзеров». В дорожной сумке – пакеты с дипломатическими депешами, адресованными русскому послу в Австрии Д.М. Голицыну. Город-резиденция могущественной австрийской монаршей династии Габсбургов и столица «Священной Римской империи немецкой нации» пребывала, по словам Евграфа Федотовича, «в торжестве и печали» по случаю кончины императора Иосифа II и присяги Леопольду II, наследовавшему императорскую корону после бездетного брата.

Это обстоятельство было не в пользу России: если Иосиф II был личным другом Екатерины II и убеждённым союзником против турок, то сменивший его на императорском троне Леопольд II не разделял убеждений своего брата и, опасаясь войны с Пруссией, пошёл на заключение мира с Турцией. Россия фактически осталась один на один со своим главным противником на южном направлении.

Поэтому основные положения привезённых Комаровским дипломатических документов на сей раз не нашли в Вене должного отклика. К тому же и посол уже был так стар и дряхл, что практически отошёл от дел, и решением всех дипломатических вопросов занимался приставленный к нему в помощники граф А.К. Разумовский, который вскоре и сменил Голицына на посту главы русской дипмиссии.

Разъезжая по порученным делам, молодой дипломат имел возможность встречаться с известными и влиятельными историческими деятелями.

Портрет А.Г. Бобринского в маскарадном костюме.
Неизв. худ.

*Принцесса Фредерика Доротея Баденская.
Худ. Й.-Х. Шредер*

*Принцесса Луиза Мария Баденская в юности.
Худ. А.Х. Ритт*

Так, трёхмесячное пребывание Комаровского в Вене не было отмечено ничем особо примечательным, кроме как личной встречей и знакомством с австрийским фельдмаршалом Ф.М. Ласси. Военачальник был сыном прославленного российского полководца ирландского происхождения П.П. Ласси, который ещё при императрице Анне Иоанновне переформировывал и укреплял родной для Комаровского лейб-гвардии Измайловский полк. Так что встреча с престарелым полководцем оказалась для Комаровского не только весьма интересной и познавательной, но и довольно поучительной.

В течение 1790–1792 годов Комаровский совершил ещё несколько курьерских поездок за границу. На сей раз одним из конечных пунктов его путешествия был немецкий город Франкфурт-на-Майне. Здесь находился «полномочный министр в курфюрстском округе Нижнего Рейна при майнском, кёльнском и трирском курфюрстах», а говоря современным языком – русский чрезвычайный и полномочный посол в этих германских землях граф Н.П. Румянцев.

Но всё же одно из самых конфиденциальных и деликатных поручений Комаровского было связа-

но не с «французской революционной заразой» и «кобленцской контрреволюционной оппозицией», а со столицей маркграфства Баденского – небольшим и тихим городком Карлсруэ.

Дело в том, что Евграфу Федотовичу довелось принимать участие в хлопотах петербургского двора по устройству брака великого князя Александра Павловича (будущего императора Александра I) с дочерью принца Баденского Луизой (впоследствии — императрицей Елизаветой Алексеевной).

Екатерина Великая к любому делу подходила серьёзно и основательно. О счастливом семейном будущем своего обожаемого внука – великого князя Александра – любящая бабушка решила позаботиться заранее. Она обратила своё внимание на пятерых внуков правящего маркграфа Баденского Карла Фридриха. Особенно на принцессу Луизу, родившуюся 13 января 1779 года.

В конце 1790 года Екатерина поручает своему чрезвычайному посланнику при германских княжествах графу Н.П. Румянцеву нанести визит в столицу Бадена Карлсруэ и познакомиться с юными принцессами. В этом личном послании, доставленном Комаровским в тщательно опечатанном

*Граф Н.П. Румянцев.
Худ. Дж. Доу*

конверте русскому послу, особо подчёркивалось, что искушённому в конфиденциальных делах дипломату следовало деликатно и тактично собрать сведения о принцессах, «бывших тогда в летах для бракосочетания».

Причём особое внимание Екатерина II требовала уделить средним сёстрам – Луизе и Фредерике: «Сверх красоты лица и прочих телесных свойств их, нужно, чтобы вы весьма верным образом наведались о воспитании, нравах и вообще душевных дарованиях сих принцесс, о чём в подробностях мне донести».

Граф Румянцев постарался угодить своей матушке-императрице и отнёсся к порученному делу с полной ответственностью и тщанием. Он лично выехал в графство Баденское в сопровождении Комаровского для проведения своего рода заочных смотрин. Впоследствии Евграф Федотович вспоминал об этой щекотливой миссии с мельчайшими подробностями: «Со мной было прислано графу повеление отправиться в Карлсруэ, сделать маркграфу предложение: выдать одну из принцесс его дома в замужество за великого князя Александра Павловича, и когда получено будет согласие, прислать портреты принцесс к императрице... Он не взял с собой ни одного из своих чиновников. В карете сидели граф, я и его камердинер... Едва мы приехали в Карлсруэ и остановились в трактире, как маркграф прислал своего камергера спросить о здоровье графа и поздравить с приездом... В назначенный час для обеда приехала за нами придворная карета. При въезде нашем на дворцовый двор стоявший на оном караул гвардейских кирасир вошёл в ружье и отдал честь. У маркграфа всего войска было – кавалерии один эскадрон и батальон пехоты... Граф представил меня всему двору... Принцесс в первый день я не видел: они были в загородном доме... На другой день принц Фредерик (сын маркграфа Баденского и отец кандидаток в невесты великого князя Александра. – Н.С.) пригласил нас к себе на обед в Дурлах... Мы обедали на открытом воздухе, в саду... На сём обеде находились и обе принцессы – Луиза и Фредерика... Проводя самым приятным образом всякий день в обществе прелестных принцесс и

августейших и почтеннейших родителей, с небольшим три недели, граф Николай Петрович, у которого я исправлял иногда и должность секретаря, отправил меня с депешами к императрице в Петербург».

Как видно из воспоминаний Комаровского, повеление императрицы было выполнено наилучшим образом, и уже 2 марта 1791 года гвардейский сержант представил императрице подробный отчёт Румянцева о результатах поездки и подробную характеристику возможных кандидатур в невесты, особенно подчеркнув достоинства принцессы Луизы: «Madame! Я последовал приказу Вашего царского величества и поехал в Карлсруэ. Там я задержался дольше обычно принятого. Madame, принцесса Луиза крепка и развита лучше, чем другие дети её возраста. Она очень мила, хотя и не абсолютная красавица. Народ её любит больше, чем сестёр. Хвалят характер и расценивают её фигуру и свежесть как надёжную гарантию здоровья».

Расторопный курьер, кроме партикулярных писем исполнительного посла, привёз в дипломатическом багаже «великолепно писанные» портреты обеих принцесс – Луизы и Фредерики. Царица, внимательно осмотрев оба изображения, одобрила выбор своего дипломата, остановившегося, как и она сама, на Луизе. Евграф Федотович, также очарованный юной принцессой, дерзнул весьма лестно отозваться именно об этой кандидатуре в невестки матушки-императрицы: «Я ничего не видывал прелестнее и воздушнее её талии, ловкости и приятности в обращении».

После выполнения особого поручения императрицы Комаровский был «осчастливлен» личным благорасположением великого князя Александра, что впоследствии, несомненно, положительно сказалось на всей его дальнейшей придворной карьере: «Его высочество, известясь, что я привёз портрет наречённой его невесты, желал меня узнать, хотя с виду и всякий раз, как мне удавалось с ним встречаться, он отличал меня поклоном с ласковым взглядом или с улыбкою».

В декабре того же года курьер Комаровский по личному распоряжению императрицы мчится к

Императрица Елизавета Алексеевна.
Худ. Ж.-Л. Монье

маркграфу Баден-Дурлахскому уже с официальным предложением брака великого князя Александра и принцессы Луизы. Отказа, разумеется, не последовало, так как правители мелких германских земель всегда были не прочь породниться с влиятельными европейскими монархиями и иметь от этого как политические, так и экономические выгоды.

9 мая 1793 года в большой церкви Зимнего дворца состоялось миропомазание* принцессы Луизы: будущую русскую императрицу нарекли в православии Елизаветой Алексеевной.

На следующий день после принятия православия в Царском Селе прошла торжественная церемония обручения великого князя Александра и принцессы Луизы. Юные жених и невеста в духе той эпохи были немедленно наречены Амуром и

* Миропомазание – таинство православной церкви, совершаемое над человеком единственный раз в жизни после крещения, в Византии и в России миропомазание осуществлялось второй раз исключительно над монархами при возведении на царствование.

Миропомазание великой княгини Елизаветы Алексеевны 9 мая 1793 г.

Худ. Е.В. Мошков

Психеей. Они действительно были очень красивой парой, пленявшей взор молодостью, грациозной женственностью невесты, изяществом и обаянием жениха.

Личный кабинет-секретарь императрицы и поэт «просвещённого века» Гаврила Державин тут же, в Царском Селе, написал по этому поводу верноподданническое стихотворение «Амур и Психея»:

*Амуру вздумалось Психею,
Резвяся, поимать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать...
Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряжена
С любовию душа.*

Евграф Комаровский, получивший к тому времени офицерский чин прапорщика, присутствовал на церемонии венчания уже не в гражданском платье дипломатического курьера, а в офицерском мундире лейб-гвардии Измайловского полка: «После обручения было поздравление, на коем находились все гвардейские офицеры. Когда пришла моя очередь, подходит великий князь, увидя меня, сказал что-то своей невесте, и когда мне должно было поцеловать её руку, она, подавая мне онучу, с приятною улыбкою сказала: «Comment c'est vous, monsieur?»*. Вероятно, она не узнала меня вдруг, в новом моём одеянии».

Красота и обаяние были отличительными чертами почти всех русских императриц. Комаровский с восторгом отзывался о внешних данных женщин царской крови: «Пусть представят себе императрицу Марию Феодоровну в цвете лет, великих княгинь Елизавету Алексеевну и Анну Феодоровну, Марию Павловну и Екатерину Павловну, всех одетых в белые платья, и скажут, можно ли видеть более августейших красавиц, вместе соединённых! Один Платон умел это достойно изъяснить».

Поэт Александр Сергеевич Пушкин, также находясь под впечатлением от красоты и обаяния Елизаветы Алексеевны, посвятил ей своё стихотворение «На лире скромной, благородной, земных богов я не хвалил», в котором есть такие восторженные строки:

*Я, вдохновлённый Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламенённою душой
Я пел на троне добродетель
С её приветною красой.*

Однако августейший брак, к сожалению, оказался несчастлив, и семейная жизнь императрицы сложилась неудачно. У них долго не было детей. Наконец долгожданное материнство на какое-то время вернуло ей счастье – у неё родилась дочка. Но материнским мечтам не суждено было сбыться:

* «Comment c'est vous, monsieur?» (франц.) – «Неужели это вы, месье?».

через полтора года малышка умерла. Больше у супругов детей не было.

Горе, постигшее императрицу, самым тяжёлым образом отразилось на её здоровье. В дальнейшем она посвятила себя благотворительности, тратя большую часть денег, получаемых на своё содержание, на пособия нуждающимся.

В Отечественную войну 1812 года Елизавета Алексеевна создала сиротское училище и при нём Дом трудолюбия для обучения и содержания за казенный счёт дочерей офицеров, павших в боевых действиях против французов. Впоследствии это учебное заведение, постоянно опекаемое императрицей, стало называться Елизаветинским институтом. Всё это необычайно усиливало её популярность в русском обществе.

Елизавета Алексеевна умерла в ночь с 3 на 4 мая 1826 года, спустя пять месяцев после смерти своего мужа – императора Александра I.

Евграф Федотович, искренне скорбя по поводу кончины горячо обожаемых им государя императора и его августейшей супруги, писал: «Я ездил на встречу тела покойного, незабвенного моего благодетеля императора Александра Павловича до станции Чудово и имел счастье несколько раз стоять при его гробе, когда на ночь тело вносило было в случающиеся по дороге церкви. Лейб-медик Виллие прислан был осмотреть тело покойного императора; снята была крышка с гроба, и при сём случае я удостоился приложиться к образу, который его величество носил всегда на себе, и поцеловать его руку. В церкви Чесменского дворца тело императора Александра I переложено было в свинцовый гроб; сие переложение делали одни только генерал-адъютанты, бывшие при его величестве, в числе которых и я находился. Во всё время, как тело императора стояло в Казанском соборе, один только генерал и флигель-адъютанты покойного государя были дежурными при его гробе.

Скоро потом Россия погружена была в новую печаль кончиною императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги достойной Александра Благословенного, последовавшей на дороге её величества из Таганрога в Петербург, в городе Белёве Тульской губернии».

Так что воспоминания Е.Ф. Комаровского являются не только любопытным и познавательным

историческим источником, но и одним из веских и неоспоримых аргументов, развенчивающих устойчивую легенду о том, что Александр I якобы не умер тогда в Таганроге, а взяв имя старца Фёдора Кузьмича, ушёл с посохом под видом святого странника в Сибирь, где жил долгие годы и молился «во искупление своих тяжких царских грехов».

Негласный конфиденент, связник и маршрутный агент

ТЕПЕРЬ, КОГДА мы внимательно ознакомились со всеми нюансами дипкурьерской службы Евграфа Комаровского, с определённой долей уверенности можем утверждать, что во время зарубежных поездок он исполнял некие функции разведывательного характера. Не секрет, что в те времена ещё не делалось различия между дипломатической и разведывательной службами.

Разведка стара как мир. Ей служили многие тысячи людей – отважные, находчивые, умные, хитрые, в основном странствующие. Судьбы путешественников тех далёких лет представляли собой лихо закрученный приключенческий сюжет, а их жизнь становилась известной порой только после смерти.

Надо сказать, что среди потенциальных разведчиков чаще всего были именно путешественники. Одни «предавались узнаванию» чужих тайн ради денег, другие выполняли свой профессиональный долг за идею, третьи выводывали секреты, порой даже не подозревая, что играют роль негласных конфиденентов*.

Специальных служб, занимавшихся непосредственно разведкой, тогда ещё не было, поэтому в Российской империи, как, впрочем, и в других странах, в первую очередь эту работу вели дипломаты.

Кто такой дипломат? Это прежде всего специалист по поиску, сбору и анализу необходимой информации. Не случайно именно Коллегия иностранных дел, созданная Петром I ещё в 1718 году, наряду со своими основными обязанностями по-

путно выполняла, по сути, функции внешнеполитической разведки.

В качестве весьма красноречивого примера можно привести поучение, даваемое своим коллегам официальным главой внешнеполитического ведомства времён Екатерины II графом Н.И. Паниным: «Сотрудник Иностранной коллегии должен уметь вербовать открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц и второстепенных чиновников, писать лаконично и чётко свои шифрованные и открытые донесения на Родину не по заранее установленной форме, а исходя из соображений целесообразности».

Сама же императрица Екатерина II, по мнению современных историков российских спецслужб, блестяще владевшая навыками разведывательной и контрразведывательной работы, требовала, чтобы все люди, определяемые в Коллегию иностранных дел, были «исправные, способные и для дальнейшей службы надёжные».

Разумеется, российские дипломаты, военные агенты и другие лица, которым вменялось в обязанность заниматься разведывательными операциями, не имели какой-либо специальной подготовки. Работа эта не планировалась, отчётов о проведённых мероприятиях не составлялось, учебных пособий не было, равно как и соответствующих учебных заведений, поэтому говорить о профессиональной подготовке разведчиков в Российской империи не приходится. Однако многие качества, присущие настоящим разведчикам, – внимательность, проницательность, точность, наблюдательность – были не чужды не только дипломатам высокого ранга, но и дипломатическим курьерам, которым по долгу службы сам Бог велел всё подмечать и обо всём увиденном и услышанном сообщать своему начальству.

Видимо, именно эти качества, присущие дипломатам-разведчикам, разглядел в молодом гвардейском сержанте теневой руководитель всеми иностранными делами статс-секретарь Екатерины II граф А.А. Безбородко, когда выбрал Комаровского «для курьерских посылок в дальние края», то есть за границу. Формула разведчиков всех времён и народов – кто владеет информацией, тот владеет

* Конфидент (франц. *cofidet*) – доверенное лицо, порученец.

миром – в данном случае вполне применима к курьерам Иностранной коллегии.

Так Евграф Федотович, сам того, возможно, не подозревая, стал, по сути, конфидентом могущественного канцлера и маршрутным агентом* как русского внешнеполитического ведомства, так и русских послов-разведчиков, выполнявших различные тайные миссии за рубежом – в европейских государствах. Молодой курьер всё видел и всё запоминал, а по возвращении в Санкт-Петербург обо всём докладывал устно своему начальству либо составлял письменные отчёты.

Но всё же главная задача курьера состояла в том, чтобы диппочта была сохранена, в срок доставлена по назначению и оставалась тайной для посторонних лиц. А секретов в этой корреспонденции, как исходившей из Коллегии иностранных дел, так и поступавшей от наших зарубежных послов, было предостаточно. И ими – секретарями – активно интересовались сотрудники дипломатических миссий других государств. Примеров тому было немало. Однажды императрица Екатерина II пришла в крайнее беспокойство вследствие исключительной осведомлённости французского правительства относительно содержания конфиденциальных документов, касавшихся российской внешней политики. Подозрения не без оснований пали на французского посла в Санкт-Петербурге графа Сегюра, но, несмотря на все усилия, обнаружить источник, через который происходила утечка закрытой информации, никак не удавалось.

Разоблачить «крота» во внешнеполитическом ведомстве было поручено русскому послу в Париже И.М. Симолину, который блестяще справился с непростым заданием. В апреле 1791 года он доложил вице-канцлеру И.А. Остерману: «Нашему конфиденту удалось найти для меня источник получения самых достоверных сведений об осведомителе графа Сегюра, которого он имеет в нашей Коллегии иностранных дел. Отчёт об этом я дал её импера-

* Маршрутный агент – человек, следующий по определённому маршруту и попутно собирающий случайно услышанную информацию либо анализирующий всё увиденное им в пути.

торскому величеству также в приложении к сему письму».

В конфиденциальном докладе Екатерине II, полученном ею лично в опечатанном сургучом конверте, доставленном в Санкт-Петербург вероятнее всего именно особо доверенным курьером Комаровским, посол-разведчик писал: «Я постарался получить эти сведения из источника, который не может возбудить ни малейшего сомнения или подозрения в его достоверности. Осмелюсь приложить к сему экстракт*, полученный из Бюро фондов иностранных дел, в котором обозначено имя получателя и время вознаграждения, выданного лицу, которое в последние три года записано под именем Скрибса». К донесению была приложена и расписка этого посольского конфиденнта: «Я клятвенно удостоверяю, что эти сведения получены из Бюро фондов иностранных дел и что я видел оригинал, на котором значатся имена».

Этих данных оказалось достаточно, чтобы выявить и арестовать французского «крота», окопавшегося в недрах русского внешнеполитического ведомства. Им оказался секретарь канцелярии Коллегии иностранных дел надворный советник И.И. Вальц, завербованный французским послом в 1787 году, который за вознаграждение в «3 000 рублей ежегодно» регулярно передавал секретные шифры и копии с важных секретных документов, проходивших через канцелярию и касавшихся внешней политики России. Правда, выявленный шпион отделался удивительно мягким наказанием – его всего лишь сослали на постоянное жительство в Пензу, где он и прожил до скончания дней в собственном доме.

Вероятно, именно Комаровский, в следующей заграничной командировке проживший в Лондоне около шести месяцев, кроме курьерских обязанностей, имел также поручение свежим незамыленным взглядом посмотреть на общее состояние дел в русской дипмиссии и оценить качественный состав её сотрудников. Какой при этом он мог сделать вывод и что докладывал А.А. Безбородко, мы можем толь-

* Экстракт (от лат. *extractus* – выдержка, извлечение) – в данном случае выписка из документа.

ко предполагать. Но, между прочим, в своих мемуарах Евграф Федотович, явно не случайно, весьма категорично констатировал, что «при лондонской нашей миссии из всех чиновников один только замечательный человек находился – это священник нашей церкви Яков Иванович Смирнов, который употреблялся и по дипломатической части». Что этим хотел сказать Комаровский и почему он так нелицеприятно отзывался о сотрудниках посольства кроме одного, остаётся только догадываться.

Весь следующий 1791 год и первая половина 1792-го выдались для дипкурьера Комаровского чрезвычайно напряжёнными: ему несколько раз пришлось ездить со срочными депешами к «полномочному министру в германских землях» графу Н.П. Румянцеву. Дело в том, что с февраля 1791 года между Берлином и Веной начались тайные переговоры о сближении против охваченной революцией Франции. Это обстоятельство вызвало активизацию русской дипломатии в Пруссии и Австрии. Кроме того, в Западной Германии у слияния двух рек, Мозеля и Рейна, сосредоточивалась французская оппозиционная эмиграция, формировавшая и вооружавшая с помощью европейских монархий внушительную армию, которая должна была силой восстановить во Франции свергнутую революцией королевскую власть.

В том же 1791 году сюда по поручению Екатерины II прибыл «адмирал русской службы» принц Нассау и выхлопотал у местных властей разрешение поселиться в немецком городе Кобленце лицам французской королевской крови и эмигрантам, оставшимся верными монархической власти. Впоследствии он исполнял роль посредника между российской императрицей, с одной стороны, и эмигрантами, с другой, для активизации вооружённого вторжения во Францию.

Екатерина II поддерживала изгнанников и вела с ними активную дипломатическую переписку. Поэтому Комаровскому приходилось неоднократно посещать прибежище эмигрантов, благодаря чему довелось свести личные знакомства с некоторыми влиятельными её лидерами.

Особенно дружеские отношения сложились у Евграфа Федотовича с находившимся здесь на правах личного эмиссара Екатерины Великой принцем

Нассау: «Я всегда останавливался в доме принца Нассау, который меня очень полюбил... Потом принц Нассау приехал в Петербург, как говорили, с поручением от французских принцев к императрице просить вспомогательных для них войск. Я тотчас к нему явился. Он осыпал меня милостями, обещал просить князя Зубова, бывшего тогда фаворитом, чтобы мне исходатайствовать гвардии офицерский чин». О своём обещании принц Нассау не забыл и чуть позже его в точности исполнил.

Новый знакомый и покровитель Евграфа Комаровского носил двойное имя – французское Шарль Анри и немецкое Карл-Генрих-Николай-Отто, имел титул принца де Нассау-Зиген. Родился он в 1743 году, а его рано умерший отец принц Максимилиан принадлежал к католической ветви старинного знатного рода, владевшего небольшим немецким графством Нассау.

Принц Нассау был отчаянным храбрецом и безудержным искателем приключений, основными качествами характера которого являлись непредсказуемость, импульсивность, вера в удачу, богатая фантазия, решительность и общительность, любовь к внешним эффектам и умение плести интриги. «Как рыцарь, ищущий везде славы, едва узнал он, что вокруг французских принцев собирается армия из эмигрантов, просил императрицу позволить ему ехать и быть в числе защитников трона Бурбонов» – так охарактеризовал Комаровский этого, в хорошем смысле слова, авантюриста, абсолютно неприспособленного к спокойной, размеренной жизни, особенно если где-то заваривалось горячее дело, в которое ему обязательно надобно было ввязаться».

Поэтому Екатерина II, благосклонно относившаяся к своему адмиралу, напутствовала его на выполнение тайной миссии по оказанию помощи французским монархическим эмигрантам. Принц Нассау, видимо в «конспиративных» целях, официально уволился с военной службы в «продолжительный заграничный отпуск», испросив при этом «разрешение взять... с собой для предстоящей кампании против республиканцев» Евграфа Комаровского в качестве курьера-связника.

Так двадцатитрёхлетний гвардейский сержант оказался в центре драматических событий – по-

Вице-адмирал русской службы принц К.Г. Нассау-Зиген.
Неизв. худ.

пытках подавления французской революции извне силой оружия, которые до сих пор историками так до конца не изучены и которые при удачном стечении обстоятельств могли бы поменять весь ход европейской истории.

Но мы не станем делать безосновательных предположений, а вновь обратимся к компетентному источнику – «Запискам графа Е.Ф. Комаровского»: «В течение нескольких месяцев я два раза был послан курьером с депешами к графу Румянцеву и принцу Нассау, имевшим пребывание своё тогда в Кобленце, где находились и французские принцы... Он жил чрезвычайно открыто, и я имел случай познакомиться со многими весьма умными эмигрантами, как-то: графом Бретелем, г-ном Калонном, графом Сомберелем, герцогом де Гишем, аббатом Мори и проч.». Исходя из этого, вполне можно предположить, что Евграф Федотович, в соответствии с терминологией спецслужб, исполнял роль курьерасвязника между «русским военным агентом» Нассау и контрреволюционными французскими принцами, графами, герцогами и прочими видными оппозиционерами новой власти.

Разумеется, Комаровский мог только догадываться о содержании всех депеш, доставляемых им из Санкт-Петербурга графу Н.П. Румянцеву и «военному агенту» принцу Нассау. Скорее всего это были инструкции послу-резиденту и агенту-адмиралу о том, как действовать в сложившейся ситуации, и указания об активизации работы по сплочению эмигрантской оппозиции, а также ускорению формирования объединённой прусско-австрийской армии и «контрреволюционных» войск для вторжения во Францию с целью спасения короля и подавления революции.

Но о содержании двух писем, адресованных графу Н.П. Румянцеву, курьеру всё-таки стало известно. В первом из них говорилось, что императрица Екатерина II официально аккредитовала российского посла в «германских землях» своим представителем при лидерах французской оппозиции – принцах-эмигрантах графах Прованском и д'Артуа – родных братьях свергнутого короля Людовика XVI. В другом письме, отмечал Комаровский, «было прислано к графу Н.П. Румянцеву повеление от импера-

трицы, чтобы он находился полномочным от неё министром при священном обряде» коронования императором Священной Римской империи, вместо внезапно умершего Леопольда II, его старшего сына Франца-Иосифа.

Евграфу Федотовичу, по своей молодости ещё не видавшему ничего подобного, посчастливилось побывать на этом историческом действе – коронации императора Франца II, торжественно проходившей во Франкфурте-на-Майне 14 июля 1792 года: «Настал день коронации, которая совершалась в кафедральной Франкфуртской церкви тремя духовными курфюрстами. Процессия, идущая в церковь по мосткам, покрытым сукном, была премноголюдная. Все германские принцы и курфюрсты, бывшие при коронации, участвовали в процессии, а отсутствующих заменяли послы, каждого из них гвардия шла перед ними, а сзади придворные их чины и пажи... По окончании священного обряда коронования процессия шла тем же порядком, а император – уже в короне и порфире. По прибытии во дворец он тотчас показался на балконе, и в то время бросали в народ серебряные жетоны. После того начались праздники, состоящие из обедов и балов...». Веселящаяся высокородная публика и простые горожане не могли даже предположить, что вскоре, в результате последующих наполеоновских войн, тысячелетняя империя распадется и никогда более не возродится.

А пока ничто не предвещало наступления драматических событий, основательно потрясших старушку Европу. Между тем прусская армия и войска эмигрантов, которые возглавил герцог Брауншвейгский, неудержимо рвались в бой против революционной Франции. Их готовность к походу решил проверить лично король Пруссии Фридрих Вильгельм II и пригласил на это мероприятие графа Н.П. Румянцева. Русский посол взял с собой Комаровского, которого считал уже не просто курьером, а своим верным помощником. «Мы в... нашей барке поплыли до Кобленца. Французские принцы находились тогда в Бингене, маленьком городке на берегу Рейна. Король прусский имел тут с ним (графом Н.П. Румянцевым. – Н.С.) свидание. Я в первый раз в жизни увидел столько войск, вместе

соединённых, когда король собрал всю прусскую армию для смотра и манёвров. Она мне показалась прекрасною; особливо понравилась мне точность, с которой исполнялись все её движения... Можно себе представить, какое множество было военных чиновников, ибо они съехались почти из всех государств... Сей смотр продолжался несколько дней, и прусская армия пошла на соединение с австрийскою», – вспоминал Евграф Федотович, поражённый доселе невиданным им скоплением войск, охваченных решимостью задушить французскую революцию на корню, пока она не перекинулась в соседние государства.

В первое время объединённая прусско-австрийская армия и формирования эмигрантов под общим командованием опытного военачальника герцога Брауншвейгского, стали решительно теснить французов: были взяты такие важные в стратегическом плане города, как Валансьен, Лонгви, Верден, союзники вторглись в Шампань, стали угрожать Парижу.

Что касается Комаровского, то он в это время, загоня лошадей, мчался в Санкт-Петербург. В его объёмистой дорожной сумке находились плотно упакованные опечатанные пакеты с диппочтой, в которых были обнадеживающие сообщения о военных успехах союзных войск и «партикулярные письма» военного агента принца Нассау, адресованные лично Екатерине II. В Санкт-Петербурге се-

кретного нарочного из горячей точки Европы ждут с нетерпением. Долгожданного курьера принимает новый фаворит императрицы П.А. Зубов, которому в то время «иностранная часть была поручена». Он обращается с Комаровским «весьма ласково», довольно долго расспрашивает о том, «что видел» тот за границей (вот и маршрутный агент), а также интересуется проблемами личного плана – не встречал ли курьер где-либо его брата Валериана Зубова, «поехавшего служить волонтером в австрийскую армию». Затем, внимательно прочитав письма, благосклонно произносит, что и граф Румянцев, и принц Нассау «очень хвалят» Комаровского.

Вскоре после возвращения Евграф Федотович будет произведён в гвардейские прапорщики. Но насколько рискованной на этот раз была его поездка за границу, он узнает уже в Санкт-Петербурге, когда в сентябре того же, 1792 года придёт неприятная для императорского двора новость – «непобедимая» армия союзников, на которую возлагали столько надежд европейские монархи, наголову разгромлена войсками революционной Франции на подступах к Парижу у селения Вальми. В результате чего все попытки русской дипломатии с помощью тайных мероприятий поучаствовать в восстановлении во Франции королевской власти династии Бурбонов, в которые был втянут будущий придворный генерал, окажутся тщетными.

ГЛАВА III

От офицера-измайловца до армейского генерала

Всемилоостивейше пожалован

В НАЧАЛЕ АВГУСТА 1792-го, переломного для Европы года из-за охваченной «революционным огнём» Франции, гвардейский сержант Евграф Комаровский возвращается в Санкт-Петербург. Это была его последняя, говоря современным языком, служебная заграникомандировка в качестве дипломатического курьера. В столице его ждут с нетерпением. Он доставляет опечатанные пакеты с конфиденциальными дипломатическими документами – особо важными депешами от русского посланника в «германских землях» графа Н.П. Румянцева. Содержащиеся в бумагах сведения закрытого характера крайне важны для принятия внешнеполитических шагов: кто теперь для России союзник, а кто потенциальный противник?

Первоначально отношение к революционной Франции у русской императрицы сложилось двойственное. Воспитанная на идеях философов-просветителей, Екатерина II поначалу испытывала даже нечто «вроде злорадства», полагая всё случившееся закономерным результатом бездарных действий французских королей и их министров. Но по мере

того как во Франции раскручивался маховик страшного революционного террора, происходившие в этой стране тревожные события всё больше пугали русскую императрицу. Она понимала, что бунт направлен не против несправедливого властителя, но против власти как таковой, а поэтому революция становилась опасной для всех монархов Европы. «Дело французского короля есть дело всех государей», – делает неутешительный для себя вывод Екатерина II.

Но когда 21 января 1793 года голова короля Людовика XVI скатится на эшафот из-под гильотины на знаменитой Гревской площади, отношения России с Францией и вовсе прерываются. Французская революция наглядно продемонстрировала, насколько опасны либеральные идеи, и Екатерина II, недавняя страстная поклонница философских мудрствований Вольтера и Дидро, отказалась от них. Из кабинета императрицы, согласно легенде, даже вынесли бюст Вольтера. Россия начала активно устанавливать отношения с «кобленцкой оппозицией».

Поэтому депешы с последней информацией о положении дел в центре Европы ждали в Санкт-Петербурге с нетерпением и тревогой.

Но за время отсутствия Комаровского в российской столице при дворе Екатерины II тоже произошли некоторые существенные перестановки: так, граф А.А. Безбородко, благодетель и покрови-

*Обер-офицер лейб-гвардии Измайловского полка.
Худ. О.К. Пархаев*

тель гвардейского сержанта, уступил главенствующую роль в управлении Иностранной коллегией новому фавориту императрицы П.А. Зубову. Но на Комаровском замена ключевых фигур во внешнеполитическом ведомстве никак не отразилось: он по-прежнему оставался особо доверенным курьером главы российской дипломатии.

Вот как об этом вспоминал сам Е.Ф. Комаровский: «Граф Безбородко, по заключении им мира с Портою, сделан был обер-гофмейстером, Андреевским кавалером и оставлен вторым присутствующим членом в Иностранной коллегии, но всё имел от императрицы разные поручения. Граф Румянцев, отправляя меня, приказал депеши вручить князю Зубову, что я и исполнил... Я воспользовался сим случаем, чтобы поднести ему золотой жетон, выбитый на коронацию императора Франца* во Франкфурте. Я заметил, что ему это приятно».

Не успел Комаровский толком отдохнуть в домашней обстановке и прийти в себя от долгого и утомительного путешествия, как спустя несколько дней к нему домой явился вестовой с «рапортчиком» от командира лейб-гвардии Измайловского полка. Неужто опять надобно собираться в дорогу и куда-то спешно ехать за тридевять земель? Но, развернув бумагу, сержант с нескрываемым душевным восторгом прочитал, что он «августа 12 дня 1792 года всемилостивейше пожалован прапорщиком».

Это событие стало для Евграфа Федотовича одним из самых памятных на всю последующую жизнь. По его внутреннему убеждению, быть офицером гвардии являлось «верхом благополучия человеческого». И его заветная мечта об офицерском мундире императорской лейб-гвардии наконец-то сбылась. Судя по воспоминаниям Комаровского, он был чрезвычайно рад долгожданному и приятному известию: ведь ему уже почти 23 года, а он по-прежнему ходит в сержантах, тогда как многие его сверстники и сослуживцы уже давно в офицерских чинах. И далеко не малых.

* Коронация германского императора Франца императором Священной Римской империи под династическим номером Франца II, на которой присутствовал Е.Ф. Комаровский, состоялась 14 июля 1792 года во Франкфурте-на-Майне.

Вот он, роскошный екатерининский мундир гвардейского офицера, который много значил и ценился весьма высоко. К тому же чин прапорщика императорской лейб-гвардии был на две ступени выше, чем в армии и приравнялся к пехотному поручику.

Разумеется, Комаровский, как истинный и ревностный службист, втайне уже давно ждал этого момента и заранее готовился к кинопроизводству: «А так как мундир офицерский уже был у меня готов, то я на другой день поехал явиться к командовавшему тогда Измайловским полком премьер-майору Иоасафу Иевлевичу Арбенеvu*. Это было в четверг, а в воскресенье 15 августа он приказал мне ехать в Царское Село благодарить императрицу... Приехавши туда, я тотчас пошёл к князю Зубову благодарить его за полученный мною чин. Он мне сказал, что после обедни сам представит меня, как дежурный генерал-адъютант, императрице... Во время обедни многие из знатных особ меня обступили, узнавши, что я приехал с Рейна, и осыпали разными вопросами, как-то: началась ли война против республиканцев, были ли уже сражения, что говорят о короле Французском и множество других».

По сложившейся при дворе традиции, Екатерине II представлялись в Царском Селе по разным поводам после обеда в бильярдной комнате. Комаровского туда ввели заранее и велели дожидаться выхода государыни. Благодарить императрицу за какую-нибудь милость можно было, становясь на колени, либо стоя склонив голову в поклоне. Но при появлении величественной самодержицы «зелёный» офицер автоматически опустился на одно колено.

Позже Комаровский охватившее его волнение вспоминал так: «Когда камергер меня назвал и го-

* И.И. Арбенеv, имея по гвардии чин премьер-майора, был помощником командира лейб-гвардии Измайловского полка и одновременно командиром 1-го батальона. В 1794 году ему был присвоен воинский чин генерал-поручика (генерал-лейтенанта). Из-за частого отсутствия командира полка князя Н.В. Репнина исполнял его обязанности, поэтому Е.Ф. Комаровский в своих мемуарах называет Арбенева «полковым командиром». Официально командиром полка был в 1796–1798 гг.. Вышел в отставку в 1798 году с одновременным возведением в чин генерала от инфантерии.

Евграф Комаровский и Екатерина II.
Худ. О.К. Пархаев

сударыня пожаловала мне руку, чтобы её поцеловать, признаюсь, что я крепко прижал её к моим губам. Императрица в то время, оборотясь к графу Безбородке, сказала ему с небесною её улыбкою:

– Как он скоро приехал!

Сии слова глубоко врезались в моё сердце. После того подошёл ко мне гофмаршал князь Ф.С. Барятинский и сказал мне:

– Вы можете остаться обедать за столом императрицы.

Сие мне было очень приятно. Какой шаг давал в царствование императрицы чин гвардии офицера!»

Всё складывается для новоиспечённого гвардейского офицера на редкость удачно: ему ещё не раз представится возможность «целовать ручку государыне».

Командовавший полком генерал Арбенин, ранее не особо замечавший обыкновенного сержанта, теперь просто источал любезности в адрес новоиспечённого гвардейского прапорщика. Комаровский пребывал вне себя от счастья, был полон гордости за принадлежность к офицерской элите императорской лейб-гвардии и не скрывал своих чувств: «Я был тогда наравне со всеми, а мой полковой командир И.И. Арбенин, который в сержантском моём чине не хотел и знать меня, теперь обедает за одним со мной столом, и у кого же – у российской императрицы. После обеда он первый подошёл ко мне и просил меня ездить к нему запросто на обед или на вечер, как я хочу».

После приёма у императрицы новоявленный гвардейский офицер не удержался от того, чтобы «в полном мундире показаться публике», то есть своим родственникам и ближайшим знакомым, и прямо из Царского Села отправился на дачу действительного тайного советника и сенатора Александра Александровича Нарышкина. Его жена, Анна Никитична, была родной тёткой посланника в «германских землях» графа Н.П. Румянцева. Комаровский неоднократно привозил ей письма из-за границы от влиятельного племянника, а потому был вхож в их гостеприимный дом.

«Я уверен был, – вспоминал Комаровский незабываемый для себя день производства в офицер-

ский чин, – ...что хорошо принят буду хозяевами... В ожидании моём не ошибся: я был чрезвычайно ими обласкан и обратил многих тут бывших гостей на себя внимание; несколько раз я должен был в тот же день удовлетворять на те же вопросы. В это время, когда Россия славилась своим гостеприимством, А.А. и А.Н. Нарышкины могли служить примером одного».

Между тем празднование чинопроизводства вскоре закончилось, и начались будни повседневной, зачастую рутинной и однообразной, воинской службы. Евграф Федотович стал исправным офицером, поскольку ни до, ни после ни в чём дурном замечен не был. Сначала прапорщик Комаровский получил назначение на должность начальника полковой школы, организованной для детей женатых солдат-измайловцев. «В ней обучали русской грамоте, арифметике и военной экзерции; главная цель сей школы была, чтобы образовать в ней для полка хороших унтер-офицеров... Школьники одеты были по-егерски и учились всем эволюциям сего войска», – вспоминал Е.Ф. Комаровский, наставник будущих гвардейцев – опоры трона и надежды Отечества.

Славный измайловский мундир

В «ПАМЯТКЕ ИЗМАЙЛОВЦА», составленной значительно позже, но, разумеется, с учётом славной полковой летописи, говорилось: «Что же осталось тебе? А вот что. Если Царь прикажет идти сражаться с врагом, старайся добыть новые отличия, а в мирное время защищай Веру, Царя и Отечество от врагов внутренних, чтобы с чистой совестью мог ты носить славный измайловский мундир».

Все офицеры и нижние чины лейб-гвардии Измайловского почитали за честь «изрядно» знать историю своего родного полка и гордиться службой в старейшей гвардейской части. И это несмотря на то, что его формирование было связано с нестабильностью вокруг царского престола и династическими интригами, последовавшими после смерти Петра Великого, а также недолгими царствованиями его жены Екатерины I и взбалмошного внука Петра II.

От офицера-измайловца
до армейского генерала

И.И. Арбенин,
командир лейб-гвардии Измайловского полка в 1796–1798 гг.
Худ. В.Л. Боровиковский

Основанная Петром Великим российская императорская гвардия с момента её создания являлась подлинным лицом государства, и не только в военном отношении. По своей сути гвардия была значительным общественно-социальным и культурным явлением. Сочетая высокий профессионализм с лучшими качествами, присущими русскому человеку, императорская гвардия являлась цветом нации, носительницей передовых идей. Многие её представители внесли заметный вклад в российскую науку, образование и культуру.

Привилегированность гвардии, её отличие от обычных армейских полков подчёркивались особым статусом прохождения службы, особенной форменной одеждой, специфическими знаками отличия. В гвардии в те времена служили исключительно дворяне, и не только офицерами, но и нижними чинами.

Символом всей российской гвардии с начала XIX столетия стала Андреевская звезда, на которой было начертано «За веру и верность». Анна Иоанновна присоединила к существующим полкам Измайловский и учредила конную гвардию. Несмотря на то, что гвардия не раз принимала участие в сражениях XVIII-XIX вв., она до конца столетия не утрачивала своего первоначального назначения – личной охраны государя.

Что касается организационной структуры новой части «императорских телохранителей», то за её основу был взят существовавший штат лейб-гвардии Семёновского полка – одна гренадерская и двенадцать фузилёрных (стрелковых) рот.

Первый полковой адъютант В.А. Нащокин, в отличие от многих военных историков, отмечавших, что «засилье в гвардии иностранцев» сыграло в целом отрицательную роль в армии, уважительно отзывался о первом командире: «Лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Святого Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд... полк... привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию... Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчинённым, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом

его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как он, граф Левенвольд, со справедливыми поступками и зело с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рождён быть может».

Императорская лейб-гвардия, хоть и создавалась изначально для охраны августейших особ, на самом деле не была исключительно плац-парадным и сугубо охранным войском, скучавшим в дворцовых караулах и конвоях сопровождения. Именно гвардейцы «открывали победу» в бою и последними оставляли поле сражения в случае неудачи. Под сокрушающими ударами русской гвардии не раз терпели поражение прославленные армии Европы.

Следуя этим традициям, измайловцы уже с первых лет существования вписали немало славных страниц в историю побед русского оружия. Отличительными чертами новой гвардейской части – опоры трона – стали невероятная самоотверженность, удивительная стойкость и самопожертвование, а также утончённость, интеллигентность и добропорядочность. Не случайно в полковой песне гвардейцев были такие возвышенные патриотические слова:

*Полк учит нас терпеть безропотно лишения
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Всё благородное: отвага, доблесть, долг,
Лихая удаль, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и Вере Православной
В едином слове том сливается: наш полк!*

В 1741 году именно Измайловский полк первым среди воинских частей столичного гарнизона получил собственную слободу со специально построенными домами для проживания солдат и офицеров. На её территории соблюдалась строгая дисциплина – категорически не допускалось распитие спиртных напитков и хождение по слободе без мундиров даже во внеслужебное время.

Сразу же после восшествия на престол Екатерины II коренным образом изменилось отношение к назначению в гвардию офицеров и командиров: место остзейцев стали занимать представители знатного русского дворянства. Так, уже в июне 1763 года командиром лейб-гвардии Измайловского полка назначили отца будущего прославленного полководца Александра Суворова – генерал-анше-

От офицера-измайловца
до армейского генерала

фа Василия Ивановича Суворова, одновременно принявшего ещё и чин подполковника гвардии. Он успешно командовал измайловцами более пяти лет – до 1768 года. А шефом полка всё это время оставалась сама Екатерина II, что значительно повышало статус измайловцев в рядах императорской гвардии.

Нельзя не остановиться поподробнее ещё на трёх офицерах, носивших так же, как и Комаровский, «славный измайловский мундир». О них Евграф Федотович упоминает в своих мемуарах как о сослуживцах-однополчанах. Это капитаны Пётр Талызин, Николай Львов и поручик Матвей Храповицкий.

Вот как тепло отзывался Комаровский о первом из них: «В Измайловском полку служил тогда штабс-капитан П.А. Талызин. Я с ним был очень дружен; он находился в родстве со многими знатными фамилиями». Кстати, в родстве, правда, довольно отдалённом, Талызин находился также и с Комаровским: их матери были представительни-

Вид на Измайловский мост через Фонтанку
и на казармы. Раскрашенная гравюра
по рисунку М.-Ф. Даман-Демартре

цами разветвлённого дворянского рода Зиновьевых.

Пётр Александрович Талызин – личность по-своему уникальная. В январе 1784 года он стал прапорщиком Измайловского полка. К 1791-му дослужился до чина капитана. Первым поздравил Павла Петровича с вступлением на престол, за что, видимо, и был удостоен ордена Святой Анны. В августе 1797-го он, как лицо, снискавшее особое доверие нового императора, уже генерал-майор, а ещё через два года – генерал-лейтенант и командир лейб-гвардии Преображенского полка.

Однако в 1801-м обласканный самодержцем фаворит Талызин принимает участие в заговоре против своего же благодетеля – императора Павла I: это именно из его квартиры офицеры-заговорщики на-

правились к Михайловскому замку с целью свержения царя. Но в убийстве государя Талызин участия не принимал. Однако спустя ровно два месяца, 11 марта, скончался при невыясненных обстоятельствах.

О другом измайловце Николае Александровиче Львове в двух словах, пожалуй, не расскажешь – настолько это крупная, необыкновенная и многогранная личность, заслуживающая отдельного повествования. Любопытно, что старая энциклопедия Брокгауза и Ефрона сообщает нам о Львове лишь как о литераторе и поэте XVIII века, оставляя без внимания или упоминая даже вскользь другие стороны его деятельности. Напротив «Большая советская энциклопедия» пишет о нём прежде всего как о выдающемся архитекторе. Что интересно – и то, и другое вполне справедливо.

В 1773 году Львов поступает в бомбардирскую роту лейб-гвардии Измайловского полка, где проходит службу от прапорщика до капитана. Не теряя времени даром, много занимается самообразованием. Вскоре Львов – один из эрудированных и остроумных людей своего времени. Он занимался архитектурой, археологией, химией, геологией, механикой, собирал народные песни, был талантливым гравёром и рисовальщиком. В конце концов он оставляет военную службу и полностью отдаётся своим научным увлечениям и творчеству. В 1783 году Львов избирается в Российскую академию, а в 1785-м становится почётным членом Академии художеств.

В архитектурном творчестве Львов был приверженцем античной классики и итальянского архитектурного стиля. По самым скромным подсчётам, он спроектировал и, за очень небольшим исключением, построил более тридцати зданий разного назначения. Как великолепный рисовальщик, именно он создал проекты звезды и знаков орденов Святого Владимира и новых знаков ордена Святой Анны. Дослужился до чина тайного советника, который приравнялся к армейскому генерал-лейтенанту.

В 1795 году однополчанином Е.Ф. Комаровского стал один из представителей русского знатного дворянского рода Козловых, сын статс-секретаря Екатерины II шестнадцатилетний прапорщик Иван Козлов (1779–1840), в будущем талантливый поэт-романтик

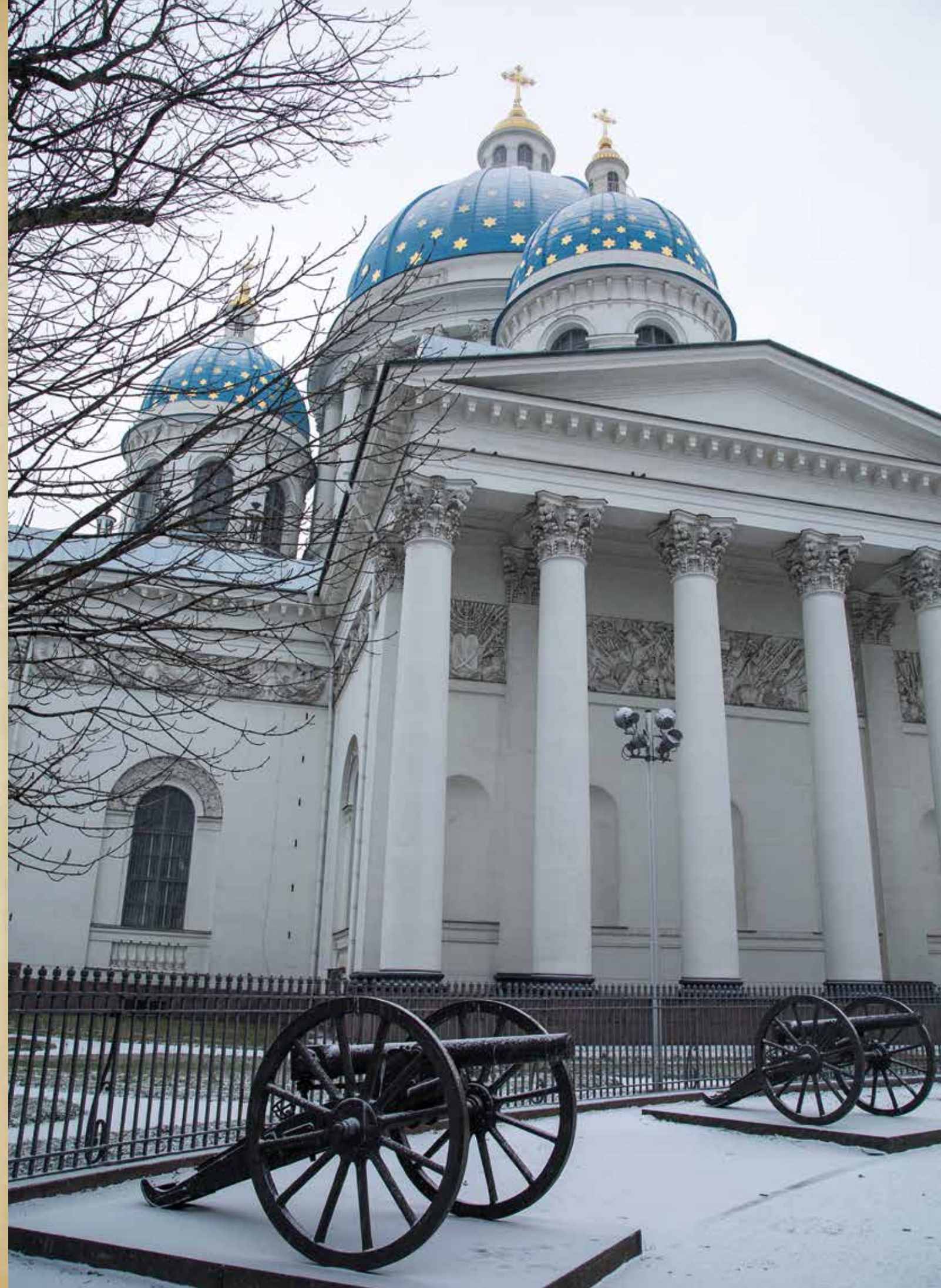
и переводчик. Это благодаря его изысканному вольному переводу стихов английского поэта Томаса Мура в России уже более двух веков звучит популярный русский романс «Вечерний звон».

Ещё один измайловец-однополчанин Комаровского – Матвей Евграфович Храповицкий. Выпущенный из Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1797 году в камер-пажи, через два года он стал поручиком лейб-гвардии Измайловского полка. Будучи в свите великого князя Константина, вместе с Комаровским принимал участие в Итальянском походе против французов и легендарном переходе через Альпы. Храбрость и находчивость в стычках с противником юного пажа сразу обратили на себя внимание командиров. Так, в сражении при Треббии «он находился в пылу боя, увлекая своим примером бойцов», за что по личному ходатайству А.В. Суворова был удостоен чина поручика и ордена Святой Анны на шпиге – Аннинского оружия с надписью на эфесе «За храбрость».

Войны с наполеоновской Францией становятся серьёзным испытанием для М.Е. Храповицкого, вступившего в них полковником и командиром одного из батальонов лейб-гвардии Измайловского полка. Боевой экзамен он выдержал с честью: за отличие в Аустерлицком сражении его награждают орденом Святого Георгия 4-й степени, а за битву при Фридрихсберге в 1806 году – орденом Святого Владимира также 4-й степени.

В октябре 1811 года 27-летнего полковника Храповицкого назначают командиром лейб-гвардии Измайловского полка, которым он успешно командовал восемь лет. В Отечественную войну 1812 года полк под его командованием отличился в Бородинском сражении. Впоследствии М.Е. Храповицкий был санкт-петербургским военным губернатором, дослужился до чина генерала от инфантерии. Его портрет находится в Военной галерее героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже.

*Собор Святой Живоначальной Троицы
лейб-гвардии Измайловского полка.
Архитектор В.П. Стасов*

От адъютанта полкового до адъютанта великокняжеского

МЕЖДУ ТЕМ строевая офицерская служба прапорщика Комаровского непосредственно в рядах полка шла своим чередом. Конечно же, повседневная казарменная рутина, в отличие от предыдущей насыщенной путевыми впечатлениями жизни заграничного курьера, не доставляла особого удовольствия: изматывающие караулы по охране императорских дворцов и ночные проверки часовых сменялись утомительными занятиями на плацу либо полевыми выходами для обучения приёмам ведения боя и ружейными стрельбами.

Но гвардия есть гвардия: всегда при дворе, всегда на виду – на всех торжествах и празднествах она представляет мощь и славу русского оружия, демонстрирует отменную выправку и высокую воинскую дисциплину: «Скоро... наш полк был в параде, как и вся гвардия, по случаю въезда турецкого посла в Петербург, а второй парад был в день свадьбы Великого князя Александра Павловича. В следующее лето, то есть в 1793 году, приехал в Петербург князь Н.В. Репнин; он вступил в командование Измайловского полка* и сделал смотр оному».

Долго отсутствовавший полковой командир решил сделать полк передовым в императорской гвардии. Первым своим распоряжением князь из лучших офицеров и нижних чинов сформировал «образцовую команду», которая должна была послужить примером для остального личного состава в строевом отношении, дисциплине, боевой и служебной подготовке. В это по-военному эталонное подразделение Репнин включил и Комаровского, как одного из перспективных офицеров полка. «Он сию команду смотрел, – с гордостью

вспоминал Евграф Федотович, – и был очень доволен, приказал мне к себе приехать, обласкал меня чрезвычайно, сказал мне, что ему отзвывался весьма милостиво обо мне великий князь Александр Павлович, и поручил мне пригласить к нему на обед всех офицеров, бывших в образцовой команде...».

Званный обед у полкового командира не прошёл для Комаровского даром. Вскоре последовало новое назначение: Комаровскому, как одному из самых грамотных, достойных и исполнительных офицеров, доверяют «исправлять» штабную должность полкового адъютанта. А спустя несколько месяцев он досрочно получает следующий офицерский чин подпоручика гвардии.

Евграф Федотович, несмотря на все перипетии строевой службы, засвидетельствовал, что постепенно его офицерская жизнь становилась «чрезвычайно приятною» во всех отношениях и он «был принят в лучшем петербургском обществе». Так, например, он стал завсегдатаем великосветского салона фрейлины Екатерины II «красивой и весёлой» Екатерины Чернышёвой, дочери вице-президента Адмиралтейств-коллегии «морского» генерал-фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышёва (1726–1797). Здесь собирались представители блестящих аристократических фамилий, веселились, танцевали, пели, а музицировала сама хозяйка салона.

Комаровский спустя годы вспоминал: «Большую часть моего времени я проводил тогда у Екатерины Ивановны... она летом жила на Каменном острове, в доме своего отца...».

Множество знатных женихов добивались руки очаровательной Екатерины Ивановны. На одном из вечеров молодой князь Борис Голицын – известный столичный щёголь, красавец, изысканный танцор, приревновал элегантного и благовоспитанного гвардейского подпоручика Комаровского к прелестной хозяйке дома. «Я должен сказать, однако же, что Екатерина Ивановна была причиной, что у меня едва не было дуэли с князем Б.В. Голицыным», – заметил одной фразой Евграф Федотович в своих «Записках...» об этом нелицеприятном эпизоде из своей беззаботной молодости.

* Князь Н.В. Репнин официально считался командиром лейб-гвардии Измайловского полка в 1775–1796 гг., в это время имел армейский чин генерал-аншефа, а по гвардии – подполковника, однако по поручению императрицы Екатерины II одновременно занимал различные ответственные административные и военные должности, исполняя при этом важные государственные задачи. В его отсутствие обязанности полкового командира исполнял премьер-майор – его помощник и командир 1-го батальона.

От офицера-измайловца
до армейского генерала

Князь Н.В. Репнин, командир лейб-гвардии Измайловского полка в 1775–1796 гг.

Худ. Д.Г. Левицкий

Довольно часто гвардейский офицер бывал также на балах, даваемых в доме княгини Н.П. Голицыной: с ней и с её мужем князем В.Б. Голицыным Евграф Федотович сошёлся ещё в Париже и оставался с ними в дружеских отношениях. Наталья Петровна, по свидетельству современников, несомненно, была примечательной фигурой своего времени: статна, величаво-надменна, властна, она приводила в трепет окружающих, пользовалась всеобщим почтением и непререкаемым авторитетом, весьма далеким от авторитета ординарной великосветской кумушки. Благодаря знатности, уму и богатству она занимала в Петербурге исключительное положение. К ней почитали за честь приезжать и представляться все, «начиная с юнкера, впервые надевшего эполеты, и кончая посланником в золотом мундире». Даже её сын, всесильный московский генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844), не мог себе позволить без особого разрешения сесть в её присутствии.

Энергичная и умная, она создала себе такое положение, что ей оказывали внимание все государи и государыни, начиная с Екатерины II и кончая императором Николаем I, её также уважало всё высшее общество, считавшее за честь бывать у неё в доме. К ней везли на поклон каждую молодую девушку из состоятельной семьи, начинавшую выезжать в свет, и даже новоиспечённые гвардейские офицеры, едва начав военную карьеру, по неизвестно кем заведённой традиции старались представиться ей, как своему начальству.

Комаровский с огромным почтением и нескрываемым удовольствием вспоминал, что, будучи дипломатическим курьером во Франции, не раз гостил в их доме: «В Париже были тогда из русских княгиня Н.П. Голицына с мужем и со всем её семейством; я у неё несколько раз обедал».

Парижская жизнь княгини также не обошлась без всевозможных слухов. Здесь она будто бы водила дружбу со скандально известным графом Сен-Жерменом, слывшим авантюристом и бестией, приписывавшим себе невероятное долголетие и выдававшим себя за современника французского короля Франциска I, жившего в шестнадцатом веке.

Рассказывали о том, что именно Сен-Жермен научил её заговаривать карты. Александр Сергеевич Пушкин как-то услышал от её внука Сергея Голицына, с которым находился в приятельских отношениях, что однажды тот после крупного проигрыша пришёл к бабке просить денег. Скупая Наталья Петровна вместо денег дала внуку совет поставить на три карты, якобы названные ей в Париже графом Сен-Жерменом. «Попробуй», – сказала при этом бабушка. Сергей Голицын в очередной игре поставил именно на эти карты и не только отыгрался, но и получил крупный выигрыш. Что это были за карты, неизвестно. Однако эта загадочная история послужила поэту основой для сюжета повести «Пиковая дама».

Между тем должность полкового адъютанта почти не оставляла Комаровскому свободного времени для развлечений и увеселений: он заведовал делопроизводством в штабе, отвечал за расписание караулов и нарядов, вёл списочный и наличный состав полка, ему подчинялись полковые писари, перед ним отчитывались батальонные и ротные адъютанты, а также он выполнял немало других штабных обязанностей.

Отдельная тема повседневной воинской жизни – полковые праздники. Особенно пышно их отмечала императорская гвардия. Вот как выглядело, по свидетельству Евграфа Комаровского, одно из таких торжественных мероприятий: «В августе месяце 1796 года вздумалось офицерам нашего полка дать праздник своим знакомым, и для того наняли дачу по Петергофской дороге, принадлежавшую князю С.Ф. Голицыну... Барону Г.А. Строганову поручено было украшение залы и ужин. На меня возложили полицейскую часть насчёт приезда и разъезда экипажей. Несколько офицеров назначены были для приёма гостей, коих было до 150 особ; вся дача была иллюминирована, и в заключение праздника сожжён был огромный фейерверк, и когда в щите загорелся вензель императрицы, со всего полка собранные барабанщики били поход и полковая музыка играла. Праздник вообще был прекрасный, и долго о нём говорили».

6 ноября 1796 года всю императорскую лейб-гвардию постигло огромное горе – скоропо-

От офицера-измайловца
до армейского генерала

Император Павел I.
Худ. С.С. Щукин

стижно скончалась Екатерина II, и императором стал её сын Павел I, ярый поклонник прусских порядков и жесточайшей воинской дисциплины. Искренне скорбевшие по «почившей в бозе» обожаемой своей покровительнице, гвардейцы впали в откровенное уныние. И не напрасно.

И вновь обратимся к воспоминаниям Е.Ф. Комаровского: «В тот день, как императрица занемогла, в карауле стоял Семёновский полк, а в день её кончины Измайловский, и капитан был П.А. Талызин; мне хотелось с ним видаться, и я зашёл в караульню; мы обнялись и оба заплакали, равно и все бывшие в карауле офицеры».

Сразу же по воцарении очередного самодержца вся гвардия в обязательном порядке приводилась к присяге на верность новому государю. Однако, по словам Е.Ф. Комаровского, сей торжественный акт проходил на этот раз как-то по-будничному и даже с некоторыми казусами, а также, как это часто бывает, с сопутствующими спешке неразберихой и суматохой: «В минуту восшествия императора Павла I на престол... приказано было присягать на своих полковых местах, а роту гренадер послать во дворец за знаменами, где они всегда находились... Полк наш собрался на большом проспекте... Первый, посланный из дворца, ошибкою сказал, что полк должен идти на Дворцовую площадь. Мы уже и прошли несколько улиц, как бывший наш секунд-майор Кушелев встретил нас, возвращаясь из дворца, и воротил назад. Весь полк пустился бежать на парадное место... Когда полк присягнул, его высочество приказал мне взять взвод гренадер, отнести знамёна во дворец, отыскать там наследника, донести ему, что Измайловский полк принял присягу, спросить, куда поставить знамена... Я вошёл по лестнице, и в первой комнате нашёл спящего истопника, который позвал камер-лакея, и мне отворили кабинет. Я спросил, не знает ли он, куда поставить знамёна. Он мне сказал: «Поставьте в угол, там уже много их находится».

На третий день своего царствования Павел I объявил Измайловскому полку «высочайшее удовольствие за развод». На этом мероприятии стоит

остановиться подробнее. Выглядело это действо, по словам современников, примерно так: плац-парадная шагистика под монотонный бой барабана, идеальное равнение строя, мелочные придирки к форменной одежде, и самое главное – прусский строевой шаг. Суть этого способа маршировки заключалась в вытягивании ноги при шаге до такой высоты, при которой она составляет практически прямой угол с туловищем. При совершении шага нога должна опускаться на землю площадью всей стопы, издавая чёткий и ясный звук удара. Император всегда лично присутствовал на церемонии, строго наблюдая за марширующими колоннами, и при этом любил повторять: «Солдат есть простой механизм, артикулом предусмотренный». Он искренне полагал, что «чем ровнее шаг, тем больше надежды на победу».

Теперь офицеры, привыкшие к екатерининским послаблениям в службе и с иронией относившиеся к павловским новшествам, были вынуждены большую часть времени «утомлять себя» на строевом плацу. К примеру, поэт «века элегий» Евгений Баратынский в стихотворном обращении к своему другу стихотворцу Антону Дельвигу писал:

*Так, любезный мой Гораций,
Так, хоть рад, хотя не рад,
Но теперь я Муз и Граций
Поменял на вахтпарад...*

Первый смотр караулов, проведённый Павлом I, произвёл на Комаровского двойственное и одновременно неизгладимое впечатление, и он живописал об этом гротесковом действе с мельчайшими подробностями и деталями: «На другой день был... развод Измайловского полка, и великому князю хотелось, чтобы некоторые командные слова были уже по-гатчински, и чтобы все офицеры имели на параде трости и с раструбами перчатки. Когда я к нему явился в 5 часов утра, он мне приказал тотчас отправиться искупить сии вещи и чтобы они находились на полковом дворе, а он туда приедет в 8 часов утра; развод же назначен был в 11. Сия комиссия была самая затруднительная, ибо где найти столько тростей и перчаток, и когда ещё все лавки заперты, а в ноябре месяце рассветает только в 7 часов пополуночи. Я попросил его высочество,

*Гвардия при Павле I.
Худ. О.К. Пархаев*

*Офицер и фузилёр лейб-гвардии Измайловского полка в царствование императора Павла I.
Худ. С.П. Шифлер*

чтобы он пожаловал несколько из своих ездовых в моё распоряжение, на что он согласился; я разослал по всем перчаточникам, а сам поехал к Гостиному двору. К счастью моему, лавочникам в эту ночь что-то не спалось: все лавки были открыты очень рано, и мне удалось вовремя исполнить поручение, чем великий князь был очень доволен».

Возросшая тяжесть службы, совершенно непривычная для гвардейцев, сказалась на изменении настроений в армии в худшую сторону. Всё это, в конечном итоге, спровоцировало массовые добровольные отставки. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: вновь открывшиеся вакансии позволили честолюбивым офицерам, даже низкого происхождения, быстро расти по службе. «Здесь можно привести в пример Аркадия Ивановича Нелидова, – вспоминал спустя годы Е.Ф. Комаровский. – При восшествии императора Павла на престол, т.е. 6 ноября 1796

года, он только что выпущен был из камер-пажей в поручики гвардии; в марте месяце 1797 года он был генерал-майором и генерал-адъютантом, а в день коронации получил Аннинскую ленту и тысячу душ».

Не менее любопытны воспоминания бывшего начальника Главного штаба князя Петра Михайловича Волконского (1776–1852), который на момент павловского воцарения был полковым адъютантом лейб-гвардии Семёновского полка: «Однажды вечером потребован я был прямо к государю; прибыв, нашёл в передней товарищей своих, адъютантов полков л.-гв.: Преображенского – Толбухина, Измайловского – Комаровского и Конной гвардии – Леонтьева... Всех нас позвали вместе к его величеству; государь, подошед к нам, сказал: «Господа, до меня доходит, что господа офицеры гвардии ропщут и жалуются, что я их морожу на вахтпарадах; вы сами видите, в каком жалком положении служба в гвардии: никто ничего не знает, каждому надобно не только толковать, показывать, но даже водить за руки, чтоб делали своё дело; кто не хочет служить – поди прочь, никого не удерживают; я хочу, чтоб каждый знал свою должность; ежели кто из вас услышит вновь от кого ропот, то приказываю вам таковому отрезать ухо и ко мне принести; пойдите и объявите о сём вашим начальникам и товарищам, господам офицерам, каждый по своему полку».

А на четвёртый день после восшествия на престол Павла I жители Санкт-Петербурга стали свидетелями необычного зрелища: в столицу вошли батальоны, составлявшие так называемые гатчинские войска – личную гвардию бывшего цесаревича Павла Петровича в бытность его наследником престола. Их диковинный вид – прусские короткие изношенные мундиры из перекрашенных разноцветных сукон – шокировал население, привыкшее к щегольскому виду екатерининской гвардии. На Дворцовой площади гатчинцев лично встречал новый император, который тут же распределил их по гвардейским полкам.

Общее мнение офицеров и генералов лейб-гвардии об их новоявленных сослуживцах мы находим опять же в «Записках...» Е.Ф. Комаровского: «С ка-

От офицера-измайловца
до армейского генерала

*Генерал-фельдмаршал князь П.М. Волконский.
Худ. Дж. Доу*

кою радостью великие князья увиделись со своими сослуживцами, и с какою печалью мы должны были считать их своими товарищами! На всех нас напало какое-то уныние. Иначе и быть не могло, ибо сии новые наши товарищи не только были без всякого воспитания, но многие из них самого развратного поведения – некоторые даже ходили по кабакам, так что гвардейские наши солдаты гнушались быть у них под командою». Но выбирать не приходилось – с императорским повелением не поспоришь.

Здесь следует отметить, что и сам Комаровский с явной ноткой сожаления по прежним вольготным для гвардии временам подчёркивал, что образ их офицерской жизни резко переменился: если раньше гвардейцы «помышляли только, чтобы ездить в общество, театры, ходить во фраках», то после павловского ужесточения воинской дисциплины все офицеры непременно находились «с утра до вечера на полковом дворе», где их всех поголовно, невзирая на дворянские титулы, чины и прежние заслуги, гоняли строевым шагом, «как рекрут».

Ко всему прочему, великий князь Константин «изволил», чтобы именно его полковой адъютант подал личный пример для всех измайловцев и первым надел мундир прусского покроя, а также обстриг себе волосы по новому уставу. Деваться некуда, приказ есть приказ. «Меня это так переменяло, – иронизировал Комаровский, – что когда я приехал домой, то сестра Анна Федотовна меня не узнала».

Правда, «особливое» доверие Константина обернулось для Комаровского существенным увеличением служебной нагрузки. Евграф Федотович даже как-то посетовал: «Прежде в каждом гвардейском полку была полковая канцелярия, и один из офицеров был секретарём... В сей канцелярии производились все письменные дела, адъютант заведовал только нарядами и рапортами, касающимися до строевой части. По новому образованию вся эта обуза пала на меня, как на полкового адъютанта, так что я ни на минуту не имел отдыха; со своими родными даже по несколько дней я не видался».

Но продолжалось это недолго. Уже в конце первого месяца своего царствования Павел I подписал очередной свой «высочайший приказ о чинах во-

енных», в котором значилось, что «л.-гв. Измайловского полка полковой адъютант Комаровский назначается адъютантом к его императорскому высочеству Константину Павловичу с чином капитан-поручика».

Второй сын Павла I великий князь Константин Павлович очень любил отца, имел удивительное внешнее сходство с ним и от него же унаследовал вспыльчивый и непредсказуемый характер. Ещё за год до смерти своей венценосной бабушки, в мае 1795 года (в шестнадцать лет), внук стал полковником Санкт-Петербургского гренадерского полка. Сразу после вступления на престол Павел I назначил Константина шефом лейб-гвардии Измайловского полка. Он хорошо помнил, что именно с помощью измайловцев его мать свергла с престола отца – Петра III. Поэтому полк, считал он, надобно держать под особым контролем. Мало ли что...

Ещё через год, в 1797-м, великий князь Константин уже генерал-инспектор всей кавалерии и одновременно со следующего года – начальник всех кадетских корпусов. Для царедворцев стало совершенно ясно, что средний сын пользуется особым расположением отца.

Лето 1798 года, по словам Комаровского, «было прежаркое», и двор переселился из изнывавшей от зноя столицы в загородную резиденцию в Павловске. В воздухе висела жуткая духота, и августейшие «вьюноши» со своими молодыми адъютантами спасались от неё как могли. Евграф Федотович вспоминал: «Наследник, великий князь Константин Павлович, двое князей Чарторыйских, из коих один был при великом князе Александре Павловиче, а другой при Константине Павловиче, граф П.А. Строганов, князь Волконский, адъютант наследника, и я всякий день ходили купаться в Петергофскую купальню, и великий князь Александр Павлович учил меня плавать».

Один раз до того расшалились, что у гавани стоял превысокий столб, на котором утверждён фонарь для мореплавателей, и преузенская лестница вела к фонарю, и всякий должен был туда взлезть, чтобы показать, что не трус, а столб был так ветх, что когда влезает, то он весь шатался. Всё это лето много делали резвостей подобного рода».

От офицера-измайловца
до армейского генерала

Великий князь Константин Павлович.
Худ. В.Л. Боровиковский

Читая эти строки, невольно представляешь себе великих князей, сверкая наготой, карабкающихся по шатающемуся столбу, а затем летящих вверх тормашками с визгом и воплями в водную прохладу. Между прочим, в то время они уже были гвардейскими полковниками и шефами полков, один – Семёновского, другой – Конногвардейского.

Осенью того же года император решил проверить боеготовность армии и назначил большие манёвры в окрестностях любимой Гатчины. Все участвовавшие в учениях войска были разделены на две армии: одну возглавил граф Пётр Алексеевич Пален, а другую – генерал от инфантерии Михаил Илларионович Кутузов. Великий князь Константин Павлович стал временным военным губернатором всей окрестной территории, а его личный адъютант Евграф Комаровский – плац-адъютантом, в обязанности которого входило заведование денежными суммами, ведение книг приказов, журналов регистрации прибывающих и убывающих генералов и офицеров, а также организация дежурства в местах нахождения императора и проверка всех караулов. Забот у адъютанта, как всегда, было

*Парад в Гатчине (Стрелковые учения русской армии в Гатчине при Павле I).
Худ. Г. Шварц*

хоть отбавляй. Но Комаровский со всеми этими хлопотными и рутинными обязанностями успешно справлялся.

Что же касается самих манёвров 1798 года, в которых принял участие Комаровский и в ходе которых отрабатывались приёмы взаимодействия войск при наступлении и отступлении, форсирования водных преград, отражения морских десантов и другие тактические задачи, то они завершились весьма успешно. Император остался доволен своими войсками, особенно гвардией, показавшими образцы воинского искусства и боевой подготовки.

Для Комаровского эти учения прошли с большой пользой: «В Гатчине жизнь была довольно приятная: поутру манёвры, а ввечеру, всякий день, французский спектакль на придворном театре. Я особенно находил удовольствие в гатчинской жизни, потому что у обоих великих князей была общая

*От офицера-измайловца
до армейского генерала*

передняя, и всякий день имел счастье видеть наследника (великого князя Александра Павловича. – Н.С.) и говорить с ним. Великий князь Константин Павлович обходился со мной тоже весьма милостиво. В Гатчине 18 сентября я произведён в полковники. Когда войска возвращались в Петербург, на первом привале... 28 сентября государь пожаловал меня кавалером Аннинского ордена на шпаге, который был тогда третьего класса».

Молодые строевые офицеры русской армии очень гордились этим, более похожим на золотую медаль, знаком отличия, крепившимся на эфесе холодного оружия. Ведь он являлся, как правило, их первой боевой наградой, свидетельством обрётённого командирского опыта, воинской доблести, личного мужества и отваги, качеств, как известно, всегда чрезвычайно высоко ценившихся в русской армии.

В «Италийской кампании»

НАЧАЛО ГОДА 1799-го, предпоследнего года царствования императора Павла I, отложилось в памяти Е.Ф. Комаровского следующим образом: «Я эту зиму был в большой милости у великого князя Константина Павловича и пользовался совершенною доверенностью его высочества. Всякий день обедал за столом с ним и с великой княгиней. Между тем загоралась опять война у австрийцев с французами, и на сей раз Россия намерена была принять деятельное в оной участие... Чтобы придать более важности сей кампании и удовлетворить желанию великого князя Константина Павловича, государю угодно было позволить его высочеству находиться волонтером при графе Суворове».

Это была Вторая антифранцузская коалиция – временный военно-политический союз европейских государств, стремившихся к восстановлению во Франции монархической династии Бурбонов, павшей в период Французской революции 1789–1794 годов.

Фельдмаршалу А.В. Суворову, назначенному главнокомандующим объединённой (коалиционной) русско-австрийской армией, выпала великая

миссия – покончить с «неистовой французской республикой», угрожавшей всей монархической системе в Европе. Молодой и горячий Константин Павлович не мог не принять участия в историческом походе «русских чудо-богатырей» и обратился к отцу с просьбой разрешить ему участвовать в военных действиях против французов.

Высочайшее добро было получено, и Константин Павлович отбыл в армию Суворова. Его сопровождали два адъютанта – полковники Е.Ф. Комаровский и Е.Я. Ланг. Евграфу Федотовичу, как наиболее грамотному офицеру, было поручено вести походный журнал, в который он заносил все события, связанные с великим князем и его свитой – от повседневной походной жизни до непосредственного участия в боевых действиях.

В начале апреля 1799-го Суворов прибыл в Северную Италию. «Между тем, лишь только граф Суворов приехал к армии, – сделал первую запись Комаровский в журнале участия великого князя в военной кампании, – как начались победы; всякий день бюллетень объявлял о каком-нибудь выигранном сражении, так что граф Дерфельден спустя несколько дней сказал мне:

– Надобно просить великого князя ехать скорее к армии, а то мы ничего не застанем; я знаю Суворова, теперь уже он не остановится».

Великий полководец принял сына своего императора, как и полагается, со всеми знаками глубочайшего благоговения, сопровождая своё почтение словами: «Опасности, которым Ваше Высочество можете быть подвержены, заставляют меня думать, что я не переживу Вас, если с Вами случится какое-нибудь несчастье».

Великого князя и офицеров его свиты официально прикомандировали к авангарду русских войск, которым командовал опытный военачальник князь П.И. Багратион. Когда Петра Ивановича вызывал к себе главнокомандующий, то за него всегда оставался Константин.

Участник похода русских войск в Северную Италию адъютант великого князя Александра Павловича гвардейский полковник-семёновец Павел Иванович Тизенгаузен весьма положительно отзывался о боевых и моральных качествах император-

ского отпрыска: «При этом он (Константин. – Н.С.) охотно делил все неудобства и трудности похода – то пешком делал длинные переходы в жару, то чуть не по полусуток проводил верхом; сколько возможно было он старался облегчить труд солдат, покупал для них за свой счёт некоторые припасы и т.п.; впоследствии, во время Швейцарского похода, участвуя в военных советах, он подавал весьма благоразумные советы».

Победоносные сражения с французами при Адде, Треббии, Бассиньяно и Нови в корне изменили баланс сил на Апеннинском полуострове, а Суворов получил титул князя Италийского. Полковник Е.Ф. Комаровский, восторгаясь победами русского оружия, оставил в походном журнале следующую запись: «Итак, с небольшим в три месяца, мы прошли и очистили от неприятеля все владения Венецианской республики, всю Ломбардию и весь Пьемонт».

В большинстве сражений самое активное участие принимали Константин и его свита. Полковнику Комаровскому, ко всему прочему, довелось

Сражение при Нови.

Худ. А.Е. Коцебу

выполнить довольно щекотливое распоряжение самого Суворова. Дело в том, что командующий австрийскими войсками генерал Михаил Меласс в битве при Треббии действовал неэнергично, сомневаясь, что Суворову удастся одержать победу над превосходящими силами противника. Тогда Суворов, выведенный из себя нерешительностью союзника, отправил в штаб австрийских войск полковника Комаровского с предписанием, чтобы командующий австрийскими войсками немедленно нанёс сокрушительный удар по французам. А если Меласс и на этот раз не поторопится, то на словах Александр Васильевич предоставлял великокняжескому адъютанту право расстрелять его как предателя и пособника врагу.

Солдатские шутки Суворова иногда были жестокими, и многие их понимали буквально. Угроза фельдмаршала достигла цели: австрийский генерал, выслушав переданные Комаровским грозные

*От офицера-измайловца
до армейского генерала*

А.В. Суворов с фельдмаршальским жезлом.

Худ. Н.-С. Фросте

«наставления» русского полководца, лично повёл своё войско в атаку. В результате совместных действий русских и австрийских сил французская армия была разгромлена и обращена в бегство.

После битвы Суворов лично поздравил великого князя и его соратников с победой и «изъявил величайшую похвалу мужеству и неутомимости его». В рапорте государю Суворов писал, что великий князь «обретался при передовых войсках, и когда выступили они на баталию в боевом порядке, то великий князь изволил идти с ними и во время баталии присутствовал, где мужеством своим, поощряя войска, приводил к неустрашимости».

В подробной реляции Павлу I от 19 июня 1799 года «О военных действиях с 24 мая по 10 июня и о сражении при Треббии» главнокомандующий сделал особый акцент на следующем: «Его императорское высочество благоверный государь и великий князь Константин Павлович из усердия к пользе общего блага быстро привёл с неутомимостью 6-го числа июня передовые вашего императорского величества войска, внушая им храбрость и расторопность, командировал на левой фланг для подкрепления князя Горчакова и тем весьма способствовал к одержанию победы. Находящихся при его императорском высочестве благоверном государе и великом князе Константине Павловиче генерал-майора Сафонова, полковников Комаровского, Ланга, поручика Озерова и камер-пажа Храповицкого, из усердия и ревности бывших в сражениях, повергаю в высочайшую милость вашего императорского величества».

Императорские милости и награды не заставили себя ждать. Проявивший себя «особенною храбростию» в жарких схватках с французами адъютант великого князя полковник Комаровский за «отличия... при разбитии многочисленного неприятеля при реках Тидоне, Треббии и Нуре» был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени. А «за оказанное отличие в делах... при городе Нови» Евграфа Федотовича отметили особыми знаками к имевшемуся ордену Святой Анны 2-й степени, украшенными алмазами. Здесь необходимо пояснить, что с 1796 года к этой награде давался еще и специальный символ – ажурный золотой орнамент, укрепляемый

между концами креста ордена 1-й или 2-й степени, усыпанный бриллиантами. Пожалование такими знаками к ордену являлось более высокой оценкой боевых заслуг кавалера Аннинского ордена.

Через Чёртов мост – в Швейцарию

КАК ИЗВЕСТНО, героический Швейцарский поход русской армии под командованием А.В. Суворова явился следствием разногласий между членами второй антифранцузской коалиции.

В результате Итальянского суворовского похода и Средиземноморского похода русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова почти вся Италия была освобождена от французских войск. Разбитая при Нови французская армия отступила к Генуе. В руках французов в Северной Италии оставались лишь крепости Тортон и Кони. Суворов осадил Тортону. А далее открывался путь напрямик во Францию.

Но к этому времени англо-австрийское руководство коалиции, преследуя свои цели, разработало новый план военных действий: русские войска под командованием Суворова перебрасываются из Италии в Швейцарию. Этот план служил экспансионистским интересам Великобритании и Австрии. Павел I согласился на это, но поставил главным условием перехода русских войск в Швейцарию её предварительное очищение от французов силами австрийцев. После чего Суворов получил приказ австрийского императора Франца-Иосифа, которому он был непосредственно подчинён, о переходе русской армии в Швейцарию.

В таких крайне невыгодных условиях Суворов начал свой знаменитый переход через Альпы в Швейцарию для соединения русских армий в районе Цюрихского озера. Великий полководец избрал кратчайший, но наиболее трудный, особенно в условиях надвигающейся зимы, путь через перевал Сен-Готард. Там, на высоте 2100 метров, проходила к тому же первая линия обороны французов.

Суворов перед каждым предстоящим сражением всегда обращался к патриотическим чувствам

От офицера-измайловца
до армейского генерала

своих солдат. «Мы русские, мы всё одолеем!» – часто повторял он перед боем.

Беспримерный в истории военного искусства переход через Альпы явил потрясающие примеры того, какой силы воздействия достигали слова Суворова, обращавшегося к патриотическому самосознанию простых солдат.

Великий князь и офицеры его свиты по-прежнему находились непосредственно в боевых порядках авангарда Багратиона, являвшегося ударной силой войск фельдмаршала Суворова. Почти весь переход до Швейцарии, беспримерный по перенесённым тяготам и лишениям, Константин Павлович совершил пешком, деля все походные трудности с рядовыми солдатами и простыми строевыми офицерами. А его адъютантам на этот раз предста-

Фельдмаршал А.В. Суворов на вершине перевала
Сен-Готард 13 сентября 1799 г.
Худ. А.И. Шарлемань

вилась возможность не только показать свою личную храбрость, но и проявить себя на командном поприще.

Полковнику Е.Ф. Комаровскому поручили командовать сводно-гренадерским батальоном, численностью «в 330 человек при одном орудии», командир которого полковник Г.Г. Ломоносов получил серьезную контузию в сражении при Нови. Его сослуживца полковника Е.Я. Ланга назначили временно исполняющим обязанности командира ещё одного сводно-гренадерского батальона вместо тяжело раненого в том же сражении полковника

В.Д. Санаева, находившегося на излечении в госпитале.

И они, великокняжеские адъютанты, сполна оправдали доверие командующего авангардом генерала Багратиона. В боях с врагом дрались храбро, дерзко, проявляя при этом недюжинные командирские качества, офицерскую стойкость и находчивость, а также присущую русским воинам смекалку, чем способствовали успешному продвижению русских войск через альпийский перевал.

Эти два гренадерских подразделения явились костяком особой ударной колонны – своего рода авангарда в авангарде, которая первой двинулась через альпийский перевал Сен-Готард и первой же вступила в жесточайшее сражение за стратегически важный горный проход. Затем храбрые гренадеры, ведомые полковником Комаровским, осуществили прорыв к Чёртову мосту и в жарком бою овладели переходом через глубокую пропасть.

Не выдержав натиска русских гренадер, французы начали отступать от Чёртова моста, успев предварительно частично разрушить его.

Для преодоления образовавшегося провала гренадеры по приказу Комаровского использовали брёвна и доски от разобранного русскими солдатами деревянного строения, стоявшего неподалёку от моста. Эти подручные материалы солдаты связывали всем, что могло попасться под руку, в том числе и поясными офицерскими шарфами. Одну из спасительных связок, по которым храбрые гренадеры устремились через пропасть, крепил и поясной шарф полковника Комаровского.

О невероятно тяжёлой и ожесточённой схватке с противником и исключительном мужестве русских чудо-богатырей свидетельствует такой потрясающий факт: от трёхсот тридцати гренадер, которыми командовал Евграф Федотович, осталось в строю всего лишь два офицера, восемьдесят рядовых и один музыкант-флейтист. Сам же Комаровский, постоянно находившийся под огнём непосредственно в боевых порядках, каким-то чудом остался жив и, словно заговорённый от вражеских пуль, даже не был ранен.

Русский писатель и историк С.Н. Глинка, автор многих военно-исторических публикаций,

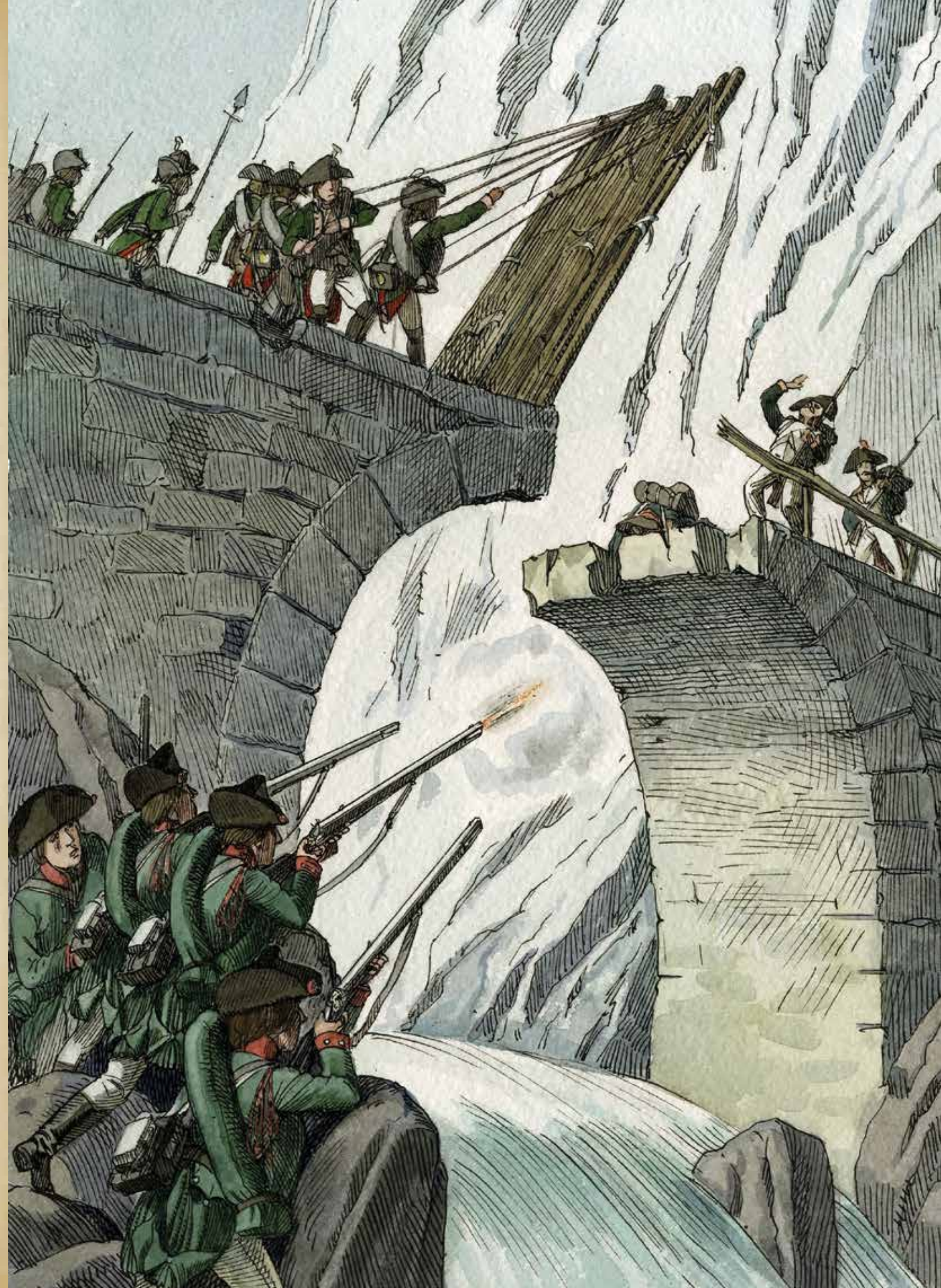
отмечая мужество, героизм и незаурядные командные способности офицеров свиты великого князя, со всей ответственностью писал: «Адъютанты Его Высочества делами поддерживали славу звания своего... Полковник Комаровский, начальствуя батальоном, показал опыты отличной храбрости».

Французские войска охватила паника, и они обратились в бегство, которое приобрело общий и полностью беспорядочный характер. В журнале участия в боевых действиях великого князя Константина полковник Комаровский переход в Швейцарию зафиксировал по-военному лаконично: «Поход через Альпийские горы не представлял нам никаких выгод, ни такого изобилия в продовольствии, как Италия. Напротив того, в осеннее время, с беспрестанными дождями, а часто и снегом, без барачков, которых не из чего было сделать, армия находилась под открытым небом и питалась одним сыром и картофелем, отчего сделались болезни. Приятно, однако же, было видеть, с каким радушием встречали нас добрые швейцарцы: они выносили навстречу нашим солдатам вино, хлеб, сыр и фрукты. Когда мы перешли через Сен-Готард, великий князь послал меня поздравить фельдмаршала с совершением столь многотрудного и знаменитого похода, и что имя его приобрело тем незабвенную славу в истории».

Фельдмаршал Суворов, уже давно высоко оценивший стратегическое мышление Константина Павловича, в своём донесении императору о его участии в Швейцарском походе сообщал: «На каждом шагу в этом царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверзтые и поглотить готовые гробы смерти... Там явилась зрению нашему гора Сен-Готард, этот величающийся колосс гор, ниже которых громоносные тучи и облака плавают, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельсберг. Все опасности, все трудности были преодолены и, при такой борьбе со всеми стихиями, неприятель, согнездившийся в ущелинах и неприступных, выгоднейших местоположениях, не мог противостоять

Бой на Чёртовом мосту.

Худ. О.К. Пархаев

храбрости воинов, явившихся неожиданно на этом новом театре... Войска Вашего Императорского Величества прошли через тёмную горную пещеру Урзерн-Лох, заняли мост, удивительной игрой природы из двух гор сооружённый и поименованный Тейфельсбрюкке (Чёртов мост. – Н.С.). Он был разрушен неприятелем. Но сие не останавливает победителей. Доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершины в бездны и, достигая врага, поражают его всюду».

Наконец главная квартира фельдмаршала разместилась в тихом баварском городке Аугсбурге. Русские войска, изнурённые жестокими сражениями и тяжелейшими переходами, получили долгожданный отдых. Суворову к этому времени уже пожалован императором Павлом I высший воинский чин генералиссимуса.

Спустя несколько дней произошла длительная беседа Комаровского с Суворовым, что называется, тет-а-тет, которая глубоко запала в душу гвардейского полковника своей откровенностью. Все её мельчайшие подробности он потом изложил в своих «Записках...»: «Между тем он (Суворов. – Н.С.) спросил прежде, вероятно, о моём имени и отчестве, назвав меня оными и показав мне стул, стоящий подле стола, а сам сел на канapé против меня и, облокотясь локтями на стол, закрыл глаза и сказал мне:

– Садись, слушай и перескажи его высочеству, что я буду говорить.

Князь начал свой разговор о тогдашней политике всех дворов. Говоря об Англии, он сказал:

– Сия держава старается поддерживать только вражду против Франции всех прочих государств, дабы не дать ей усилиться, ибо одна Франция может соперничествовать с Англиею на морях; политика её лукава.

В доказательство тому князь Суворов привёл, что английское министерство, завидуя успехам нашей армии в Италии, домогалось и интриговало, чтобы она была послана в Швейцарию, где, по малолюдству своему, армия наша могла погибнуть.

– Австрийская политика, – продолжал он, – самая вероломная и управляема врагом своего отечества Тугутом (австрийский государственный

деятель, инициатор создания Второй антифранцузской коалиции. – Н.С.), который вместо того чтобы действовать на защиту лишенных престола королей, своих союзников, вздумал делать приобретения из завоеванных нами у неприятеля городов и провинций... Австрийцы дорого заплатят за их вероломство. Один наш император поступает как прилично высокому союзнику, безо всяких видов корысти и из единого похвального подвига, чтобы восстановить и храм Божий, и престолы царей. Сию монаршую волю мы, кажется, сколько могли, исполнили.

– Я сделался стар и слаб, – присовокупил он, – и одной прошу милости у всемилостивейшего государя моего, чтобы отпустил меня домой. Мы увидим, что будет с австрийцами, когда бич их, Бонапарте, возвратится в Европу».

Суворов оказался провидцем: вернувшись из Египетского похода, Наполеон Бонапарт сумел в короткий срок опустить на колени пол-Европы, но покорить русский народ у него так и не получилось.

Раздражённый вероломством австрийской политики, как сейчас бы сказали, двойных стандартов, Александр Васильевич твёрдо решил оставить пост главнокомандующего объединённой русско-австрийской армией. Однако император Франц-Иосиф, опасаясь, что этот поступок генералиссимуса может подтолкнуть Россию к разрыву союзнических отношений с Австрией, поспешил направить к Суворову своего министра князя Эстергази. Полученная им инструкция заключалась в следующем: добиться через великого князя Константина, с которым был в дружественных отношениях, личного свидания с Суворовым и убедить его, а также Павла I, что происходит недоразумение, что австрийцев просто неправильно поняли, что они по-прежнему верны союзническому долгу.

Но Константин не стал вступать в контакт с Эстергази, заявив при этом, что он без позволения императора не может заниматься столь сложными дипломатическими переговорами. Австрийский посланник был в отчаянии, но всё же сумел добиться аудиенции у Суворова (кстати, по совету Е.Ф. Комаровского), после которой льстиво высказал своё восхищение умом и образованностью Александра Васильевича, но при этом с сожалени-

От офицера-измайловца
до армейского генерала

Орден Святых Маврикия и Лазаря

Командорский крест
Святого Иоанна Иерусалимского

ем заметил, что ему не удалось убедить полководца изменить свое решение.

Свидетелем бесплодных дипломатических потуг австрийского князя, приехавшего в ставку Суворова не с пустыми руками, оказался полковник Е.Ф. Комаровский:

«Князь Эстергази привёз от императора Франца две ленты военного ордена Марии Терезии: одну великому князю, а другую князю Суворову; два ордена на шею: князю Багратиону и Милорадовичу, и несколько орденов в петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить по его усмотрению на тех, которых он признает более отличившимися при освобождении от неприятеля Италии... В то же почти время и король Сардинский прислал генералиссимусу цепь военного ордена Св. Лазаря и Маврикия, несколько орденов на шею и в петлицу; из сих последних и я получил».

Привезённые незадачливым австрийским дипломатом награды Суворов вручил генералам и офицерам, отличившимся в Итальянском и Швейцарском походах, по своему усмотрению. Полковник Комаровский получил высший знак отличия

Королевства Сардиния, входившего в состав Италии, орден Святых Маврикия и Лазаря, дававший ему право на ношение почётного рыцарского титула командора.

Вскоре генералиссимус А.В. Суворов, предварительно получивший добро от Павла I, начал вывод своих войск «малыми переходами» в Прагу, а оттуда – на Родину, в Россию.

Возвращение в Санкт-Петербург

ДОЛГОЖДАННОЕ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ военной кампании возвращение в российскую столицу произошло в самом конце 1799 года. «Мы приехали в Петербург 27 декабря», – отметил в походном журнале Комаровский.

На другой день Константин представил государю своих геройских адъютантов. По тогдашнему обычаю надобно было с благоговением опускаться перед императором на одно колено. Но Павел I нередко, особенно когда находился в хорошем расположении духа, не допускал подобного чрезмерного проявления верноподданнического этикета. По

свидетельству Комаровского, во время приёма император «всякого из нас обнимал, говоря при том:

– Не вы, а я вас благодарить должен за службу вашу мне и царевичу. – А ко мне оборотясь, сказал: – Ты, сверх того, ещё и отличил себя в сражениях, командуя батальоном».

После возвращения с европейского театра военных действий в Санкт-Петербург на Комаровского, словно из рога изобилия, посыпались новые награды и царские милости. Павел I высочайше пожаловал ему орден Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест – одна из высших российских наград в царствование Павла I, избранного, как известно, Великим магистром Мальтийского рыцарского ордена. — Н.С.), а также произвёл в высокий воинский чин генерал-майора.

Забегая вперёд, отметим, что от российского самодержца в проявлении щедрости к храбрым покорителям Альп не отставал и союзник по антифранцузской коалиции император Священной Римской империи Франц II. В марте 1803 года он с оказией прислал в Санкт-Петербург особый диплом генералу Е.Ф. Комаровскому, свидетельствовавший о возведении его в графское достоинство Священной Римской империи «с предоставлением пользоваться всеми правами и преимуществами, оному присвоенными».

Евграф Федотович, не ожидавший подобного благодеяния, с гордостью вспоминал: «Император изволил меня поздравить графом и повелел мне диплом мой оставить у его величества, который препровождён был потом через бывшего тогда министра юстиции Г.Р. Державина, при высочайшем указе, в Правительствующий сенат, для распубликования повсеместно».

В опубликованном вскоре царском рескрипте говорилось: «1803 г. мая в 19-й день, с потомством его пожалован в графское Римской империи достоинство и на оное дипломом, и Его Величество Всероссийской Империи Государь Император Александр I, того ж 1803 года июня 18 дня, Всемилостивейше позволяя помянутому Евграфу Комаровскому принять пожалованное от Римского императора графское достоинство, Высочайше повелеть соизволил, чтобы его, графа Комаровского, признать в сем достоинстве, с предоставлением

пользоваться всеми правами и преимуществами, оному присвоенными».

Вскоре новоявленному графу был составлен родовый герб с занесением в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» со следующим описанием: «В щите голубого цвета изображён золотой хлебный сноп и над ним того ж металла пчела, летящая в левую сторону. Большой щит покрыт графскою короною, на которой поставлен златокоронванный шлем с тремя страусовыми перьями, из коих крайние два – голубые, а среднее – золотое. Намёт на щите – голубой, подложенный золотом. Щит держат два воина в латах, имеющие при бедре шпагу, а в руках – по одному копьё».

Теперь как к Евграфу Федотовичу, так и к его потомкам обращались не иначе как – «ваше сиятельство».

Спустя несколько лет Комаровский на основании своих походных записей подготовил и опубликовал в «Военном журнале» воспоминания о совместных боевых действиях русско-австрийских войск против французских оккупантов в Италии. Предваряя публикацию авторским вступлением, Комаровский, как истинный патриот, горячо любящий своё отечество, с гордостью за русского солдата писал: «Военные подвиги Императорской армии в Италии в 1799 году привели всю Европу в удивление, всякий с изумлением взирал на деяния прославившихся там героев. Повествование о столь знаменитых деяниях есть превыше сил моих, и я бы предпринять одного не отважился, если бы не льстил себя только надеждою, что, издав сей журнал, в коем старался, яко очевидный свидетель, описывать со всевозможною точностью ежедневные происшествия, приготавлию тем нужные материалы будущим писателям для прославления блистательной сей эпохи».

Оценивая итоги военной кампании, Е.Ф. Комаровский с восторгом отзывался о полководческом гении А.В. Суворова и беспримерном героизме простых русских солдат: «Ежели одержанные в Италии российские победы, уничтожившие с небольшим в 4 месяца 7-летние завоевания французов, почитались непостижимыми подвигами храбрости, мужества и искусства, то прешествие Альпийских

От офицера-измайловца
до армейского генерала

Фамильный герб графов Комаровских

гор, где на каждом шагу презирать долженствовало угрожающую смерть, преодолевать всевозможные трудности, превосходнейшие неприятельские силы и даже саму природу, есть верх незабвенной славы, едва человечеству совместное».

Карьера генерала (ему идет тридцать первый год) складывалась весьма удачно: он отмечен самим императором, находится чуть ли не в приятельских отношениях с великим князем Константином, другой великий князь, Александр, также благоволит ему и оказывает разумную помощь в продвижении по службе. Однако уже в мае следующего, 1800 года графа Комаровского неожиданно отправляют подальше и от двора, и от столицы. Он получает назначение военным комендантом отдалённой Каменец-Подольской крепости, куда «непреренно выехать был обязан незамедлительно».

Комендант пограничной крепости

ПРИЧИНА НЕПРИЯЗНИ императора Павла I к Комаровскому крылась в обострении его отношений со своими сыновьями – Александром и Константином. То есть произошло то, что на языке политиков во все времена называлось до банальности просто – борьба за абсолютную власть.

Второй сын императора Константин Павлович, участвуя в боевых действиях под руководством великого Суворова, много чего повидал, не только жизнь испытал, но и пороку понюхал и во многом научился разбираться. Он, разумеется, хорошо понимал, что пожалованный ему отцом титул цесаревича при живом старшем брате – наследнике престола если не рассорит его с Александром, то в глазах высшего общества явно вызовет раздор и неразбериху в престолонаследии.

Разделяй и властвуй – принцип государственной власти, к которому часто прибегают правители государств, состоящих из разнородных частей и согласно которому лучший метод управления таким государством – разжигание вражды между его частями. Не в этом ли крылась причина нездоровой суетуи вокруг императора и его семьи?

В своих «Записках...» Е.Ф. Комаровский пишет:

«Один раз государь спросил у великого князя, покойна ли теперешняя одежда для солдата во время походов. Император знал, что во всю кампанию солдаты штиблет не надевали, а унтер-офицерские алебарды, которые были в 4 аршина, все изрублены были на дрова, когда проходили снежные Альпийские горы...

Великий князь через несколько дней представил императору образцовых; так как форма немного походила на бывшую при императрице, государь с гневом сказал его высочеству:

– Я вижу, ты хочешь ввести потёмкинскую одежду в мою армию?! Чтоб они шли с глаз моих долой! – и сам вышел из комнаты...

С тех пор началась холодность к великому князю и ко всем бывшим при нём, а потом – гонения на участвовавших в итальянской кампании».

Вскоре после этого государь удалил от опального сына всех его верных адъютантов, издав приказ следующего содержания: «Адъютантам его императорского высочества Константина Павловича генерал-майорам Сафонову и Комаровскому и полковнику графу Шувалову состоять при армии и носить общий армейский мундир».

При этом бывшие адъютанты опального великого князя обязаны были явиться к императору в новом обмундировании и без адъютантских знаков отличия уже на следующий день. «В ночь нам кое-как сделали общие армейские мундиры, – вспоминал Комаровский сей акт публичного унижения, – и мы в назначенный час приехали к разводу. Нам сказано было, что государю представляются в комнате... Государь вышел к нам с грозным видом, и когда представили ему Сафопова, он сказал: – Aussitot pris, aussitot pendu (франц. «пойман и повешен». – Н.С.)».

Затем обернулся к вытянувшемуся в струнку Комаровскому и сурово произнёс: «И вы, сударь, не заживётесь». После такой неожиданной и несправедливой нахлобучки отставные адъютанты на ватных ногах отправились на строевой плац.

По окончании утомительного воинского развода, который теперь проводился буквально ежедневно, к Комаровскому подошёл великий князь Александр Павлович и, отведя его в сторону, с тревожной ноткой в голосе произнёс: «Я жалею о

От офицера-измайловца
до армейского генерала

брате, что он тебя лишился; я знаю, что он тебя любит». Затем, продолжив разговор в том же духе, наследник пообещал похлопотать о какой-либо должности, чтобы Евграф Федотович смог остаться в Петербурге. Верные люди нужны были сейчас великим князьям, как никогда: они находились не только в опале у отца, но и оказались разменной монетой в дворцовых интригах, из-за чего опасались за свою жизнь. Однако уже на другой день генерал Сафонов назначен был шефом Санкт-Петербургского гренадерского полка, квартировавшего в Риге, а генерала Комаровского отправили ещё дальше от столицы – в пограничную Каменец-Подольскую крепость.

Соратник Александра I князь А.А. Чарторыйский писал: «С 1799 года Павла стали преследовать тысячи подозрений: ему казалось, что его сыновья недостаточно ему преданы, что его жена желает царствовать вместо него. Слишком хорошо удалось внушить ему недоверие к императрице и к его старым слугам. С этого времени началась для всех, кто был близок ко двору, жизнь, полная страха, вечной неуверенности».

Сложилась крайне странная и скандальная ситуация: император видел чуть ли не в каждом из ранее приближённых к престолу генералов и офицеров подлого заговорщика и многих из них безжалостно отправлял в отставку, либо ссылку. Причём такая репрессивная мера, как отставка, была гораздо опаснее, чем, например, ссылка в отдалённые гарнизоны: вслед за ней могла последовать позорная «выключка из службы», лишавшая наказанного многих дворянских льгот и пресекавшая возможность вернуться в армейский строй. Поэтому Александр решил, что гораздо разумнее будет не пристраивать Комаровского в столице, а как можно скорее отправить его в глубинку к новому месту службы.

Но своевременный отъезд к месту нового назначения оказался для Комаровского весьма затруднительным как из-за появившихся проблем личного плана, так и по независящим от него вопросам служебного характера: «Я чувствовал себя уже нездоровым, а сие назначение и более расстроило ещё моё здоровье. Я, собравшись, однако же, с силами, поехал к наследнику просить его высочество по-

Конный портрет императора Павла I
с сыновьями и палатином Венгерским Иосифом.
Худ. Е.И. Ботман

зволить мне несколько дней остаться в Петербурге. Признаюсь, что я был в таком положении, что мне и выехать было не с чем, ибо несколько денег, которые я имел, должно было оставить на прожиток моим домашним. Великий князь Александр Павлович мне сказал:

– Ты знаешь порядок, что тот, кто назначен к какой-то должности, непременно выехать обязан на другой день, хотя полумёртвый, но я прикажу тебя прописать завтра на заставе выехавшим, а ты можешь остаться три дня, но с тем, что никому не показывайся, особливо, чтобы Пален (военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга. – Н.С.) не знал, что ты здесь».

Опальный генерал очень сильно рисковал, поэтому ровно через три дня, как было условлено с великим князем Александром, тайно покинул столицу, причём с соблюдением даже некоторых элементов конспирации. При выезде из города он зарегистрировался на заставе не под своей фами-

лией, так как это уже было сделано заранее, а под именем некоего «отставного полковника Муромцева, едущего в деревню на своих лошадях».

Этот решительный манёвр, вполне вероятно, спас репутацию Комаровского. Задержись он ещё немного в столице, и об этом стало бы известно Павлу I, то не избежать бы бывшему адъютанту «выключки из службы» со всеми вытекающими последствиями, возможно даже с лишением генеральского чина. Именно так уже случилось с его предшественником, инженер-генерал-майором И.А. Глуховым, не прибывшим в установленный срок в крепость по независящим от него причинам.

Кстати, здесь, в Подольской губернии, Евграф Федотович неожиданно для себя, но к большой радости, встретил немало опальных, как и он сам, влиятельных петербуржцев. Одним из них был граф А.И. Морков, видный екатерининский дипломат, правая рука сначала А.А. Безбородко, затем П.А. Зубова по делам Иностранной коллегии.

Комаровский оказывал всяческие услуги своему давнему знакомцу и по мере сил старался сглаживать его нелёгкое ссыльное существование: «Тогда жил в Подольской губернии изгнанный и

*Вид Каменец-Подольской крепости.
Раскрашенная старинная гравюра*

заточённый в свои деревни граф А.И. Морков; он в последнее время при императрице Екатерине играл большую роль, особенно, когда князю Зубову поручена была дипломатическая часть, граф Морков был в оной главное действующее лицо... Поляки старались оказывать ему всевозможное презрение, считая его одним из главных виновников последнего раздела Польши... Граф Морков часто по делам своим приезжал в Каменец и проводил всё своё время у меня, особенно, когда приехали ко мне в Каменец Алексей Николаевич (Астафьев. – Н.С.), сестрица Анна Федотовна и племянница моя Александра Алексеевна».

Недалеко от Каменецкой крепости, в селе Тына, жил другой давнишний знакомый и некогда покровитель Комаровского – отставной «адмирал русского флота» и бывший екатерининский «агент в Кобленце» принц Шарль де Нассау. Евграф Федотович помнил его доброту и был ему бесконечно благодарен за многие оказанные услуги, в том числе за хлопоты о производстве его в гвардейские офицеры.

*От офицера-измайловца
до армейского генерала*

Спустя несколько месяцев граф Гудович был отстранён от должности подольского губернатора, а на его место Павел I определил также оказавшегося у него в немилости генерала от инфантерии А.Г. Розенберга – участника итальянской кампании под командованием А.В. Суворова. «Мне ещё приятнее было служить с сим новым начальником, который имел ко мне полную доверенность», – с удовлетворением отмечал Комаровский.

Вскоре Каменец неожиданно посетил великий князь Константин, которого Павел I, сменивший в очередной раз гнев на милость, отправил инспектировать войска, размещённые вдоль австрийской границы. Узнав об этом визите, Комаровский на радостях оседлал коня и поспешил навстречу своему бывшему шефу и покровителю: «Он обошёлся со мной весьма милостиво и изволил мне сказать, что он нарочно приехал в Каменец, чтобы со мной видиться. Для его высочества приготовлена была квартира в доме военного губернатора и приличный караул. Великий князь удержал меня весь вечер у себя. Откланиваясь, я спросил у него позволения иметь честь представиться его высочеству на другой день всем военным и гражданским чиновникам, находящимся в Каменце, удостоить присутствием своим бал, который будет иметь честь дать его высочеству дворянство Подольской губернии... Его высочество был вообще весьма любезен... и все его милостивым и ласковым обращением были довольны; со мной же он обходился, как со своим домашним».

Постепенно все передряги, постигшие Комаровского, улеглись, и жизнь потекла своим чередом: «Мы в Каменце жили довольно весело; у нас

бывали иногда балы. Я могу сказать, что меня поляки любили. Но всё же я не уверен был, чтобы кто-нибудь не сделал на меня доноса, и всякую почту ожидал с некоторым страхом».

Однажды к Комаровскому явился встревоженный местный полицмейстер и в полной растерянности предъявил одну необычно оформленную бумагу. Как оказалось, это была подорожная киевского курьера, направленного в местное провиантское комиссионерство. Документ начинался словами: «По указу его императорского величества императора Александра Павловича и проч.». У Евграфа Федотовича, в полном ошеломлении несколько раз прочитавшего эти строки, невольно вырвались слова: «Боже мой, какое счастье!».

А на другой день в Каменец прибыл уже официальный военный курьер из Санкт-Петербурга с манифестом о восшествии на престол «Божией милости императора Александра I», с приложенным к нему присяжным листом. Крепостные воинские подразделения части были немедленно собраны на площади, и Комаровский, как непосредственный начальник воинского гарнизона, «с несказанным восторгом привёл их к присяге обожаемому императору».

Император Александр I, как известно, начал царствование с милостивых указов о возвращении ранее опальных лиц на службу государеву. Одним из первых среди вновь призванных ко двору был генерал-майор Е.Ф. Комаровский. Дождавшись нового коменданта, Евграф Федотович «сдал ему крепость в три дня и, распростясь с... добрым начальником А.Г. Розенбергом, полетел в Петербург».

ГЛАВА IV

Генерал-адъютант его величества

Снова в Санкт-Петербурге

С УЧЁТОМ ТОГО, что в начале XIX века вести из Санкт-Петербурга до глубинки шли неделями, а то и месяцами, Комаровский, находившийся от столицы за полторы тысячи вёрст, не мог себе даже представить, какие драматические события стали причиной смены царствований.

Позже он, конечно же, узнает, что Павел I был убит в результате заговора, и об этом шокирующем его страшном событии напишет в воспоминаниях кратко и довольно расплывчато: «Мне известны сделались все ужасные происшествия, которые сопровождали восшествие императора Александра на престол, отчасти рассказанные мне самим великим князем Константином Павловичем».

Естественно, как всякий благоразумный и трезвомыслящий человек, Комаровский будет потрясён подробностями ухода из жизни императора. Однако впоследствии в «Записках...» он по известным причинам ни словом не обмолвится об этом убийстве. Только в одном месте и только один раз он

Встреча генерал-майора Евграфа Комаровского с великим князем Константином Павловичем в Каменец-Подольске.

Худ. О.К. Пархаев

упомянет, что «император Павел тогда скончался».

Что касается конкретно всех обстоятельств убийства Павла I, то они известны лишь из воспоминаний современников, общавшихся с непосредственными участниками заговора. А сведения, сообщаемые мемуаристами, зачастую противоречивы и неточны в деталях.

В половине первого ночи группа из 12 офицеров ворвалась в спальню императора, и в результате возникшего конфликта он был избит, получил удар в висок тяжелой золотой табакеркой и был задушен шарфом. Вдохновителями заговора считают Никиту Панина и Петра Палена, а группу непосредственных исполнителей возглавляли Николай Зубов и Леонтий Беннигсен. Причинами заговора были нарастающее в определенных кругах аристократии недовольство непредсказуемой политикой, проводимой Павлом I, и особенно оскорбления и опала, которой подверглись многие из её круга и под которую в любой момент мог попасть кто угодно. У заговорщиков было страстное желание сменить царя на более покладистого.

Кроме того, подозрения в финансировании заговора пали на Великобританию, недовольную разрывом отношений с Россией и союзом последней с Наполеоном. Осведомлённость цесаревича Александра Павловича о грядущем убийстве его отца

находится под вопросом. На территории Российской империи информация о данном событии была под цензурным запретом до революции 1905 года, хотя активно освещалась зарубежной и эмигрантской прессой. Официальной версией в Российской империи более ста лет была кончина от болезни по естественным причинам: «от апоплексического удара» (инсульта). Любые публикации, где был намёк на насильственную смерть императора, пресекались цензурой.

Начинается свалка. Зубовы удаляются. Беннигсен со стороны наблюдает, как гвардейские офицеры бьют Павла. Чтобы прекратить отвратительную сцену и «довершить дело», предлагает воспользоваться шарфом. По одним данным, это был офицерский поясной шарф одного из участников заговора, штабс-капитана Якова Скарятина, по другим – шарф самого императора. Всё кончено...

О происшедшем докладывают Александру. Он впадает в истерику. Пален произносит историческую фразу: «Хватит ребячиться, государь, ступай-те царствовать».

Наступило утро 12 марта 1801 года. Дворцовая революция заканчивается. Однако в столице, по свидетельству современников, в наступивший после переворота день было беспокойно – она разделилась на два неравных лагеря. Простой народ в массе своей остался равнодушным к произошедшему. Седоусые гренадеры – старая павловская гвардия – несмотря на всю его строгость и вспыльчивость, любили своего императора, который платил им тем же. «Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 12 марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии», – писал русский военный историк А.А. Керсновский. Однако тайна жизни несчастного императора и его загадочное убийство так до конца и не разгаданы.

Участник заговора генерал Беннигсен в своих «Записках...» также отмечает народный восторг: «Никогда смерть монарха не вызывала такой всеобщей радости среди народа, какую произвела кончина Павла I, и никогда ни один государь не был

приветствуем с таким единодушным восторгом при воцарении, как Александр I».

К вечеру 12 марта в петербургских лавках уже не оставалось ни одной бутылки шампанского. Раздавались восклицания, что миновали «мрачные ужасы зимы» и наступила светлая, радужная «весна нового века». Придворный поэт-министр Гаврила Державин тут же восторженно откликается торжественной одой «На восшествие на престол императора Александра I»:

*Век новый! Царь молодой, прекрасный
Пришёл днесь к нам весны стезёй!*

По прибытии в Санкт-Петербург Комаровский не без сожаления узнаёт, что в свержении Павла I вновь непосредственное участие принимала императорская гвардия, и в том числе офицеры его родного Измайловского полка.

Евграф Федотович приходит в смятение от страшных событий, особенно когда ему становятся «известны... все ужасные происшествия, которые сопровождали восшествие императора Александра на престол». Эти подробности омрачают радость возвращения в столицу. Ведь согласно одной из версий, императора задушили собственным офицерским шарфом именно его сослуживца-измайловца штабс-капитана Скарятина.

Евграф Федотович, не рассчитывавший на большее, чем вновь вернуться в свиту Константина Павловича, был несколько ошарашен намерением Александра I ввести его в свой ближний круг. Вот как, по свидетельству самого Евграфа Федотовича, произошло это назначение: «Я узнал, что император всякой день после развода в 12-м часу прогуливаться изволит с Уваровым в Летнем саду. Я туда поехал и, к счастью моему, тотчас встретил государя, его величество мне сказал:

– Здравствуй, Комаровский, что тебя давно не видать?

Я доложил государю, что я не смею беспокоить его величество.

– Вздор какой! Приезжай ко мне, когда хочешь, – присовокупил император.

Получив такое позволение, я решился в тот же день ехать на Каменный остров и тотчас был принят императором. Государь изволил у меня спросить:

Генерал-адъютант
его величества

Император Александр I.
Худ. Г.Ф. Кюгельген

– Ты виделся с братом? И он, я уверен, тебе обрадовался...

Государь, взглянув на меня пристально, продолжал:

– А ты что думаешь?

Я молчал. Потом император изволил сказать:

– Говори откровенно.

Тогда я объяснил государю, что, будучи с лишком год в отсутствии от его высочества, я нашёл при его особе много людей, мне вовсе незнакомых, которые, вероятно, уже удостоены доверенности великого князя, и я в моем чине буду увеличивать только число чиновников, при его высочестве находящихся, что я бы не желал вести жизнь праздную, и что те занятия, которые я имел при великом князе, возложены, конечно, на другие лица. Император слушал меня с приметным вниманием. Помолчав немного, государь сказал:

– Разве ты не хочешь быть моим генерал-адъютантом?

Я не опомнился от радости и отвечал:

– Это бы было верх моего счастья.

Я бросился благодарить государя. Его величество меня обнял и изволил сказать:

– Теперь никому ни слова; мне надобно уладить это с братом, – и меня изволил отпустить».

Несмотря на то, что молодой император вроде бы принял окончательное решение, судьба Комаровского зависела в какой-то степени и от воли Константина, известного своим крутым нравом. Евграф Федотович небезосновательно опасался, что великий князь, имевший большие полномочия и влияние как при дворе, так и в армии, вдруг да воспротивится воле своего брата-императора.

Однако в окончательном определении дальнейшей судьбы Комаровского положительную роль, вне всякого сомнения, также сыграли связи и знакомства, приобретённые им во время службы курьером «по иностранному ведомству», и в частности, прекрасное отношение к нему со стороны влиятельнейшего царедворца, сенатора и мецената Николая Петровича Румянцева.

Евграф Федотович этот факт своей биографии не скрывал и о протекциях из ложной скромности не умалчивал: «По восшествии императора Алек-

сандра на престол графу Н.П. Румянцеву немедленно позволено было возвратиться в Россию, и он, по приезде своём, назначен был министром коммерции. Я думаю, что он несколько способствовал назначению меня в генерал-адъютанты, ибо государь к нему был очень милостив, и я графу сообщал мои мысли, что мне было бы очень неприятно находиться между теми, которые окружали великого князя, по возвращении моём из Каменца. Я бывал у графа Н.П. очень часто, и он обращался со мной, как с близким своим родственником».

Так что опасения Комаровского за свою придворную судьбу оказались напрасными: спустя несколько дней, а именно 17 июля 1801 года, Александр I подписал высочайший приказ «о чинах военных» следующего содержания: «Состоящий по армии генерал-майор Комаровский назначается генерал-адъютантом к его императорскому величеству».

Придворный чин генерал-адъютанта впервые в России появился во времена Петра Великого. В одном любопытном историческом исследовании говорится, что эта первоначально военно-придворная должность, превратившаяся впоследствии в особый воинский чин, естественным образом возникла на базе так называемого «личного военного штата», непосредственно сложившегося вокруг молодого и энергичного царя-реформатора.

Первоначально в ближайшем окружении Петра Алексеевича сосредоточивается некая группа единомышленников из военных чинов, состоявшая из наиболее способных офицеров, – нечто вроде порученцев или ординарцев государя, которые исполняли различные его приказы и распоряжения. Так было положено начало особому учреждению, впоследствии известному под названием императорской свиты.

С 1711 года Пётр I начал присваивать наиболее доверенным старшим офицерам этого окружения новое звание генерал-адъютантов. Их задача заключалась в выполнении ответственных личных поручений царя, контроле своевременного исполнения отданных приказаний, передаче от исполнителей их просьб и объяснений, почему то или иное распоряжение не выполняется или выполняется не в полном объёме.

Всего в царствование Петра I по разным источникам было девять ближайших его соратников, удостоенных этого особого чина, среди которых такие известные исторические личности, как Павел Ягужинский, Григорий Долгоруков, Александр Румянцев и некоторые другие. Но первым высокой военно-придворной должности был удостоен личный порученец царя Антон Девиер.

Правда, назначению Евграфа Федотовича в императорскую свиту всё же так предшествовали некоторые разногласия, интриги и даже придворные сплетни. Вот что по этому поводу писал сам Евграф Федотович: «Я узнал потом, что в первое свидание у императора с великим князем Константином Павловичем государь, между прочим, спросил у его высочества:

– У тебя был Комаровский?

– Был, государь, – отвечал великий князь. – Я надеюсь, что ваше величество пожалует его мне по-прежнему, – присовокупил его высочество.

Государь изволил сказать:

– Охотно, но у меня один только генерал-адъютант, Уваров; Ливен и Долгорукий имеют свою

*Император Александр I с генерал-адъютантами
в Петергофе. Худ. И.В. Ческий.*

часть; мне бы не хотелось взять, кого я не знаю; при тебе же будут два генерал-майора: Хитров и Комаровский, они оба мне известны, уступи мне одного из них.

Император знал, что от меня великий князь уже отвык, а Хитрова он очень любит. Его высочество, подумав несколько, сказал:

– Если вашему величеству уже непременно угодно иметь одного из двух, то извольте взять Комаровского, а Хитрову позвольте носить конногвардейский мундир.

Государь изволил отвечать:

– Очень рад.

Возвратясь в Стрельну, великий князь обнимает Хитрова и поздравляет. Наконец объясняется, что он выпросил Николаю Фёдоровичу позволение носить конногвардейский мундир и что меня уступил государю. Хитров мне никогда не мог простить, что

не он назначен был в генерал-адъютанты, а я. Он считал, что при сём случае мною употреблена была какая-нибудь интрига, ибо и его император очень жаловал. Вероятно, Хитров был причиною, что с тех пор великий князь ко мне переменялся до того, что приказал своей конторе не производить мне выплаты тех трёх тысяч рублей, которые пожалованы были в пенсион по смерти».

И всё же, несмотря ни на что, Евграф Федотович оказался первым из числа приближённых к трону генералов, удостоенным новым российским государём этого почётного светского звания. «Всякий может себе вообразить, что я почувствовал при прочтении сего приказа. Сие назначение было для меня тем лестнее, что я первый удостоился получить сие звание при императоре Александре», – с благоговением отметил в своих «Записках...» Евграф Федотович.

Правда, при Александре I уже несколько месяцев состоял генерал-адъютантом бравый шеф блистательных кавалергардов Фёдор Петрович Уваров, получивший этот высокий военно-придворный чин ещё от Павла I. Молодой государь, видимо, помня, что Уваров находился рядом с ним в ту роковую ночь дворцового переворота, своим указом просто подтвердил ему прежний статус, между прочим, единственному из всех павловских генерал-адъютантов. Поэтому в придворной службе Уварова практически ничего не изменилось, разве что за малым – он всего лишь поменял один императорский вензель, крепившийся в верхней части генерал-адъютантского аксельбанта, на другой.

По своему внешнему облику свитские генералы и офицеры существенно отличались от остальных воинских чинов прежде всего мундирами и особыми знаками отличия. Примерно в 1776 году царские адъютанты получили ряд внешних обозначений, точнее, отличий своего привилегированного положения. Основным знаком принадлежности к свите с этого времени становится особого образца аксельбант, носившийся на правом плече при любой форменной одежде. В верхней его части имелся накладной шитый золотом императорский вензель под короною в венке из лавровых ветвей.

История появления аксельбантов до конца не выяснена. Вроде бы этот аксессуар появился в середине

XVIII века и первоначально являлся как бы продолжением плетёного эполета. Позднее петли аксельбанта стали охватывать рукав и вместе с концами подтягиваться к пуговицам на груди мундира. Существует несколько версий происхождения и назначения аксельбантов. Согласно одной из них, аксельбант – это шнур для измерений, например – расстояний по карте, а наконечники – свинцовые карандаши, позволявшие делать записи в любых условиях.

Известен афоризм Козьмы Пруtkова: «Нет адъютанта без аксельбанта». Позже этот красивый воинский аксессуар стал также отличительным знаком жандармских генералов и офицеров, только у них он был серебристого цвета и носился не на правом, а на левом (до 1874 года) плече.

При Александре I произошла некая унификация светских мундиров и знаков воинского различия. Начиная с 1807 года все чины императорской свиты стали отличаться от остальных военных одним эполетом, размещённым только на левом плече. Именно в таком общегенеральском мундире с вензелем Александра I на корневой части эполета нового образца изображён молодой генерал-майор Евграф Комаровский на недавно выявленном старинном портрете, автором которого является саксонский художник К.К. Фогель фон Фогельштейн.

Этот немецкий живописец переехал в Санкт-Петербург в 1808 году и, поселившись во дворце князей Гагариных, открыл свою мастерскую, в которой и написал уникальные портреты многих российских аристократов, высших военных чинов и дипломатов. Данный портрет Е.Ф. Комаровского скорее всего датируется временем приезда художника в Санкт-Петербург – декабрём 1808 года. На груди генерала изображены следующие награды: командорский крест ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Сардинский орден Святых Лазаря и Маврикия, а также приписанные позднее по мере награждения крест и звезда ордена Святого Владимира 2-й степени.

Надо отметить, что именно при Александре I титул генерал-адъютанта приобрёл известную цену и значимость, а люди, получавшие на эполеты золочёные императорские вензеля, становились не только его особо доверенными приближёнными,

Генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский.
Худ. К.К. Фогель фон Фогельштейн

*Медаль в память коронации
императора Александра I*

*Санкт-Петербургский монетный двор, 1801 г.
Медальер С. Иванов (по оригиналу К. Леберехта; лицевая сторона).
Серебро; чеканка.*

но подчас и советниками по разным вопросам государственного управления.

Как утверждают историки, именно «в царствование Александра I этим почётным званием жаловались высшие военные чины в виде награды за военные подвиги и общегосударственную полезную деятельность». С 1808 года звание генерал-адъютанта стало применяться как почётное отличие для высших военных чинов, обозначающее близость к монарху, поскольку оно давало право непосредственного доклада императору. Таким образом, императорская свита становилась военной элитой, из которой выходили многие известные военачальники и государственные деятели большого масштаба.

И последнее: чтобы закончить тему генерал-адъютантов Александра I, необходимо назвать ещё две исторические личности – брата императора великого князя Константина Павловича, первого из лиц царствующего дома зачисленного в свиту в октябре 1819 года, а также получившего известность исключительно как шеф жандармов прибалтийского барона А.Х. Бенкендорфа. В своих мемуарах Евраф Федотович уважительно назовёт Александра Христофоровича своим товарищем.

На коронации в Москве

КОРОНАЦИЯ АЛЕКСАНДРА I состоялась 15 сентября 1801 года в Успенском соборе Москов-

ского Кремля. Поездку в Москву и первый момент торжества очень живо, красочно и даже с некоторой долей юмора описал в своих мемуарах генерал-адъютант и «особо доверенное лицо» нового самодержца Е.Ф. Комаровский: «Нас поехало четверо вместе на коронацию: я, как старший генерал-адъютант, генерал-майор Репнинский, князь Пётр Михайлович Волконский, бывший тогда полковником и флигель-адъютантом, и капитан 2-го ранга Клокачёв; он был тогда начальником императорской флотилии. Вояж наш был превесёлый; нас чрезвычайно забавлял Клокачёв, который никогда почти не ездил по твёрдой земле, а всё плавал по морям, и он испытывал от движения экипажа по земле ту же болезнь, которую имеют на море». Но всё обошлось, начальника императорской флотилии на земле не укачало.

8 сентября 1801 года в воскресенье состоялась торжественный въезд в Москву императора Александра I. От Петровского путевого дворца по Тверской улице до Кремля по обеим сторонам стояли в параде гвардейские полки, дома вдоль улицы были украшены вывешенными из окон коврами и

*Генерал-адъютант
его величества*

*Графиня Елизавета Егоровна Комаровская
(урождённая Цурикова).
Миниатюра неизв. худ.*

разными шелковыми материями; около домов сооружены галереи, также завешенные коврами, их заполнили москвичи, встречающие молодого монарха.

Церемониальное шествие началось в 10 часов утра. Открывали его парадные кареты вельмож, перед каждой шли скороходы с булавами, в лёгких платьях и башмаках, украшенных разноцветными лентами и в касках с перьями. За каретами следовали отряды кавалергардов, конной гвардии и лейб-гусаров с трубами и литаврами. В центре шествия двигались кареты с членами императорской фамилии. Александр I с великим князем Константином Павловичем и свитой ехали верхами. Адъютанты их сопровождали.

Генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский с восторгом и душевным трепетом писал: «Молодой император, в красе лет своих, богоподобной наружности, ехал окружённый многочисленной и блестящею свитою; всё было величественно, а не карикатурно. Перед императором ехало одно только московское дворянство по два в ряд, на отличнейших лошадях, на коих были богатейшие уборы... Стечение народа было неимоверное; радостные крики сопровож-

ждали императора от самого Петровского дворца до Кремлёвского... Я в жизнь мою ничего не видывал ни торжественнее, ни восхитительнее сего достопамятного дня».

Коронация Александра I состоялась 15 сентября 1801 года в Успенском соборе Московского Кремля по тому же чинопоследованию, что и при его отце Павле I. Зрелище, по свидетельству современников, было восхитительное и трогательное. После коронации во дворце графа Шереметева в Останкине устроено великолепное празднество: был дан спектакль, затем состоялся бал и торжественный ужин, а вся дорога от Москвы до Останкина, на расстоянии шести вёрст, была иллюминирована.

Но для самого Комаровского поездка в Первопрестольную в составе коронационной свиты явилась не только ярким событием в его придворной карьере, но и счастливым завершением многолетней неустроенной холостяцкой жизни. Ему уже тридцать три года, а семьи ещё не создал, хотя и был завидным женихом. Он уже едва не стал законченным холостяком.

Но тут-то блистательный генерал-адъютант неожиданно для себя знакомится в Москве с дочерью состоятельного орловского губернского предводителя дворянства статского советника Егора Лаврентьевича Цурикова (1750–1800?) – Елизаветой Егоровной, ставшей вскоре его верной супругой, с которой он прожил долгую и счастливую жизнь.

Столичный обер-полицмейстер

ВСКОРЕ ПОСЛЕ коронации Александр I назначает своего первого генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского столичным обер-полицмейстером – помощником нового Санкт-Петербургского генерал-губернатора М.Ф. Каменского по полицейской части. Срочно требовалось навести порядок.

Обязанности столичного обер-полицмейстера были обширны: он утверждался Сенатом, но подчинялся генерал-губернатору и руководил полицейской структурой под названием «Управа

*Набережная Мойки у Полицейского моста.
Серия «Виды Санкт-Петербурга
и его окрестностей».
Худ. К.П. Беггров*

благочиния», отвечал за спокойствие и порядок в городе, возглавлял пожарную охрану, надзирал за торговлей, городским благоустройством и санитарным состоянием, следил за соблюдением законов и предписаний высших и центральных госучреждений, выполнением решений судебных органов.

Назначению Комаровского на высокий и вместе с тем довольно хлопотный, не сулящий ни особого почёта, ни похвал полицейский пост предшествовал целый ряд событий, в корне подорвавших доверие государя к столичным правоохранителям.

Но обо всём по порядку. 16 июня 1801 года Александр I удаляет с должности столичного генерал-губернатора некогда всемогущего графа П.А. Палена и вместо убийцы своего отца ставит «соратника великого Суворова» генерала от инфантерии М.И. Кутузова. При этом сохраняет за ним прежние обязанности инспектора Финляндской инспекции. Правда, военным губернатором Санкт-Петербурга он пробыл недолго – с 30 июля 1801 по 9 сентября 1802 года.

Справедливости ради надо сказать, что опытный военачальник, великолепно справлявшийся с огромной массой войск на поле боя, оказался, как

это нередко бывает, никудышным гражданским администратором.

Столичным же обер-полицмейстером, т.е. помощником боевого генерала М.И. Кутузова по полицейской части становится лицо гражданское – статский советник Н.С. Овсов, занимавший до этого разные второстепенные административные должности по полицейской части. Однако для выполнения своих новых и весьма обширных обязанностей, по свидетельству современников, он оказался не готов и не сумел привести в порядок полицейские дела в столице. При нём будочники продолжали назначаться непосредственно самими обывателями, которые, как правило, посылали на эти должности людей непригодных к какой-либо иной деятельности и малоспособных к любому труду, тем более к обеспечению порядка на городских улицах.

Хорошо известные полосатые будки и шлагбаумы появились в столице благодаря увлечению Павла I «прускими порядками». Окрашенные в черно-белую полоску караульни, стоявшие по всей Пруссии и Австрии, произвели большое впечатление на цесаревича во время его путешествия по Европе. Игрушечные полосатые будки стояли даже в детских комнатах царской семьи. При Павле Петровиче полосатые избушки установили на каждом перекрёстке города. В провинции караульни были гораздо большего размера и кое-где даже служили жильём для семей полицейских стражников.

Вскоре несколько крупных скандалов, произошедших на улицах столицы, заставили некоторых влиятельных сановников обратить внимание императора Александра Павловича на «дурное состояние» столичной полиции, которая изначально была организована не самым лучшим образом и выглядела довольно плачевно.

Незадолго до описываемых нами событий случились два громких происшествия, которые наглядно показали скверное устройство полиции и обратили на это внимание самого государя. Однажды чья-то карета, мчавшаяся во весь опор с Васильевского острова, сбила какого-то англичанина, изрядно его покалечив. Кучер успел с места происшествия скрыться – и беспомощная полиция никак не могла отыскать ни самой кареты, ни того, кому она принадлежала.

А прямо у Михайловского замка был ограблен и жестоко избит возвращавшийся ночью домой в царскую резиденцию родной брат наставника великих князей Николая и Михаила Павловичей полковника П.П. Ушакова. После этого император Александр I пришёл в крайнее негодование от бездействия и полной беспомощности столичной полиции.

Ещё одно известие о якобы заговоре против молодого императора, сообщённое поручиком лейб-гвардии Семёновского полка Шубиным, и вовсе вызвало справедливое негодование Александра I.

Возмутительные происшествия, выявившие вопиющие беспорядки в устройстве столичной полиции, и роль Е.Ф. Комаровского в их расследовании нашли даже отражение в историческом романе «Кутузов» известного писателя и литературоведа Олега

Николаевича Михайлова. Приведём для убедительности эпизод из историко-литературного произведения с описанием скандального инцидента:

«Чего только не случается в таком огромном и суматошном городе, каков Санкт-Петербург! Там, глядишь, пожар по вине пьяного обывателя, там злодейское ограбление, а тут вдруг объявились фальшивые ассигнации. Или совсем недавно полиция раскрыла тайный притон, куда заманивали доверчивых молодых дворян-провинциалов и обирали до нитки за картами, предварительно опоив их. Всё это раздражало императора. Пока что через своего генерал-адъютанта Комаровского Александр несколько раз пенял Кутузову, что столица России никак не превращается в безмятежную Аркадию и в том повинен генерал-губернатор».

Августовской ночью 1802 года Кутузов был поднят с постели: его срочно требовал к себе император. В Летнем саду будто бы совершено покушение на поручика лейб-гвардии Семёновского полка Шубина. По докладу полицмейстера выходило, что некий Григорий Иванов, находившийся прежде при дворе великого князя Константина Павловича, склонял этого Шубина вступить в заговор против нового государя!

Ещё не улеглись страсти после убийства Павла I, поэтому всякие известия о подготовке покушения на августейшую особу либо государственные устои воспринимались остро и вызывали бурю эмоций.

Дело на контроле у самого государя, и он поручает заняться им лично своему генерал-адъютанту Е.Ф. Комаровскому. Именно при организации расследования скандального «дела поручика Шубина» Комаровский проявил недюжинные оперативно-полицейские способности, что предредило его назначение на пост столичного обер-полицмейстера.

Итак, вновь обратимся к наиболее достоверному, на наш взгляд, первоисточнику – воспоминаниям самого графа Е.Ф. Комаровского, в которых он изложил истинную версию мнимого заговора против Александра I: «В Семёновском полку служил поручиком Шубин; он был очень дружен с К.М. Полторацким, бывшим тогда полковым адъютантом Семёновского полка. Шубин однажды открылся ему, что какой-то Григорий Иванов, нахо-

дившийся при дворе великого князя Константина Павловича, предлагает ему войти с ним в заговор против императора Александра, что Шубин никак на сие не соглашается, а открывается Полторацкому с тем, что нельзя ли Григория Иванова схватить, ибо у них свидания бывают в Летнем саду, когда смеркается. Полторацкий на сие согласился и в назначенный день и час поехал с Шубиным в Летний сад. Идя вместе по большой аллее, Шубин сказал:

– Слышишь, кто-то идет. Это, верно, он! Ты стой, а я пойду к нему навстречу.

Полторацкий после показал, что он точно слышал будто шаги и видел даже, что кто-то мелькнул между деревьями; сие, вероятно, ему просто показалось. Через пять минут Полторацкий слышит pistolетный выстрел, бежит на оный и видит друга своего Шубина, лежащего на земле и говорящего:

– Ах, злодей меня застрелил!

Полторацкий не знал, что с ним делать, поднял его и заметил, что у него идёт кровь из левой руки; к счастью, видит огонь в нижнем этаже Михайловского замка, Полторацкий ведёт Шубина туда».

Но оказалось, что никакого заговора не существовало, что всё это – выдумка Шубина, наделавшего много долгов, и что он сам решился выстрелить себе в руку, надеясь, что государь его наградит.

Военный суд за фальсификацию заговора приговорил Шубина к смертной казни, но Александр I смягчил приговор. Незадачливого гвардейца лишили офицерского чина, дворянского звания и сослали на поселение в Сибирь.

Также не заставили себя долго ждать и решительные меры со стороны императора в отношении столичного начальства: генерал-губернатора М.И.Кутузова обвинили в недостаточной распорядительности, а его помощника по полицейской части статского советника Н.С. Овсова – в полной неспособности навести порядок в городе. Но с оплошавшим военным губернатором Санкт-Петербурга М.И. Кутузовым поступили дипломатично: предоставили годичный отпуск, полицмейстера Н.С. Овсова сместили со своего поста и более он не занимал значимых должностей.

Вместо Кутузова военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга Александр I назначил ше-

стидесятичетырёхлетнего павловского фельдмаршала графа М.Ф. Каменского, известного своим крутым нравом и одновременно «примерною храбростию».

После чего император вместе с Каменским сразу же уехали в Красное Село на военные манёвры. А принимать дела от Кутузова пришлось пока временно назначенному заместителю Каменского графу Комаровскому. Вот как этот эпизод описан в историческом романе другого писателя – Л.И. Раковского и тоже под названием «Кутузов»: «Михаил Илларионович хорошо знал графа Комаровского. Ловкий, обходительный и красивый граф бывал желанным гостем в салоне Екатерины Ильинишны Кутузовой. Он с милыми шуточками, легко и просто принял от Михаила Илларионовича дела».

Любой романист, конечно же, вправе приукрашивать своих героев, давать им личные оценки и придумывать какие-то искаженные черты характера. Но у данного автора Комаровский выглядит каким-то уж очень неестественным баловнем судьбы. Впрочем, советский писатель не мог иначе, как только со злой иронией, относиться к «царским холуям».

Но кого назначить к экстравагантному и своенравному Каменскому в помощники по полицейской части на постоянной основе? Не каждый сработался бы с таким непредсказуемым человеком. Решение, как это часто бывает, пришло неожиданно. Во время одной из бесед с императором Комаровский поведал об организации охраны порядка в Вене и об уважительном отношении законопослушных австрийцев к сотрудникам полиции.

Ещё будучи курьером Иностранной коллегии, Евграф Федотович присутствовал на массовых празднествах в благопристойной столице Австрии и с удивлением наблюдал, как тихо и спокойно отдыхали местные жители: «Стечение при сих зрелищах бывает до 20 тысяч человек... не можешь себе без удивления представить такое безмолвное молчание от сего множества народа, соединенного вместе. Оно только сродно одним венским жителям, известным своею беспримерною кротостью нравов... Во время самого большого стечения народа... для порядка наряжаются из городских дра-

Генерал-адъютант
его величества

Генерал-фельдмаршал М.Ф. Каменский.
Неизв. худ.

гуны, при одном унтер-офицере, человек до 10 рядовых, и тем дела почти никакого нет».

После подобной закордонной идиллии Комаровский предложил императору сравнить с венскими алогичные массовые гулянья, которые организовывались ежегодно 1 мая в районе пригородного дворца Екатерингоф, в ознаменование начала летнего сезона.

Это, по свидетельствам современников, было настоящее «народное гулянье с кабацкими развлечениями и плясками», где дворяне в усердии «кутнуть» ничуть не отличались от простолюдинов. При этом на мероприятие «для порядка посылаются весь жандармский дивизион, со всего города полицейские офицеры, солдаты и будочники, и всем много дела находилось».

Император, внимательно выслушав Комаровского, сделал для себя соответствующий вывод: раз знаешь, как в Европе организована работа полиции, вот и у нас сделай не хуже. Спустя ровно месяц помощником фельдмаршала Каменского по полицейской части и столичным обер-полицмейстером Александр I назначает своего генерал-адъютанта.

Комаровский – энергичный, деятельный и вместе с тем по мягкому характеру, изысканным мане-

*Садовая улица.
Серия «Виды Санкт-Петербурга
и его окрестностей».*

Худ. К.П. Беггров

рам и вежливому обращению с людьми – полная противоположность по-военному жёсткому и бесцеремонному генерал-губернатору.

Евграф Федотович со свойственной ему энергией решительно взялся за порученное дело. Одна из главных причин плохой постановки полицейского дела в низовом звене, как теперь говорят – на земле, была в том, «что в будочники посылают людей обыватели из своих дворов, кого хотят, а тем из них, которые не пожелают прислать человека натурой, дозволяется внести девять рублей в месяц деньгами; что на сию сумму никакой нет возможности нанять человека, который бы согласился бесценно стоять на часах, а особенно зимой на морозе».

Разумеется, ничтожность такой платы за «дён-но-ночное» бодрствование в холодной будке, да ещё с учётом риска «при ловле мазуриков», не могла привлечь достойных «охотников». Понятно, что о каких-либо нравственных качествах таких

*Генерал-адъютант
его величества*

*Невский проспект.
Серия «Виды Санкт-Петербурга
и его окрестностей».*

Худ. К.П. Беггров

охранителей общественной безопасности не могло быть и речи – рады были всякому, согласившемуся за гроши дежурить на улице. Горожане таких, с позволения сказать, «стражей порядка» презрительно называли «бутарями» и не доверяли им, потому что они сами нередко являлись первыми пособниками воров и мазуриков. Да к тому же ещё многие будки круглый год стояли и вовсе пустыми, так как штат будочников никак не могли полностью укомплектовать.

Обескураженный столь плачевным состоянием городской полиции, Евграф Федотович сделал для себя неутешительный вывод: «Мудрено ли, что по улицам делаются грабежи и драки, когда ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся некому».

Комаровский решил коренным образом изменить отношение городских властей к полиции и основательно реформировать всю правоохранительную систему. Он подготовил докладную записку

о положении, в котором находилась полиция, где также изложил свои предложения по её коренной реорганизации. Пользуясь своим генерал-адъютантским правом ежедневно без предварительного «соизволения» посещать государя, Евграф Федотович представил ему подготовленные документы.

После этого Комаровский обстоятельно доложил императору свои предложения и «мысли насчёт улучшения полиции». Проект генерала был по-военному чётко и до гениальности прост: он предлагал «малоспособных» к полицейской службе «бутарей» из обывателей заменить на имевших боевой опыт ветеранов – «военных нижних чинов», определённых по возрасту, состоянию здоровья либо ранениям дослуживать установленные сроки в гарнизонных полках и батальонах. При этом существенно улучшить материальное положение «полицейских служителей» можно было без привлечения дополнительных средств из казны: «присовокупить собираемую с хозяев домов сумму по 9 рублей в месяц к положенному каждому гарнизонному нижнему чину по штату жалованью и провианту».

Одновременно был решён вопрос и с разрозненными драгунскими полицейскими подразделе-

ниями, которые только «у старательного частного пристава» находились в порядке (что было весьма редко). Их «для единообразия» следовало свести в одну команду, и «руководство оной поручить исправному штаб-офицеру».

«Государь во всех частях изволил утвердить мой проект, – с удовлетворением вспоминал Е.Ф. Комаровский, – и приказал тотчас учредить из полицейских драгун одну команду». Во главе столичной конной полиции Евграф Федотович поставил «проворного частного пристава» подполковника Гейде, который активно помогал оперативно расследовать в столице большинство из резонансных преступлений.

Генерала Комаровского, как человека культурного, воспитанного, а также впитавшего изысканные европейские манеры, крайне возмущало безобразное поведение многих состоятельных жителей на улицах столицы. Особенно его раздражали знатные седоки дорогих раззолоченных карет и экипажей, позволявшие своим извозчикам гонять по городским улицам и мостам как им заблагорассудится. «Сия манера езды» возмущала добропорядочных граждан, требовавших от городских властей наведения должного порядка в этом вопросе.

По свидетельству Комаровского, на улицах российской столицы после отмены павловских строгостей и регламентов творилось форменное безобразие: «Во время командования моего петербургскую полицию я испросил высочайшее повеление, чтобы через мосты не позволено было скакать во всю прыть, ибо находил сие для мостов весьма вредным – особливо устроенных на плашкоутах, а чтобы ехали по оным маленькой рысью».

О сей высочайшей воле объявлено было с подпискою всем обывателям петербургским, и на обоих концах, и на середине мостов сначала поставлены были полицейские офицеры. Но до того доходило, что, когда карета скакала на мост, то будочник старался её остановить, и если в карете сидела почётная особа, то офицер подходил к ней и говорил учтивым образом, что по высочайшему повелению запрещено ездить так скоро по мостам. Некоторые из сих почётных особ доходили до того, что даже плевали в глаза офицерам

с досады, что не позволяют им скакать как бешеным».

Император по докладу своего обер-полицмейстера делал «сим плевателям» строгие внушения, журил за недостойное поведение некоторых своих придворных, но всё оставалось по-прежнему: богатые и влиятельные сановники соревновались между собой – кто из них покруче да посановитее.

Между тем не прошло и нескольких месяцев после назначения графа Каменского генерал-губернатором Санкт-Петербурга, как Александру I стали поступать на него многочисленные жалобы: он-де «слишком тороплив, чрезмерно вспыльчив» и даже нередко «переиначивал... приказания, его величеством даваемые». Большинство из претензий к губернатору были оправданными. В этих не вполне понятных условиях Комаровский оказался в двоякой ситуации: то ли беспрекословно исполнять все указания губернатора, то ли делать так, как того требовал император: «Моё положение было самое затруднительное: иногда фельдмаршал вздумает сам собою сделать какое-нибудь распоряжение, а я знаю, что оно неуютно будет государю, или я получил уже совсем противное тому повеление, то и должен был ему представлять, как от самого себя, что не лучше ли будет сделать иначе; ибо государю неуютно было, по сродной его величеству деликатности, огорчить фельдмаршала тем, что будто он не имеет полной доверенности императора».

Правда, Евграф Федотович, в силу своих убеждений, не грешил доношением, а вот государь порой был с ним весьма откровенен. Вот что вспоминал Комаровский об одной из таких доверительных бесед с Александром I: «Фельдмаршал так, можно сказать, надоед императору, что его величество однажды мне говорить изволил: «Не хочет ли граф Каменский проситься прочь? Если бы сие случилось, я бы поставил свечу Казанской Божьей матери!».

Ко всему прочему на своём высоком посту крутой фельдмаршал вновь взялся за старое – словно лютый фельдфебель по малейшему поводу раздавал окружающим зуботычины, сыпавшиеся налево и направо – купцам, гласным городской думы, не говоря уж о чиновниках собственной канцелярии. Неудивительно, что к государю чередой пошли жалобы

Михайловская улица.

Серия «Виды Санкт-Петербурга
и его окрестностей».

Худ. К.П. Беггров

от чиновников и рядовых обывателей на грубость и бесчинства беспардонного градоначальника.

Расследование всех этих «слёзных челобитных» император поручил министру юстиции Г.Р. Державину, однако когда тот явился в губернаторское присутствие, Каменский и его едва не спустил с лестницы. Видимо, это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения императора, и 16 ноября 1802 года Михаил Федотович был отправлен в свою третью отставку. Правда, сам Каменский, видимо, был не очень-то расстроен своей очередной отставкой. В беседе с Комаровским он с иронией заметил: «Я сюда приехал огурчиком, а теперь стал похож на вялую репу».

Ну а Евграфу Федотовичу, и без того сверх головы загруженному работой, пришлось, ко всему прочему, взвалить на себя ещё и обширные обязанности градоначальника. Более двух месяцев он крутился как белка в колесе, совмещая две должности – руководителя полиции и главы города, порой

сутками пропадая на службе. В результате едва сам не превратился в «вялую репу».

Евграф Федотович, как человек самокритичный и трезво оценивающий свои способности, прекрасно осознавал, что ему для более эффективного руководства столичной полицией явно недоставало «практической опытности», и он замыслил обратиться к императору с просьбой об отставке. Но всё никак не решался, опасаясь недовольства государя, который был к нему весьма расположен.

Вскоре представился удобный случай, о котором Комаровский вспоминал так: «Однажды я был приглашён на обед к императору; во время стола его величество публично отзываться изволил, что он моей службой очень доволен, и, глядя на меня, сказал: «Но ты, брат, не потолстел, видно, полицейские хлебы тебе не впрок». Я только поклонился, не отвечая ничего. После обеда я должен был принять, по обыкновению, приказания от государя; получивши оные, я осмелился представить его величеству, что физические мои силы отказываются продолжать служение в настоящей моей должности и что я прошу одной милости – меня от оной

уволить. Государь, несколько помолчав, сказать изволил: «На кого же ты меня оставляешь?».

Но Евграфу Федотовичу всё ж таки удалось убедить императора в целесообразности удовлетворения принятого им решения, предложив при этом назначить вместо себя опытного в таких делах человека, бывшего московского обер-полицмейстера генерал-майора Ф.Ф. Эртеля, деятельностью которого, по словам Комаровского, «московские жители вообще были... очень довольны».

В конце концов, скрепя сердце, Александр I с огромным сожалением согласился с просьбой своего генерал-адъютанта – освободил его от полицмейстерских обязанностей, а в высочайшем приказе объявил Евграфу Федотовичу «своё удовольствие за хорошее... исправление порученной должности и в знак всемилостивейшего благоволения пожаловал... перстень с бриллиантами и с вензелевым его величества именем».

Что касается предложенной Комаровским вместо себя кандидатуры, то она оказалась весьма удачной: генерал Ф.Ф. Эртель был по натуре настоящим полицейским, профессиональным охранителем порядка и благочиния, подлинным стражем тишины и спокойствия в столице.

У истоков секретной полиции

В НАЧАЛЕ 1805 ГОДА Александр I принимает решение лично участвовать в боевых действиях Третьей антифранцузской коалиции. Перед отъездом государь приглашает к себе Комаровского и один на один говорит ему: «Я еду в армию, но тебя не беру с собой потому, что ты гораздо будешь для меня важнее здесь; впрочем, ты пороку уже нанюхался и видел близко неприятеля. Я поручаю столицу Вязьмитинову, а тебя назначаю к нему в помощники; сверх того, я желаю, чтобы учреждена была секретная полиция, которой мы ещё не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах. Для составления правил оной назначен будет комитет из князя Лопухина, графа Кочубея и тебя. Ты видишь, что тебе нечем обижаться, что не будешь находиться в кампа-

нии, я знаю твою голову и усердие; прощай, Бог с тобой».

Евграф Федотович с присущими ему деловыми качествами – ответственностью и основательностью – берётся за изучение и систематизацию иностранного опыта в деле обеспечения государственной безопасности. Прежде всего Комаровский обращается за помощью к «благодетелю своему» графу Н.П. Румянцеву, бывшему посланнику «в германских землях», меценату и коллекционеру, владельцу обширной и богатой библиотеки. Евграф Федотович поведал ему о государевом поручении и создании «комитета» по исследованию всех вопросов, связанных с предполагаемым учреждением «высшей полиции».

В течение некоторого времени Румянцев и Комаровский тщательно изучают различные документы, всевозможные книги и мемуары, касающиеся деятельности тайных полицейских структур зарубежных стран, и делают соответствующие выписки. У Евграфа Федотовича накапливается обширный материал по организации и деятельности полицейских структур в странах Европы.

И если бы император своевременно и внимательно ознакомился с собранными его генерал-адъютантом материалами и грамотно сформулированными предложениями по созданию «высшей полиции», то, возможно, жандармский корпус сформировали бы не при Николае I, а лет эдак на десять-пятнадцать раньше – при Александре I, и его вероятным шефом вполне мог бы быть граф Комаровский, а не барон Бенкендорф. И тогда, может быть, не было бы декабристского бунта, и вся российская история могла сложиться совсем иначе.

Надо сказать, что император ощущал недостаток в надёжных приближённых и постоянно пытался найти подходящие кандидатуры не столько советников и наставников, сколько толковых исполнителей, не претендовавших на особое влияние, но лично ему преданных и разделявших его взгляды. Понимая, что его генерал-адъютант не посоветует ему абы кого, он попросил Комаровского «уверить Балашова, что... ничего, кроме хорошего, против него не имеет, и если он желает быть московским обер-полицмейстером», то пусть немед-

Генерал-адъютант
его величества

Генерал от инфантерии Ф.Ф. Эртель.
Худ. Дж. Доу

ленно явится к министру внутренних дел за назначением.

В 1810 году, когда создавалось самостоятельное министерство полиции, в компетенцию которого вошло выявление, предупреждение и пресечение государственных преступлений, Балашову именно по рекомендации Комаровского было предложено его возглавить. В качестве министра Александр Дмитриевич выполнял самые доверительные поручения императора и вскоре достиг на этом поприще значительных высот – он становится членом Государственного совета, генерал-адъютантом и одним из немногих особо доверенных лиц государя.

Балашов помнил добро и всю жизнь был благодарен судьбе, что свела его с таким человеком, как Комаровский. В своих воспоминаниях Евграф Федотович с удовлетворением отмечал: «Я должен отдать справедливость Александру Дмитриевичу, что он более и более старался оказывать мне знаки своей дружбы и откровенности».

В конце концов всего лишь после четырёхлетнего правления Александр I и его окружение пришли к окончательному выводу о необходимости усиления роли полицейской составляющей в политической жизни страны. Тем временем дело медленно, но верно шло к войне с Наполеоном, и поэтому в обстановке острой франко-русской конфронтации государство просто было обязано иметь особые секретные полицейские структуры, способные надёжно защитить как от активизировавшихся шпионов наполеоновской Франции, так и от собственных деструктивных сил.

Генерал-прораб

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I, освободив Комаровского от должности обер-полицмейстера, на этом не успокоился: он вскоре нашёл своему генерал-адъютанту ещё одно важное занятие – контроль за организацией строительства казарм для императорской лейб-гвардии.

В царствование Екатерины II гвардейские полки размещались не в казармах, а в так называемых слободах. Солдаты жили в больших бревенчатых

избах (их ещё называли связями), состоявших из двух больших покоев (помещений), разделённых между собой сенями. В одном из помещений, разделённой на комнаты, размещались женатые солдаты с семьями – «дабы с вящею выгодой с женами своими быть, а дети их при полковых школах обучены и воспитаны быть могли», в другом – холостые служивые. Количество изб-связей в каждом полку было разным. Так, в лейб-гвардии Преображенском полку их насчитывалось около двухсот.

Император, по словам Евграфа Федотовича, «находился в большом затруднении» и не представлял себе, «каким бы образом сделать казармы к жительству удобными». В конце концов государь, хорошо зная способность Комаровского доводить любое дело до логического завершения, обратился к своему адъютанту с убедительной просьбой – не возьмётся ли он за это дело?

И вновь Комаровский вынужден был взвалить на себя очередное «неподъёмное» дело, ответив при этом государю со свойственным ему тактом и дипломатичностью: «Вашему величеству известно и моё усердие, и моя ревность: я готов исполнять всё, что приказать изволите». И тотчас предложил средство, которое государю очень понравилось.

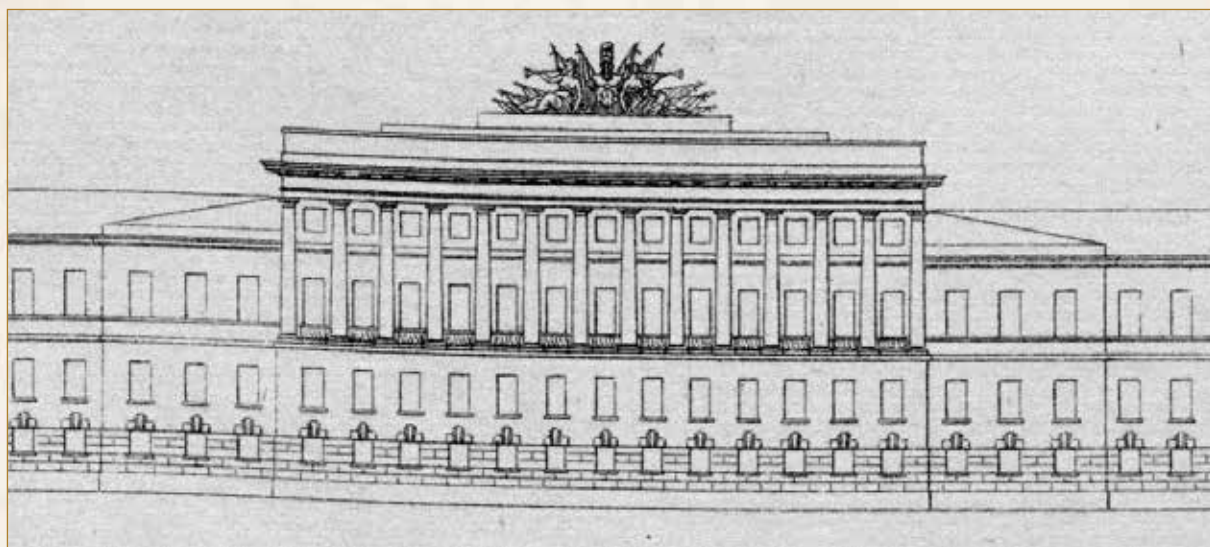
Идея Евграфа Федотовича оказалась вполне разумной и очень простой, а именно: «создать всех лучших здешних архитекторов и каменных дел мастеров», вместе с ними комиссионно обследовать общее состояние казарм, выявить недоделки и «истребовать» компетентные мнения специалистов о скорейшем приведении зданий в такое состояние, чтобы в них можно было жить «безвредно» для здоровья. «Сие было сделано, и нашли, что должно пристроить особливые кухни и прачечные», – с удовлетворением и гордостью отмечал Комаровский.

Императору Александру I настолько понравились компетентность и распорядительность его генерал-адъютанта, что он взял да и возложил на него организацию и надзор за строительством аналогичных казарм для других гвардейских полков – Кавалергардского, Конногвардейского, Гренадерского и родного ему Измайловского. То есть сделал его руководителем строительства, примени-

Генерал-адъютант
его величества

Генерал-адъютант А.Д. Балашов.
Худ. Дж. Доу

Комплекс казарм лейб-гвардии Измайловского полка. Офицерский корпус, центральный фасад (проект). Арх. Л. Руска

тельно к современной терминологии – прорабом в высоком генеральском чине. А сам тем временем отправился в действующие войска, находившиеся в Европе и совместно с австрийской армией ведущие очередную войну с наполеоновской Францией.

К строительству зданий был привлечён ещё один маститый придворный архитектор того времени, так же как и Волков, представитель зрелого классицизма, итальянец Луиджи Руска (в России его звали Алоизий Иванович). Самыми значительными его работами считались комплекс зданий придворного конюшенного ведомства, Архива Военной коллегии, дом Ордена иезуитов, а также одетые в гранит берега Фонтанки. Теперь же ему к возвращению Александра I с войны поручалось довести до ума казармы гвардейских полков – Кавалергардского, Измайловского, Конногвардейского, Преображенского, Семёновского, а также возвести практически с нуля казармы для лейб-гвардии Гренадерского полка, строительство которых было завершено в 1805 году.

С поставленной императором задачей Комаровский справился блестяще. Так, возвратившиеся в 1806 году из европейского похода в Санкт-Петербург конногвардейцы сразу же разместились в новых благоустроенных казармах, что несколько

сгладило их мрачное настроение после неудачного Аустерлицкого сражения. Ведь полк потерял в нём одну треть офицеров и более двухсот нижних чинов. Правда, Александр I, высоко ценивший мужество и бесстрашие конногвардейцев независимо от победы либо неудачи, был щедр на награды: всех раненых офицеров он отметил золотыми шпагами «За храбрость», а юнкеров произвёл в офицеры.

Надо сказать, что император, хоть и находившийся после поражения не в лучшем расположении духа, «по возвращении в Петербург... с удовольствием увидеть изволил хороший успех в строениях... и по донесении петербургского военного губернатора о исправном исполнении делаемых им... поручений» принял решение удостоить Евграфа Федотовича «при весьма милостивом рескрипте» ордена Святой Анны 1-й степени.

Вскоре были введены в строй казармы и других гвардейских частей, а сам Комаровский поселился со своей семьёй в благоустроенной и просторной квартире, располагавшейся в великолепном здании офицерских казарм родного ему лейб-гвардии Измайловского полка, и счастливо прожил в ней более десяти лет.

Ныне в одном из зданий бывших казарм (Измайловский проспект, дом № 2а), по невероятному стечению обстоятельств, размещаются наследники внутренней стражи – военнослужащие специальной моторизованной воинской части Росгвардии, несущие, как и их далёкие предшественники, не-

Комплекс казарм лейб-гвардии Измайловского полка. Офицерский корпус. Арх. Л. Руска

лёгкую службу по охране общественного порядка в городе на Неве.

В гости к... Наполеону

ЭТОМУ ПРИМЕЧАТЕЛЬНОМУ в жизни Комаровского событию предшествовало весьма неприятное для него обстоятельство – осенью 1806 года императорский генерал-адъютант, будучи ответственным за строительство гвардейских казарм и других столичных объектов, «ездив беспрестанно по казённым строениям в самую ненастную погоду», сильно простудился и слёг в постель почти на целый год.

Комаровский был вынужден обратиться к Александру I с прошением «об увольнении в чужие края для поправления здоровья». Но благосклонный император, удовлетворив просьбу одного из самых надёжных своих генерал-адъютантов о поездке за границу, даже не стал издавать приказа по

военному ведомству об увольнении его в длительный отпуск с исключением из списков. Иначе бы Комаровский временно, за весь период отсутствия на службе, терял казённое содержание. Ради выздоровления своего незаменимого адъютанта государь даже пошёл, как бы сейчас сказали, на финансовые нарушения, дабы не лишать занедужившего генерала ежемесячного трапезного – денежного довольствия.

В сентябре 1807 года граф Комаровский отправился на лечение сначала в Вену, а затем на воды в австрийский Баден. Но так как он ещё был очень слаб, то в поездке его сопровождали жена Елизавета Егоровна с пятилетним сыном Егором, тёща А.Д. Цурикова и двоюродный племянник Н.Н. Акинин, который, по выражению графа, «вёл счёты во время дороги».

По прибытии на популярный европейский курорт Комаровский с некоторым удивлением и нескрываемой радостью увидел здесь немало знакомых ему по Санкт-Петербургу представителей русской аристократии. Многие из них, так же как и он сам, были с семьями. Евграф Федотович встретил дворян Нарышкиных, Шаховских, Татищевых, Толстых, а также князя Петра Багратиона, с которым находился в приятельских отношениях со времён Швейцарского похода.

Осенью 1808 года оправившийся от болезни Комаровский решил совершить со своим семейством путешествие во Францию и показать им Париж. После Тильзитского мира, заключённого между Россией и Францией в июне 1807 года, в наполеоновскую столицу вновь потянулись на постоянное жительство богатые русские аристократы.

Евграфу Федотовичу сразу же бросились в глаза значительные изменения в облике французской столицы: «Я нашёл большую перемену в Париже до революции и... во время империи. Тогда не было видно ни одного почти военного мундира, теперь же, напротив, их встретил столько, как бывает в военном стане. Прежде по всем улицам слышны были песни и видны всякого рода увеселения, ныне же повсюду молчание и род какого-то уныния. Словом, вид на всех лицах переменялся».

И впечатления непосредственно от Наполеона у Е.Ф. Комаровского, в отличие от многих современников, остались не вполне благоприятные и далёкие от восторженности. По свидетельству русского путешественника, наполеоновский тюильрийский двор резко отличался (и не в лучшую сторону) от прежнего блистательного Версаля с его изысканными манерами и утончённым этикетом.

«Мы нашли в Париже из русских, – отмечал Комаровский, – графа Кочубея с женою, князя П.М. Волконского с фамилиею (т.е. семьёй. – Н.С.), княгиню Шаховскую, с которой мы виделись в Вене, с дочерьми и с деверем её, князем Н.А. Шаховским, двух братьев Яковлевых и Н.Н. Демидова с женою, которого можно было почтить скорее жителем Парижа, ибо он несколько лет там жил безвыездно».

Наполеон Бонапарт после оглушительных побед сформировал свой собственный император-

ский двор, наполнив его новой аристократией, существенно отличавшейся от прежних королевских вельмож с их светскими обрядами и церемониалом. Его неродовитые братья и сёстры получили титулы принцев и принцесс, а боевые, по-военному грубоватые соратники стали графами, князьями и баронами.

Поэтому, поскольку большинство придворных, да и сам император были начисто лишены аристократизма и врождённой утончённости манер, императорский двор являл собой поразительную смесь показной пышности и вульгарности. Из-за чего, при внешнем великолепии, он вызывал улыбку у иностранных аристократов. Когда же русские путешественники после Тильзита снова оказались в Париже, их поразила показная ритуализованность и театрализованная пышность тюильрийского двора. А публичное появление Наполеона неизменно шокировало иностранцев. Происходило это, со слов Комаровского, так: «Всякий раз перед ним (Наполеоном. – Н.С.) шли два привратника, или гоф-фурьера, чтобы очищать для него дорогу, когда он приходил в собрание или уходил из одного, крича во весь голос: «Император!» – а так как он ходил очень скоро, то нередко сии его передовые сшибали почти с ног всех попадавших на их дороге».

Надо сказать, что Евграф Федотович дал в своих мемуарах довольно подробное и точное описание своих впечатлений от парижских придворных ритуалов, которые коробили русских путешественников бесцеремонностью и безвкусицей: «Скоро назначена была для посла нашего князя Куракина в Тюильрийском дворце публичная аудиенция, на которой должны были представлены быть и русские. Съезд во дворец был премноголюдный; весь дипломатический корпус, все первые члены, военные, штатские и придворные составляли двор превеликолепным, несколько маршалов в мантиях, полном своём мундире, и всякий из них с жезлом в руке, придавали оному ещё более величия».

Аудиенция началась с того, что каждого русского вельможу посол Куракин лично представил Наполеону. Когда дошла очередь до Комаровского, французский император спросил его, в каких войсках он служит – в кавалерии или в пехоте. Евграф

Наполеон Бонапарт.
Худ. А. Анпиани

Арка Главного штаба.
Серия «Виды Санкт-Петербурга
и его окрестностей».
Худ. К.П. Беггров

Федотович не успел и рта раскрыть, чтобы ответить – в гвардии, как Наполеон уже обращался с вопросом к стоявшему рядом князю Н.Л. Шаховскому, у которого через плечо была надета лента прусского ордена Красного Орла. На вопрос диктатора: «В какой битве последней войны участвовал?», князь, почтительно склонив голову, отвечал – при Гейльсберге. Наполеон, даже не дослушав ответа до конца, пошёл дальше.

На самом деле французскому императору, претендовавшему на мировое господство, было абсолютно не интересно, что ответит собеседник. Он тут же забывал о нём и шёл по роскошному залу своего дворца дальше, продолжая задавать ничего не значившие вопросы присутствовавшим на приёме иностранцам.

Граф Комаровский оказался свидетелем униженной для австрийского посла Клеменса Меттерниха сцены, разыгравшейся на глазах всей

приглашённой во дворец знатной иностранной публики. Случайно оказавшемуся на пути Наполеона австрийскому послу он, по свидетельству Евграфа Федотовича, громко, чтобы слышали все, заявил: «У вас вооружаются; если это против меня, то я пошлю женщин сражаться с вами», – и, не дождавшись ответа, пошёл прочь. Пусть представят себе положение бедного Меттерниха, услышавшего такие уничижительные изречения для своего государства при собрании представителей всех европейских государей».

К тому времени между Францией и Австрией наметился разрыв дружественных отношений, и Наполеон таким образом публично показал, что австрийскую армию он не считает своим серьёзным противником. Надо сказать, война между Австрией и Францией уже казалась неизбежной, поэтому положение всех русских, находившихся тогда в Париже, становилось всё более затруднительным. Все понимали, что в случае начала военных действий Россия займёт сторону своего давнишнего союзника – Австрийской империи. В этих обстоятельствах почти все русские приняли решение покинуть Париж.

Евграф Федотович со своим семейством решил вернуться в Вену, чтобы там дожидаться наступления весны. Наконец в апреле 1809 года граф Комаровский и его домочадцы выехали на родину – в Россию. До своего имения в Городище они добрались только в начале мая. Описание долгожданного возвращения в милое его сердцу поместье Евграф Федотович завершил сентиментальными строками: «Достоин примечания, что в этот год мы видели три весны: в конце февраля месяца в Париже на улицах продавали уже букеты из фиалок, а в марте уже было зелено; выехали в апреле из Вены, где тоже деревья стали зеленеть, а приехав в Городище в мае, через несколько дней... увидели, что деревья начали распускаться».

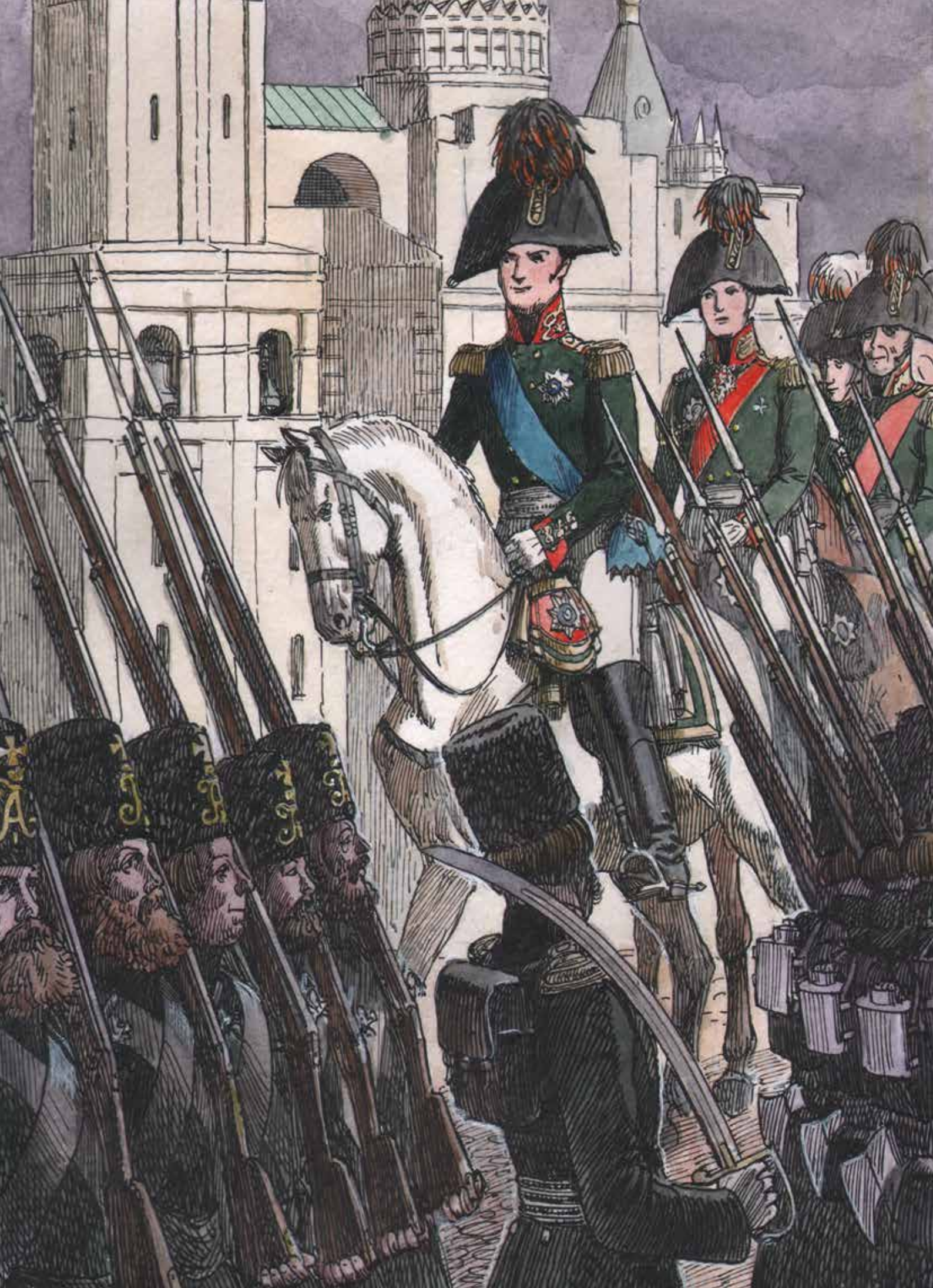
О своём прибытии из-за границы Комаровский сразу же известил императора и испросил позволения несколько дней побыть в имении, чтобы разрешить кое-какие хозяйственные дела. Александр I в письменной форме успокоил своего адъютанта, сообщив ему о правильности принятого решения, что «не вдруг возвращается в холодный петербургский климат, а что остановился провести лето в умеренном, и тем самыми приучить себя постепенно к перенесению холодного северного воздуха».

В конце лета того же года окончательно выздоровевший граф возвратился в Санкт-Петербург и с новыми силами приступил к исполнению своих генерал-адъютантских обязанностей. «Государь изволил меня принять весьма милостиво и долго со мной разговаривал, входя во все подробности моего лечения, пребывания в чужих краях и семейного моего положения», – с удовлетворением отмечал Евграф Федотович. Хотя в душе он, видимо, всё же опасался, что его затянувшееся на два года заграничное путешествие могло бы вызвать у Александра I неудовольствие.

Однако поездка Е.Ф. Комаровского во Францию могла попутно иметь и совершенно иной, разведывательный характер. Так, например, внук генерал-адъютанта монархический публицист Н.Е. Комаровский в своих мемуарах недвусмысленно отметил: «Не вполне установлено, была ли эта поездка предпринята для исполнения секретного поручения императора Александра Павловича к Наполеону I, но известно, что дед был принят Наполеоном и вступил в сношения с тогдашними французскими политическими деятелями».

Вопрос, поставленный графским внуком, что называется, открыт: разведка есть разведка.

ГЛАВА V

Был в нём уверен государь

*Для «охранения тишины
и спокойствия»*

ПЕРВЫМ ГЕНЕРАЛОМ из военного окружения императора Александра I, кому пришла в голову оригинальная и своевременная мысль – организовать самостоятельный вид войск специального назначения с полицейскими функциями под названием «внутренняя стража» – далёкий прообраз современной Росгвардии, явился именно граф Е.Ф. Комаровский.

Внутренняя стража стала совершенно новым элементом во всей системе охраны правопорядка и общественной безопасности императорской России первой половины XIX века. Так, Отдельный корпус внутренней стражи (ОКВС), являясь составной частью армии, одновременно по требованию министра полиции, а затем министра внутренних дел и губернских властей выполнял военно-полицейские функции, тем самым обеспечивая стабильность и безопасность внутри государства Российского.

Следует отметить, что внутренняя стража появилась в России не случайно. В начале XIX века,

когда на престол взошёл Александр I, империю уже начинали будоражить крестьянские волнения. Неспокійно было и в дворянской среде. Под влиянием идей Французской революции 1789–1794 годов среди высшего общества стали распространяться разрушительные для государственного устройства либеральные идеи. Нужно было срочно создавать надёжную систему охраны внутри страны.

Ещё в 1802 году генерал-адъютант Комаровский выступил с инициативой организации специальных войск, в обязанности которых входила бы исключительно охрана внутреннего порядка в российских губерниях. Происходило это так. Императорский генерал-адъютант совершил в том году поездку в Каменец-Подольск, где ещё недавно был комендантом крепости.

Как профессиональный военный и руководитель столичной полиции, он с огорчением наблюдал «полное расстройство» в обеспечении порядка в российской глубинке. Намётанный глаз генерала подмечал, что солдаты гарнизонных рот, и особенно уездных команд, вместо усердной службы по охране «благочиния и тишины», привлекались местными властями к «партикулярным» (частным) работам.

«В проезд мой через разные города, – вспоминая давний свой вояж, отмечал в мемуарах Е.Ф. Комаровский, – я видел гарнизонные роты, составленные из людей, по виду ещё здоровых; сие подало

*Император Александр I в сопровождении
генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского
воодушевляет народ на защиту Отечества. 1812 г.
Худ. О.К. Пархаев*

мне мысль представить государю проект о формировании из сих гарнизонных рот, в которых люди не исправляли ни малейшей службы, особливо в заштатных городах, – под названием з е м с к о г о в о й с к а (разрядка оригинала. – Н.С.), разделить оное на батальоны и команды, которые и подчинить отставным из военной службы начальникам».

Озабоченный плачевным состоянием дел с обеспечением порядка и внутренней безопасности в целом по стране, Комаровский со знанием дела растолковывал императору, какие силы, совершенно незначительные и абсолютно неэффективные, имелись для этого в распоряжении местных властей. В то время в губернских городах находились небольшие драгунские команды, состоявшие в распоряжении губернаторов, а в уездах – малочисленные штатные команды – в подчинении городничих. «Но число людей в сих командах было весьма ограничено» – этими словами завершал генерал-адъютант свой доклад Александру I. Разумеется, что по этой причине на достойное поддержание правопорядка у гарнизонных формирований не хватало ни сил, ни средств, ни полномочий.

По возвращении в Санкт-Петербург Евграф Федотович на основании своих путевых впечатлений от увиденных «неисправностей» в обеспечении «благочиния» выработал и изложил на бумаге свои «соображения насчёт улучшения охраны тишины и спокойствия» в государстве и в форме доклада «на высочайшее имя» представил на рассмотрение Александру I. «Государю проект мой понравился, и, может быть, оный послужил основанием учреждения впоследствии внутренней стражи», – отмечал Евграф Федотович с удовлетворением, что его предложения не были с ходу отвергнуты, а приняты государем к сведению.

Однако реализация плана Комаровского, по независящим от него обстоятельствам, затянулась на несколько лет, а подготовленные им бумаги, образно говоря, на неопределённый срок перекочевали «в стол». Причина объективная – проблемы укрепления оборонной мощи государства, вызванные угрозой наполеоновской агрессии, настоятельно требовали привести прежде всего в порядок боевой состав армии, решить другие неотложные задачи военного строительства.

Как известно, первое тяжёлое поражение русская армия при молодом императоре Александре I потерпела в печально знаменитом Аустерлицком сражении 20 ноября 1805 года. Ещё одна крупная неудача постигла русские войска в битве с французами 14 июня 1807 года под Фридландом (ныне город Правдинск Калининградской области).

Самолюбие Александра I не могло не страдать: как же это так, в эпохи Екатерины II и Павла I, стиль и методы правления которых он осуждал и критиковал, русские войска неизменно одерживали только победы. А при нём, кому, по выражению Н.М. Карамзина, «бразды Российския державы... для счастья вручены», терпели одно серьёзное поражение за другим. Было тут отчего взяться за голову и задуматься о том, всё ли правильно в выбранном им курсе реформ?

Реформированию подверглось буквально всё, начиная с самых верхов: указом императора Александра I от 24 января 1808 года министру военно-сухопутных сил предписано было именоваться теперь военным министром, а само министерство стало неофициально именоваться Военным министерством, став, таким образом, высшим органом исполнительной власти во всех без исключения военных вопросах.

Существенной реорганизации подверглись не только органы военного управления, но и организационно-штатные структуры полевых и гарнизонных войск, способы их комплектования и обучения. Было сформировано много новых частей, особенно в пехоте. «Армия усилилась почти вдвое», – с удовлетворением отмечал позднее военный министр князь М.Б. Барклай де Толли.

Надо особо отметить, что генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский принимал самое активное участие во всех этих мероприятиях по укреплению обороноспособности, как один из «помощников императора в военных вопросах».

Но особенно долго и сложно протекали реформы в области устройства гарнизонной части армии, которая наряду с некоторыми общеармей-

Рядовой гарнизонного полка.

Худ. О.К. Пархаев

скими задачами являлась составной частью сил внутренней безопасности государства. К осуществлению коренной реорганизации всех структур военно-охранительной системы, которая должна была надёжно обеспечивать «спокойствие и благочиние» внутри империи, подошли только к началу 1811 года.

Но когда пришло время реформирования второстепенной гарнизонной составляющей вооружённых сил, которая, являясь резервом армии, ко всему прочему, должна была обеспечивать порядок и безопасность в местах расквартирования, император был решительным и последовательным.

Все предложения генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского, представленные им восемь лет назад императору, были приняты и реализованы. В течение нескольких месяцев в составе вооружённых сил впервые создана особая военно-полицейская структура – внутренняя стража с функциями обеспечения порядка, борьбы с вооружёнными бандами преступников, охраны казённых государственных объектов и конвоирования арестантов. Одно из главных предназначений её определялось в правоустанавливающих документах так: совместно с полицией «пещись о спокойствии и тишине» внутри государства.

Учреждение нового воинского формирования явилось, по сути, завершающим аккордом в деле глобальной реорганизации всех армейских сил, специальных воинских формирований и военно-управленческих структур, которые император Александр I успел провести до начала Отечественной войны 1812 года.

На документальной основе

ПРОЕКТ ГРАФА Комаровского базировался на историко-документальной основе. Прежде чем подавать императору свои предложения о создании воинского формирования с полицейскими функциями, он тщательно изучил вопрос – кто и как в государстве российском на протяжении столетий обеспечивал относительный порядок, стерёг арестантов, пресекал «народные возмущения», бо-

ролся с шайками воров, разбойников и бандитов, а также какие при этом задействовались силы и кто ими руководил?

Выяснилось, что изначально охраной правопорядка занимались не специальные полицейские структуры и подразделения, а обычные воинские формирования в свободное, если так можно выразиться, от основных обязанностей по защите Отечества от внешних врагов время.

Так, например, в допетровской Руси функции стражей порядка исполняли воины первых вооружённых формирований. Среди них были так называемые пищальники – княжеская пехота, вооружённая огнестрельным оружием – пищалями. Именно они несли охранную службу в городах, боролись с ворами и разбойниками. Вместе с тем безопасность граждан обеспечивали также жильцы – «лучшие выборные люди из городских дворян, присылаемые из городов для отправления разных воинских должностей в Москве». При Иване Грозном из жильцов даже составили особое воинское формирование – государев полк, успешно участвовавший во взятии Казани.

В XVI столетии функции охраны порядка в Первопрестольной выполняли непосредственно Земский приказ и подчинённые ему так называемые «объезжие головы». Москва была разделена на участки, которые назывались объездами. Во главе объезда стоял какой-нибудь знатный человек, а рядовую полицейскую службу несли стрельцы. Так, стрелецкие полки являлись ещё одной составляющей городской охранной стражи. В 1550 году царь Иван Грозный повелел учредить в Москве «выборных стрельцов и с пищалей три тысячи человек... а велел им жити в Воробьёвской слободе».

В январе 1683 года по царскому указу на стрельцов были официально возложены обязанности не только выставлять ночные караулы, но и непосредственно следить за общественным порядком на московских улицах, и в частности, пресекать быструю езду повозок и верховых всадников в связи с угро-

*Инвалиды (ветераны) уездных команд
и подвижных рот.
Худ. О.К. Пархаев*

зой увечья людей. До нас дошло письменное свидетельство одного из современников об организации службы стрельцов: «А для остерегания или оберегания города... устроены стрельцы и казаки вечным житьём... и бывают они около казны, и по городу, и у ворот... и посылают их во всякие посылки».

Одной из таких «посылок» – т.е. задач, возлагавшихся на Стрелецкий приказ, являлась чисто полицейская функция по организации конвоирования арестантов в Сибирь и другие места отбывания наказания.

Но именно петровские реформы привнесли немало новшеств в систему охраны порядка в государстве. Так, при нём впервые была законодательно упорядочена, насколько это возможно, борьба с преступностью в стране. Например, указом от 12 октября 1711 года «О беспрепятственном розыске, преследовании сыщиками воров, разбойников и их сообщников» вводился особый институт «сыщиков» из числа способных к этой службе военных. Нормативно-правовой акт предписывал им «за теми ворами и разбойниками в погоню самим гонять... и таких разбойников и воров ловить». Одновременно губернаторам вменялось в обязанность всецело оказывать сыщикам исчерпывающее содействие, «дабы во всех местах такими... сысками и розысками всемерно воровство искоренялось».

Также со времён Петра I, создавшего в России регулярную армию, в её составе появились т.н. внутренние гарнизоны, которые, главным образом, осуществляли подготовку резервов для полевых войск. За уточнением обратимся к военно-энциклопедическим источникам, согласно которым гарнизон – это войска, занимающие укрепленный пункт для охраны и обороны его в мирное и военное время. Следовательно, гарнизонные части всегда были привязаны к определённому населённому пункту, тогда как полевые (подвижные) войска, предназначенные для манёвренной войны, в те времена долго не стояли на одном месте.

Первым из военного окружения Екатерины II, кто предложил разделить всю сухопутную армию в соответствии с возлагаемыми на неё задачами на четыре «рода сил», был великий русский полководец генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев. Он

считал, что армия должна быть чётко разграничена на четыре составляющие: 1) полевые войска, составляющие действующую армию, 2) крепостные части – для обороны укрепленных пунктов и усиления при необходимости действующей армии, 3) губернские подразделения – для несения чисто караульной службы внутри страны и, наконец, 4) запасные – для обучения рекрут и подготовки их для полевой армии.

Таким образом, к концу XVIII века постепенно оформилась некая система военно-полицейской службы: гражданские власти для обеспечения порядка могли привлекать гарнизонные подразделения, а также в их полном распоряжении, кроме полицейских чинов, находились так называемые губернские роты и штатные уездные команды. В этих подразделениях, как правило, дослуживали установленный срок воинской повинности в основном ветераны, по различным причинам признанные ограниченно годными к полевой походной службе.

Попытки усовершенствовать всю гарнизонную составляющую армии и, в частности, улучшить состояние дел в инвалидных (ветеранских) подразделениях предпринимались ещё при Екатерине II. Но именно Павел I, сторонник строгой воинской регламентации, пошёл ещё дальше: в 1796 году он повелел всех ветеранов, способных к какой-либо службе, свести в особые инвалидные роты и причислить их к гарнизонным частям. Всего по его распоряжению в местных войсках полагалось иметь: 41 ветеранскую (инвалидную) роту в губернских городах и 380 аналогичных команд – в уездах.

Однако только при Александре I наметился существенный сдвиг в деле улучшения и совершенствования вспомогательных войск. Так, в 1803 году были регламентированы правила перевода офицеров в инвалидные роты и команды. Теперь офицеры имели возможность переводиться туда, в том числе по их просьбе и теми же чинами, причём имеющие ранения – вне зависимости от срока службы, а также по болезни – при двадцатилетней выслуге и при этом хорошей аттестации. В то же время военным служащим, определённым на инвалидное содержание, предоставлялись некоторые льготы и

преимущества. Так, после двадцатилетней выслуги они, кроме денежного содержания по должности, дополнительно получали ещё третью часть жалованья в виде пенсии, а время участия в боевых действиях им засчитывалось в выслугу лет как год за два. Ко всему прочему, после трёх лет службы в отдалённых местностях офицеры инвалидных команд могли переводиться в центральные губернии России.

Неотъемлемым атрибутом российской жизни на рубеже XVIII – XIX веков являлись заставы с полосатыми будками и шлагбаумами, размещавшиеся на въездах в города. На этих своеобразных блокпостах путешественников встречали именно воины-инвалиды: седоусые солдаты поднимали шлагбаумы, а бывалые унтеры проверяли у проезжавших «подорожные» – письменные свидетельства «для проезда куда-либо, с означением числа лошадей, и сколько их давать следует». Без этого официального документа, удостоверяющего право путника совершать поездки по губерниям, а также пользоваться услугами почтовых станций, шлагбаумы не открывались.

«Привести в лучшее устройство»

К НАЧАЛУ 1811 ГОДА, когда приступили к планомерному созданию внутренней стражи, гарнизонные войска, из которых брали пополнение для действующей армии, были значительно ослаблены по численности личного состава. Что же касается штатных губернских рот и уездных команд, то они, как лично удостоверился Е.Ф. Комаровский во время своего путешествия на Украину, в новых условиях оказались недостаточно эффективными.

Именно по этой причине император Александр I, проводя глобальные реформы в области военного строительства, обратил внимание на неудовлетворительное боевое и качественное состояние подразделений «внутреннего употребления». На одном из заседаний Государственного совета, посвящённом реформированию военной гарнизонной службы, Александр I сокрушался о том, «что они (штатные роты и команды. – Н.С.), будучи

составлены из воинских нижних чинов, подчиняются статским (гражданским. – Н.С.) чиновникам, как-то: губернаторам и городничим, и что те нижние чины беспрестанно употребляются в партикулярные работы вместо отправления их служебных обязанностей, что в команды сии офицеры употребляются сенатом с гражданскими чинами, что вообще в тех командах нижние чины имеют только звание солдата».

За тяжеловесным «штилем», коим изъяснялись в те времена, можно понять – государь император совершенно определённо высказался в том смысле, что «сии охранители порядка», как бы формально отнесённые к категории военнотружущих, но состоящие в подчинении гражданских лиц, на самом деле таковыми не являлись. И это нужно было срочно менять.

Нарастание внешних и внутренних угроз стало причиной образования нового вида вооружённой силы для внутренней охраны порядка и безопасности в лице «военной внутренней стражи» – родоначальницы внутренних войск, а ныне Росгвардии. Это решение являлось одним из последовательных шагов Александра I, направленных на всеобъемлющее укрепление и совершенствование внутренней безопасности государства. Так, например, за полгода до этого было создано Министерство полиции, которое, в отличие от МВД, имевшего множество разноплановых задач, занималось исключительно обеспечением как общей, так и государственной безопасности. Возглавил новое полицейское ведомство генерал-адъютант А.Д. Балашов – однополчанин Е.Ф. Комаровского.

Уже в январе того же, 1811 года началась последовательная реализация предложений генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского, подготовленных ещё восемь лет назад. Происходило это поэтапно: в течение полугода Александр I подписал несколько указов, направленных на реформирование уже существовавших на тот момент полувоенных-полуполицейских сил, в той или иной мере обеспечивавших внутреннюю безопасность на местах – в губерниях и уездах.

Среди этих актов выделим несколько основополагающих документов, явившихся юридической и

нормативной основой создания и функционирования абсолютно нового вида войск. Так, указом от 16 января император потребовал «существующие ныне губернские роты и штатные команды привести в лучшее устройство, настоящему роду службы их и общему порядку сообразное», и наконец-то передать их из подчинения гражданской администрации в военное ведомство. Иначе говоря, сделать из полувоенных команд полноценные воинские формирования с общеармейской структурой, организацией и иерархией, а из гражданских сторожей, позорящих военный мундир, – настоящих стражей порядка, тишины и спокойствия в губерниях и уездах.

17 января император подписал первый указ, направленный на коренную реорганизацию всей гарнизонной службы с одновременным усилением армейских частей. В соответствии с ним расформировывались более пятидесяти гарнизонных батальонов, располагавшихся преимущественно в западных губерниях страны, а их личный состав обращался на укомплектование новых пехотных полков.

Происходило это следующим образом: из каждого местного батальона выделялись по три роты,

*Партия арестантов
под конвоем внутренней стражи.
Худ. О.А. Орловский. 1815 г.*

которые становились основой формирования полевых пехотных и егерских полков. Ещё по одной роте (четвертой) каждого батальона направлялись «немедленно с аммунициею при батальонном гарнизонном командире... в губернские города на подводах обывательских», где вместе с существовавшими там штатными губернскими ротами первоначально составляли двухротные внутренние гарнизонные полубатальоны – основу будущей внутренней стражи.

Более точно определялись все охранно-полицейские задачи для новых подразделений внутренней безопасности, а именно: «содержать при разных городах караулы, провожать... рекрут, водить колодников и действовать по требованиям гражданского начальства на поимку воров, истребление разбойников и восстановление нарушенного порядка в селениях».

Завершающий указ от 27 марта 1811 года под названием «О устройстве инвалидных рот и ко-

Был в нём уверен
государь

Юбилейный нагрудный знак
«100 лет конвойной страже»

Юбилейный нагрудный знак
«В память 100-летия местных войск»

манд и составлении из них подвижных инвалидных рот и служащих инвалидных команд» определял порядок организации и службы подразделений, состоявших полностью из ветеранов, которые по возрасту и состоянию здоровья не могли оставаться в полевых войсках, – так называемых инвалидных команд.

Согласно этому документу, штатные уездные команды также переводились в губернские города и составляли третьи роты внутренних полубатальонов, которые, в свою очередь, становились полнокровными «гарнизонными той губернии трёхротными батальонами».

Такая категория военнослужащих, как «военные инвалиды», сиречь ветераны, подразделялась на три разряда: подвижных, служащих и неспособных. Так, служащие инвалиды, или правильнее сказать – служащие ветераны, сводились в уездные команды, которые передавались в ведение командиров губернских внутренних гарнизонных батальонов и были «обязаны отправлять всю внутреннюю службу в уезде».

Таким образом, именно к 27 марта 1811 года полностью завершилось формирование внутренних гарнизонных батальонов и команд будущей внутренней стражи как специального охранного вида войск. В подтверждение как раз этой даты, принятой, ни больше ни меньше, за исходную точ-

ку отсчёта истории российских войск правопорядка, можно привести немало убедительных фактов. Вот только несколько из них.

Во-первых: в большинстве архивных документов, обнаруженных автором этих строк ещё в 1990-е годы, 27 марта 1811 года указывается как дата окончания формирования внутренней стражи, завершившегося присоединением к губернским гарнизонным батальонам небольших по численности уездных инвалидных команд.

Во-вторых: в многотомной официальной «Хронике Российской Императорской армии», изданной в 1852 году, в разделе, посвящённом внутренней страже, чётко прослеживается дата её формирования – 27 марта 1811 года.

В-третьих: установлено, что некоторые пехотные полки русской армии, сформированные на базе батальонов внутренней стражи в период проведения военной реформы 1861–1874 годов, имели знамёна с вышитой надписью «27 марта 1811 г.».

И в-четвёртых: 27 марта 1911 года в России торжественно отмечалось 100-летие местных войск и конвойной стражи, продолжавших историю Отдельного корпуса внутренней стражи.

К слову, понятие «инвалид» в те далёкие времена имело совсем иной смысл. Инвалидами называли старых солдат – ветеранов военной службы, отслуживших в армейском строю по десять-пятнадцать

и более лет, имевших боевой опыт и способных справиться с караульной и гарнизонной службой «по охранению тишины и спокойствия» гораздо эффективнее, чем необстрелянные новобранцы.

Например, в России в 1813–1917 годы даже выходила популярная газета «Русский инвалид», значение названия которой надлежит понимать как «Русский ветеран». Являясь изданием военного ведомства, газета не только печатала сводки с полей сражений, но и публиковала художественные материалы. Современные каждой эпохе писатели и поэты считали честью для себя быть опубликованными в «Русском инвалиде».

А скажем, в Париже уже более трёх веков существует Дом инвалидов. Изначально возведённый для нужд французских военных ветеранов, ныне является военным музейным комплексом и пантеоном знаменитых военачальников Франции.

Автор этих строк имеет отношение к процедуре учреждения профессионального праздника солдат правопорядка. После опубликования ряда моих исторических очерков на тему внутренней стражи в верхах было принято решение об установлении Дня внутренних войск МВД России. Мне также довелось готовить проекты учредительных документов – докладных записок и указа Президента. Черновики этих материалов до сих пор хранятся в моём личном архиве.

Конверт и почтовая марка, посвящённые 250-летию со дня рождения генерала от инфантерии Е.Ф. Комаровского. АО «Марка», 2019 г. Худ. В. Бельтюков

19 марта 1996 года, в канун 185-летия образования внутренней стражи, Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ № 349 следующего содержания: «Учитывая роль внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации в защите интересов личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, постановляю: установить День внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и отмечать его 27 марта».

Ровно два десятка лет воины в краповых погонах торжественно отмечали свой профессиональный праздник. А когда в апреле 2016 года на базе внутренних войск была создана Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, то этот праздник на основании Указа Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года №10 «в целях сохранения воинских традиций и повышения престижа службы» стал Днём войск национальной гвардии Российской Федерации.

*Был в нём уверен
государь*

ВОЗВРАТИМСЯ В XIX ВЕК. Итак, устанавливалось двойное подчинение внутренней стражи: оперативное – губернской администрации и полицейским органам и ведомственное – Военному министерству.

Согласно штатному расписанию, каждый «гарнизонный батальон на внутреннем содержании» первоначально состоял из «3-х мушкетёрских рот» общей численностью 554 человека, а также нескольких отдельно дислоцированных уездных команд. Возглавляли батальоны опытные офицеры в штатном чине подполковника, у них в помощниках находилось по одному майору и капитану, а также по два штабс-капитана. Ещё три поручика командовали ротами, кроме этого в батальонах было ещё по восемь младших офицеров – пять подпоручиков и три прапорщика.

Офицерам внутренней стражи полагались по штату личные денщики, которые брали на себя все повседневные бытовые проблемы и заботы своих командиров: младшие офицеры имели в распоряжении по одному нижнему чину, майоры – по три, а комбатам полагалось четверо. На содержание денщиков в батальонной казне предусматривались специальные «денщи́чи деньги».

Непосредственно повседневной рутинной организацией службы и подготовкой рядовых стражников в батальоне занимались три «старослуживых» фельдфебеля и двадцать семь младших унтер-офицеров. Имелись также штатные аудиторы и фельдшеры.

Уездными командами, численность каждой из которых составляла от десяти до сорока служивых, командовали офицеры в чинах от подпоручика до штабс-капитана включительно. Руководить нижними чинами в командах им помогали по одному младшему офицеру, а также по пять «старослуживых» унтер-офицеров. Начальникам инвалидных команд, кроме повседневной караульной службы и обеспечения охраны порядка в уездных городках, также предписывалось обучать новобранцев «военной экзерции по военному артикулу, как то надлежит неотменно».

Апрельский указ 1811 года закрепил территориальное деление Европейской России на округа внутренней стражи. В результате к маю 1812 года

организационно-штатная структура и территориальное распределение внутренней стражи выглядели следующим образом – восемь округов, каждый из которых территориально охватывал от четырёх до восьми губерний. Все внутренние гарнизонные батальоны (около 50, численностью свыше 700 человек каждый) сводились в 20 бригад (2–3 в округе, насчитывающие в своём составе от 2 до 4 батальонов).

Количество рот в батальонах в разное время было неодинаковым – 3–4 роты. Общая численность войск внутренней стражи составила около 41 500 человек (губернские батальоны – около 25 500, уездные команды – около 16 000). Поясним, почему «около»: потому что подсчитать с точностью до одного человека практически невозможно – численность внутренней стражи постоянно менялась, особенно в период её формирования в 1811–1812 годах.

Дислокация округов внутренней стражи предусматривала охват всей европейской территории страны, а их штаб-квартиры базировались в крупных губернских городах – важных региональных административных центрах. Так, окружной генерал 1-го округа размещался в Новгороде, хотя под его юрисдикцией находилась столичная Санкт-Петербургская губерния. Далее, 2-й округ – Тверь, 3-й – Калуга, 4-й – Орёл, 5-й – Курск, 6-й – Екатеринбург, 7-й – Ярославль, 8-й, самый большой по территории, – Воронеж.

Чины внутренней стражи отличались от других военнослужащих обмундированием особенного цветового сочетания. Так, рядовому и унтер-офицерскому составу полагался двубортный мундир общего пехотного образца серого сукна с жёлтыми воротниками и обшлагами рукавов, а отвороты фалд и выпушки – красного (крапового) цвета. Что касается погон на мундирах и шинелях, то они в каждой бригаде округа имели свой цвет: в 1-й бригаде – красные, во 2-й – жёлтые, в 3-й – светло-синие, в 4-й – тёмно-зелёные с красной выпушкой. На погонах нашивалась шифровка с номером округа. Офицерские мундиры внутренней стражи были единообразными, такими же, как в армии – тёмно-зелёные, двубортные, только эполеты, как и погоны нижних чинов, различались цветом поля и номером на них, присвоенных округам и бригадам.

Генерал-майор И.И. Миллер.
Неизв. худ.

Строевым головным убором нижних чинов являлся чёрный суконный кивер общеармейского образца, обшитый чёрной лакированной кожей по верху и низу тульи и с донца. Вместо герба на кивере помещалась кокарда (розетка) из чёрной ленты с оранжевой каймой.

Рядовые «мушкетёры» внутренней стражи вооружались пехотными ружьями-мушкетами со штыками. На портупее они носили штыковые ножи. Унтер-офицеры отличались от рядовых лишь серебряным галуном на воротнике и обшлагах мундиров, да вместо ружей им полагались малоудобные алебарды и тесаки с темляком на портупее.

Во главе округов внутренней стражи были поставлены боевые генералы, отличившиеся в известных военных кампаниях, отмеченные орденами и званиями, но по возрасту либо ранениям назначенные в гарнизонную службу. Многих из них Е.Ф. Комаровский знал лично по участию в Итальянском и Швейцарском походах, а также по предыдущей совместной службе в лейб-гвардии Измайловском полку.

Так, например, 1-й округ внутренней стражи возглавил генерал-майор Иван Иванович Миллер – опытный в военном отношении командир,

получивший образование в престижном Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе.

В 1799 году 8-й Егерский полк под командованием полковника Миллера участвовал в Итальянском и Швейцарском походах русских войск. Храбрые егеря отличились в сражениях против французов при Треббии и Нови, а их командир был произведён в генерал-майоры. Затем полк генерала Миллера вместе со сводно-гренадерским батальоном под командованием полковника Комаровского включили в состав альпийского авангарда князя Багратиона, штурмовавшего перевал Сен-Готард и бравшего Чёртов мост.

В Аустерлицком сражении (1805 г.) Миллер получил тяжёлое ранение картечью в бедро и после возвращения на родину был вынужден выйти в отставку «за ранами». Но отважный генерал не видел себя вне армейского строя и попросил вернуть его на военную службу в любом качестве. Так в 1811 году Миллер оказался во внутренней страже.

Вторым округом руководил также выходец из Измайловского полка – бывший обер-полицмейстер Москвы генерал-майор Иван Васильевич Гладков. Его формулярному списку мог бы позавидовать любой, даже самый прославленный военачальник тех времен.

Вот неполный перечень войн и сражений, в которых ему довелось участвовать: 1788–1790 гг. – русско-шведская война, произведён за отличия в секунд-майоры; 1792 г. – русско-польская война – контузия в левую руку с последующим ограничением движения в локтевом суставе и очередной офицерский чин премьер-майора; 1799 г. – Голландская экспедиция – ранение в ногу, орден Святой Анны 2-й степени и звание генерал-майора; 1805 г. – Аустерлицкое сражение – орден Святого Владимира 3-й степени – за исключительную храбрость.

В Отечественную войну 1812 года Гладков формировал ополчение в Тверской губернии. В 1813-м во главе корпуса, сформированного из ополченцев, участвовал в Заграничном походе русской армии (1813–1814 гг.). После возвращения на родину он ещё несколько лет продолжал успешно командо-

Рядовой и унтер-офицер внутренней стражи.

Худ. О.К. Пархаев

вать 6-м округом внутренней стражи, а в 1821-м его назначили обер-полицмейстером Санкт-Петербурга с производством в генерал-лейтенанты.

Нельзя также не упомянуть князя Николая Юрьевича Урусова, командовавшего с 1811 года 7-м округом внутренней стражи в Ярославле. Военную службу он начинал в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1805–1807 годах он принял участие в русско-прусско-французской войне, но после возвращения из похода вынужден выйти в отставку по болезни. В 1811-м вновь возвращается на военную службу и «назначается состоять по внутренней страже».

После вторжения в Россию армии Наполеона генерал Урусов формирует резервные полки в Ярославле, Костроме и Владимире. Затем получает приказ защищать от неприятеля военные и гражданские транспорты, шедшие по Малороссийскому тракту от Юхнова к Смоленску. После завершения войны с Наполеоном князь Урусов возглавляет 9-й округ внутренней стражи со штаб-квартирой в Казани и успешно командует им вплоть до января 1819 года.

Не менее уникальной личностью был командующий 8-м округом Василий Акимович Русанов. Он один из немногих генералов внутренней стражи (возможно, единственный), кто воспитывался в самом аристократическом учебном заведении – Пажеском Его Императорского величества корпусе. Восемнадцатилетним юношей его из камер-пажей выпустили поручиком в лейб-гвардии Гусарский полк, где он за пять лет дослужился до полковника.

Участвовал в войнах Третьей и Четвёртой антифранцузских коалиций. За отличия в Аустерлицком сражении был назначен командиром Александровского гусарского полка. Заслуженной наградой Русанова за подвиги на поле брани явился орден Святого Георгия 4-й степени с формулировкой в высочайшем указе: «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск 26 и 27 января (1807 г. – Н.С.) при Прейсиш-Эйлау, где, с особенною храбростию исполняя свой долг, удерживал людей в надлежащем порядке, причём получил сильную контузию в левое плечо».

Округом генерал-майор В.А. Русанов командовал около шестнадцати лет.

Но чаще всего Комаровскому доводилось встречаться с командующим 4-м округом внутренней стражи генерал-майором Христофором Егоровичем Дистерло, чья штаб-квартира находилась в Орле. Этот губернский город Комаровский посещал чаще других – неподалеку располагалось его имение Городище.

Барон фон Дистерло из всех назначенных во внутреннюю стражу генералов являлся самым пожилым по возрасту, следовательно, имевшим огромный военный опыт – ему уже было без малого шестьдесят лет. Происходил он из старинного остзейского баронского рода. Его офицерская служба началась ещё в 1769-м – в год рождения Е.Ф. Комаровского. К концу царствования Екатерины II барон уже командовал Московским мушкетёрским полком. Участвовал в Русско-турецкой войне 1787–1799 гг., в ходе которой османы намеревались вернуть себе Крымский полуостров и другие присоединенные к России причерноморские земли. Не вышло!

За отличия при штурме турецкой крепости Анапа храброго барона удостоили ордена Святого Георгия 4-го класса. А в 1799-м, при императоре Павле I, боевой генерал с почти 30-летней выслугой вышел в отставку. Но в 1812-м его вернули на службу и назначили командовать 4-м округом внутренней стражи, которым он успешно руководил ещё более восьми лет.

Статус нового вида войск и пределы их полномочий были определены особым нормативно-правовым актом – «Положением для внутренней стражи», высочайше утверждённым 3 июля 1811 года.

Надо сказать, что введению в действие этого документа, всесторонне регламентировавшего деятельность нового воинского формирования с полицейско-жандармскими функциями, предшествовали довольно острые дебаты и горячие обсуждения. «Государь... приказал мне рассмотреть постановление внутренней стражи и её обязанности, и с моими заключениями передать военному министру. Потом всё сие внесено было в Государственный совет и получило высочайшее утверждение», – вспоминал Евграф Федотович о ходе претворения в жизнь планов по укреплению внутренней безопасности государства.

Был в нём уверен
государь

Генерал-фельдмаршал князь М.Б. Барклай де Толли.

Худ. Дж. Доу

Среди основных противников полной передачи губернских вооружённых подразделений в военное ведомство были некоторые губернаторы, которых вполне устраивало существующее положение дел: ведь в их абсолютном подчинении и распоряжении находились вооружённые подразделения, имевшие чуть ли не полную автономию от военного начальства.

Однако император Александр I заявил, что внутренняя стража «сиречь военное образование» и должна входить в состав военного ведомства. Однако по поводу подчинённости непосредственно самого руководителя внутренней стражи возникли разногласия. Но Александр I, проявив твёрдость характера, категорично заявил военному министру М.Б. Барклаю де Толли: «Граф Комаровский – мой генерал-адъютант, и я хочу, чтобы он был между мной и вами». В результате инспектор внутренней стражи оказался в двойном подчинении: являясь согласно штату помощником военного министра по управлению внутренней стражей, одновременно генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский был подотчётен лично императору.

Александр I прекрасно понимал, что, ставя своего доверенного и преданного человека во главе разбросанного по обширной территории «внутреннего войска», он получал невиданную доселе возможность не только осуществлять контроль над всей внутренней безопасностью государства, но также отслеживать настроения среди населения, в особенности получать информацию о каких-либо неприглядных делах губернского чиновничества буквально из первых рук. В связи с этим государь вменил в обязанности Комаровского, чтобы он после инспекционных поездок на места представлял ему лично не только отчёты о состоянии «охранительного войска», но и информацию обо всех «неисправностях» в местном управлении.

Согласно высочайше утверждённому «Положению для внутренней стражи» обязанности новой военной структуры чётко подразделялись на общевоинские и специальные – т.е. «относительно распоряжений» губернского (гражданского) начальства, говоря современным языком, старшего оперативного начальника.

*Офицеры внутренней стражи.
Рисунок XIX в.*

Перечислим основные задачи внутренней стражи, которые по предложению Комаровского были вписаны в «Положение...» и с которыми согласились как император, так и члены Госсовета. Вот как они звучат на языке начала XIX века: «Внутренняя стража обязана действовать по требованию местного начальства... а именно: 1) в помощь исполнению законов; 2) на поимку воров, преследование и истребление разбойников и рассеяние запрещённых законом скопищ; 3) на усмирение неповиновений и буйства; 4) на поимку беглых, ушедших преступников и дезертиров; 5) на преследование запрещённых и тайно провезённых товаров (по сути, борьба с контрабандой. – Н.С.); 6) на помощь свободному движению внутреннего продовольствия (что это, если не помощь свободной рыночной торговле?! – Н.С.); 7) на содействие к сбору податей и недоимок; 8) на охранение порядка и спо-

*Был в нём уверен
государь*

*Унтер-офицеры внутренней стражи.
Рисунок XIX в.*

койствия церковных обрядов всех исповеданий, законом терпимых; 9) на охранение порядка на ярмарках, торгах, народных и церковных празднествах и проч.; 10) на принятие и провожание рекрут, преступников, арестантов и пленных; 11) на отправление военных, просрочивших отпуска, к их командам; 12) на пожары, помощь при разлиии рек и тому подобное; 13) на отряжение нужных часовых к присутственным местам, тюрьмам и острогам; 14) на провожание (охрана и сопровождение. – Н.С.) казны».

Кроме того, командирам подразделений, выполнявшим военно-полицейские задачи в отрыве от места дислокации, предоставлялось право «брать под стражу и представлять губернскому начальству людей, настигнутых в преступлении, буйстве либо насилии противу лица или имущества, и найденных с окровавленным оружием либо платьем», а

также со всей решительностью выявлять и «захватывать сборища воров и разбойников».

Заметим, что на современные войска национальной гвардии Российской Федерации возлагаются в немалой степени аналогичные задачи.

Как видно из «Положения», внутренняя стража представляла собой военную силу, наделённую полицейскими функциями. Однако взаимодействие её непосредственно с полицией и местными властями ещё долго оставалось до конца не отрегулированным и в последующем продолжало постоянно уточняться и конкретизироваться.

Так, согласно «высочайше утверждённой» 30 ноября 1811 года «Инструкции...», инспектор внутренней стражи, являясь помощником военного министра по управлению внутренней стражей, был непосредственным «начальником оной во всех отношениях к вящему её устройству и порядку». В связи с чем он вёл «наблюдение за точным исполнением» обязанностей, возложенных на окружных генералов, регулярно проводил инспектирование частей внутренней стражи, «во всякое время» должен точно знать состояние батальонов и команд, их списочную и наличную численность, следить за исправностью вооружения, обмундирования и продовольственного снабжения, а также «благонамеренно упреждать всякие недостатки» путём своевременного информирования соответствующих департаментов Военного министерства.

Что касается общевоинских задач внутренней стражи, то граф Е.Ф. Комаровский писал о них так: «Главный предмет учреждения внутренней стражи состоял в том, чтобы при батальонах оной формируемы были рекруты, чтобы посредством оной препровождались в случае войны пленные, чтобы конвоированы были рекрутские партии с места набора в назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры из внутренней стражи. На сии потребности прежде отряжались команды при офицерах из действующих войск».

*«Доносить о всех происшествиях,
достойных уважения»*

ИСТОРИКИ СПЕЦСЛУЖБ отмечают, что примерно за год до вторжения Наполеона на западных рубежах Российской империи уже стали массово ловить шпионов и лазутчиков. Они шныряли по городам и местечкам приграничья под видом странствующих монахов, комедиантов и фокусников, собирая сведения военного, политического и экономического характера, а также вербуя агентуру среди местного населения, особенно польского происхождения.

В те годы в России ещё не существовало специальных служб, боровшихся со шпионажем, и противодействие иностранной разведке оказывали люди, служившие по различным ведомствам. Им отпускали для этих целей деньги, а они сами подбирали себе помощников и по собственному разумению вели дела, которые сейчас назвали бы «контрразведывательными операциями».

Накануне наполеоновского вторжения забил тревогу и Александр I, в молодости увлекавшийся идеями французского либерализма и теперь осознававший, к каким разрушительным последствиям они могут привести. Поэтому не случайно к тайному надзору за общественным настроением была подключена государем и внутренняя стража.

Так, в январе 1812 года граф Е.Ф. Комаровский получил лично от императора секретное предписание, согласно которому подчинённые ему, как инспектору внутренней стражи, окружные генералы были обязаны регулярно в конфиденциальном порядке доносить обо всём случающемся в губерниях «касательно духа и поведения жителей, действия гражданской полиции и вообще о всех происшествиях, достойных уважения».

Стоит отметить, что возможности у командиров внутренней стражи различных рангов были в этом отношении практически неограниченные: к тому времени гарнизонные батальоны уже размещались в каждом губернском городе, а в каждом уездном – воинские команды. Окружные генералы и офицеры этого военно-полицейского формиро-

вания были вхожи в дома губернаторов и городских, присутствовали на различных собраниях, балах и других мероприятиях местной знати, где могли слышать разговоры и суждения в отношении государственной власти и политики.

Кроме того, караулы от внутренней стражи охраняли здания губернских и уездных правлений, а также других присутственных мест, что также давало огромные возможности для сбора необходимой информации. Так что императорский генерал-адъютант, поставленный во главе внутренней стражи лично Александром I, явился для него чуть ли не единственным и наиболее достоверным источником сведений о настроениях буквально во всех слоях российского общества, особенно данных о злоупотреблениях среди чиновников губернского масштаба.

Накануне войны наполеоновские шпионы и агенты, действуя под дипломатическим прикрытием, даже обосновались в Санкт-Петербурге. Они тщательно изучали боевой потенциал русской армии, мобилизационную готовность, резервы и особенно высший командный состав – русский генералитет. При этом с целью компрометации, пытались отыскать какие-либо отрицательные качества в характеристиках русских военачальников.

В поле зрения французских лазутчиков оказался и граф Е.Ф. Комаровский. Но наполеоновские агенты ничего предосудительного об императорском приближённом не нашли и в своей информационной записке отметили весьма кратко: «Генерал-адъютант императора. Человек очень приятный и вполне светский». И всё!

*Как парадный мундир Комаровского
побывал в ставке Наполеона*

В МАРТЕ 1812 ГОДА император Александр I отправился в Вильно (современный Вильнюс), где находилась штаб-квартира 1-й Западной армии под ко-

*Император Александр I со свитой.
Художник Л. Поль по оригиналу картины
художника О.А. Кипренского*

мандованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли. Государь приказал Комаровскому также выехать в этот город в качестве сопровождающего «августейшую особу» дежурного генерал-адъютанта.

В начале мая 1812 года в Вильно, неожиданно для Александра I, а по выражению графа Е.Ф. Комаровского, «противу всякого чаяния» наведался личный посланник французского императора Наполеона I генерал-адъютант Луи Нарбонн.

Комаровский засвидетельствовал это в своих воспоминаниях очень кратко, отметив, что наполеоновский порученец приехал «с собственноручным письмом от своего государя», о содержании которого «никому известно не было». Евграф Федотович также уточнял, что «государю угодно было показать приезжему гостю, как наши войска маневрируют». Для показательных учений было представлено лучшее пехотное соединение Западной армии – 3-я пехотная дивизия в полном составе под командованием генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, которая, по свидетельству Комаровского, показала образец воинского мастерства «и все движения производила... превосходно».

12 июня 1812 года «великая армия» Наполеона начала переправу через Неман. Тогда русская армия совершила плановый отход к укрепленному лагерю в Дриссе (ныне Верхнедвинск в Белоруссии), где должна была дать противнику решающее сражение. Однако Александр I, видимо, всё ещё надеясь избежать войны, вызвал к себе генерал-адъютанта А.Д. Балашова, вручил письмо с предложением вернуться к довоенному статус-кво и отправил его в качестве парламентёра к Наполеону.

Любопытное свидетельство об этом оставил нам Е.Ф. Комаровский: «Государь рассудил послать с ответом к Наполеону и избрать для сего изволил А.Д. Балашова. Поздно ввечеру, накануне нашего... выезда, приказывает ему явиться к себе; отдавая письмо, повелевает ему тотчас отправиться к Наполеону. Балашов доносит императору, что он уже свой обоз с прочими отправил и что у него нет ни генеральского мундира, ни ленты. Государь приказывает ему у кого-нибудь достать для себя мундир и всё, что ему нужно, и чтобы он непременно через час выехал... Я жил тогда вместе с Александром

Дмитриевичем. Он приходит домой в отчаянии, рассказывает мне всё, что с ним случилось, говоря, что Александровской лентой его ссудил граф П.А. Толстой. К счастью, мой обоз ещё не уехал, и я ему предложил мой генеральский мундир. Надобно было оный примерять; насилию мундир мой влез на Балашова, но нечего было делать; он решился его взять и обещался во всё время есть насколько можно менее, чтобы похудеть».

Министр полиции, едва втиснувшись в мундир Комаровского, который был немного ниже его ростом и несколько худее, и стараясь не делать резких движений, чтобы не разошлись швы, отправился к Наполеону.

Балашов чувствовал себя в мундире с чужого плеча весьма скованно: форменный сюртук чрезмерно обтягивал туловище, не давая вздохнуть полной грудью, да и рукава были коротковаты. Но русский парламентёр, подавая французскому диктатору письмо Александра I, изо всех сил старался сохранить присутствие духа.

Прочитав послание, Наполеон произнёс: «Я не могу согласиться на требования вашего императора. Когда я что занял – считаю своим».

Затем Бонапарт спросил Балашова:

– Какая дорога ведёт в Москву?

На что получил сакраментальный ответ:

– Дорогу на Москву выбирают по желанию: Карл XII шёл через Полтаву.

Весьма прозрачный намёк на разгром шведов под Полтавой.

Приехал Кутузов бить французов!

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ Е.Ф. Комаровский, находясь на дежурстве в императорском дворце, оказался свидетелем назначения великого полководца М.И. Кутузова главнокомандующим в самое тяжё-

Генерал-адъютант А.Д. Балашов в мундире генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского во время встречи с Наполеоном в Вильно.

Худ. О.К. Пархаев

лое для русской армии время. Происходило это так.

В отсутствие военного министра М.Б. Барклая де Толли, возглавившего 1-ю Западную армию, его обязанности исполнял генерал-лейтенант князь Алексей Иванович Горчаков, с которым у Комаровского сложились приятельские отношения. Однажды во время дежурства Евграфа Федотовича в загородном государевом дворце на Каменном острове Горчаков приехал к Александру I с докладом. Евграф Федотович, прочитав на лице князя необычайную озабоченность, поинтересовался о причинах его волнения. «Ах, любезный друг, – в ответ услышал Комаровский то, что давно уже витало в воздухе, – какую я имею ужасную комиссию к государю! Я избран ходатаем от всего Комитета господ министров, чтобы просить его величество переменить главнокомандующего армией и вместо Барклая назначить Кутузова».

Взволнованный этим известием императорский генерал-адъютант с нетерпением ждал, когда же князь Горчаков выйдет из государева кабинета. Действительно, случай был неординарный: никто ранее против воли августейшей особы не смел даже высказывать ничего подобного. А тут предлагается сменить на посту главнокомандующего армией императорского любимца Барклая на опального Кутузова!

И вот в дверях кабинета показался Горчаков. Его пунцовое лицо свидетельствовало без слов – разговор был не из приятных. Комаровский ожидал чего угодно, но только не такого скорого и относительно лёгкого согласия императора. Переведя дух, князь радостно и сбивчиво поведал, что Александр I приказал ему на другой день вызвать во дворец М.И. Кутузова, при этом Горчаков сумбурно произнёс: «Слава Богу! Нельзя не дивиться кротости и милосердию государя; представь себе, что я осмелился наконец сказать его величеству, что вся Россия желает назначения генерала Кутузова, что в Отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующим».

Дежурство Комаровского ещё продолжалось, когда Михаил Илларионович рано утром следующего дня прибыл в Каменноостровский дворец. Ожидая вызова государя, Кутузов поинтересовался у Евграфа Федотовича, кто у Барклая де Толли «составляет

его окружение»? Комаровский сообщил, что армейский штаб возглавляет ученик А.В. Суворова генерал А.П. Ермолов, а обер-квартирмейстером армии состоит барон К.Ф. Толь. Внимательно выслушав императорского адъютанта, Михаил Илларионович остался весьма доволен этим известием и с удовлетворением произнёс, что о командных качествах Ермолова «ему хорошо известно», а по поводу Толя сказал буквально следующее: «Я этому очень рад, он мой воспитанник, он выпущен из кадетского корпуса в числе первых, когда я оным командовал».

Вскоре последовал вызов Кутузова к государю. Как проходила беседа Александра I наедине с полководцем и о чём они между собой говорили – это для Комаровского осталось неизвестным. Но когда Михаил Илларионович вышел из кабинета его величества, то тихо произнёс: «Дело решено – я назначен главнокомандующим обеих армий!».

С этими словами Кутузов тепло распрощался с Комаровским и покинул царский дворец. Как оказалось, визит Михаила Илларионовича к императору за получением назначения главнокомандующим русской армией оказался последней встречей Евграфа Федотовича с великим полководцем. «Простясь со мной, генерал Кутузов уехал, и мне более не случилось уже с ним никогда видаться», – с грустью и сожалением отмечал Евграф Федотович в своих «Записках...» о безвременном и неожиданном для всех уходе из жизни фельдмаршала в апреле следующего, 1813 года.

Приезд популярного среди солдат и офицеров полководца в отступающие под напором французов русские войска был встречен бурей восторга. Пожилой военачальник, лишённый придворного лоска и надменности, вызвал в армейских рядах всеобщее ликование: наконец-то, мол, прекратим отступать. Тут же нашёлся остряк и удачно по этому поводу обмолвился:

*Барклай де Толли не нужен боле –
Приехал Кутузов бить французов!*

Эта фраза вмиг разнеслось по всему лагерю, и стала повторяться на каждом шагу. Вскоре она превратилось в народную поговорку, которую теперь обязательно вставляет в свой труд всякий уважающий себя исследователь событий 1812 года.

Был в нём уверен
государь

Генерал-фельдмаршал князь М.И. Кутузов.
Худ. Р.М. Волков

*Генерал от инфантерии и генерал от артиллерии
А.П. Ермолов.
Гравюра XIX в.*

*Атаман Донского казачьего войска
генерал от кавалерии М.И. Платов.
Гравюра XIX в.*

«С мужеством встретили» Наполеона

ПОБЕДА РОССИИ в Отечественной войне 1812 года навсегда останется образцом проявления силы русского оружия и величия духа русского народа. Несомненно, главной битвой «войны народов» является Бородинское сражение. Однако успешно бить французов русские воины начали значительно раньше, ещё с западной границы, когда наполеоновские полчища вторглись в пределы России.

Одними из первых, кто встретил непрошенных гостей свинцовой пулей и острым штыком, были воины батальонов внутренней стражи, которые дислоцировались в западных российских губерниях. Они оказались в состоянии давать достойный отпор неприятелю, а затем, вливаясь в ряды отходивших частей действующих войск, самоотверженно сражались с отборными французскими авангардами.

В процессе изучения архивных документов и старых публикаций удалось установить, что первым русским воином, героически павшим в приграничных боях с французами, был младший офицер

внутренней стражи прапорщик Гродненского внутреннего гарнизонного батальона Николай Иванович Ившин.

К началу боевых действий с французами в Гродно временно размещался казачий корпус генерал-лейтенанта М.И. Платова. Донским казакам было предписано оставаться в городе и «заботиться... о вывозе всего того из Гродно, что здесь собрано было... для продовольствия войск, и особенно вещей, казне принадлежащих, дабы не оставить воспользоваться ими неприятелю». Эвакуацию планировалось завершить 16 июня. Но уже утром того дня усиленный вестфальско-польский отряд французов захватил предместье города на левом берегу реки Неман. Казаки заняли оборону по правому берегу и приняли бой.

Чтобы задержать наступление французов и успеть эвакуировать важные документы и ценное

*Героическая гибель на мосту через Неман
прапорщика Гродненского гарнизонного батальона
внутренней стражи Николая Ившина.*

Худ. О.К. Пархаев

имущество, казачий атаман приказал гродненскому полицмейстеру коллежскому советнику Высочину «принять исчерпывающие меры к уничтожению наплавного моста через Неман». Для выполнения этой боевой задачи глава городской полиции направил небольшое подразделение местного батальона внутренней стражи под командованием прапорщика Николая Ившина. Жёсткий приказ – во что бы то ни стало «истребить мост, через Неман лежащий» – был выполнен, деревянную переправу сожгли.

Но в бою с противником при уничтожении наплавной переправы отважный прапорщик Николай Ившин погиб, став первым русским воином, павшим смертью храбрых в Отечественной войне 1812 года.

При общем отходе русских войск Гродненский внутренний гарнизонный батальон был подчинен коменданту города Гродно полковнику Осипу Матвеевичу Кленовскому (будущий командир Санкт-Петербургского внутреннего гарнизонного батальона), возглавившему сводный отряд, состоявший из различных подразделений.

В его состав вошла часть бойцов Черниговского гарнизонного батальона под командованием майора Осипа Добровольского. Высланная комендантом разведка доложила, что огромный вражеский отряд численностью в 2000 человек движется к Черчерску – небольшому, но важному в стратегическом отношении белорусскому городку. Для его защиты был направлен сводный отряд под командованием майора Добровольского. Кроме стражников, в него входили армейский пехотный батальон и рота егерей. С этими силами майор Добровольский стремительно выдвинулся к местечку Кромы, где французы остановились на отдых. Застав противника врасплох, он атаковал его и выбил из населенного пункта. Не давая неприятелю опомниться, бойцы сводного отряда преследовали его более десяти верст и нанесли сокрушительное поражение.

В 1813 году полковник О.М. Кленовский своим рапортом о действиях Черчерского отряда доносил: «Сверенным мне отрядом в прошлом, 1812 году... занимая значительную позицию от реки Днепр против Рогачёва и за Сожью, прикрывал малороссийскую границу, имел счастье не только удерживать неприятеля в весьма превосходной силе и не допу-

стить одного вторгнуться в Малороссию, но почти ежедневно сражаясь в сих пунктах, делаемые неприятелем сии нападения весьма с желаемым успехом отражаемы были с немалой для одного потерей».

По представлению полковника Кленовского бесстрашный офицер внутренней стражи майор Добровольский был отмечен орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В представлении к награждению подчёркивалось: «При сём случае и во многих других действиях... он всегда оказывал примерную храбрость и благоразумное распоряжение».

Другая воинская часть внутренней стражи – Могилёвский гарнизонный батальон – приняла самое непосредственное и активное участие вместе с разрозненными армейскими подразделениями в самоотверженной защите города Могилёва.

Батальоном командовал полковник Антон Антонович фон Коллен – опытный боевой офицер, по происхождению из лифляндских дворян, начинавший военную службу в лейб-гвардии Конном полку и участвовавший в войнах с Францией 1805–1807 гг. В самом кровавом сражении с французами при Прейсиш-Эйлау в феврале 1807 года получил ранение в ногу... и чин полковника – за храбрость.

Личный состав батальона также был под стать своему командиру – в основном состоял из ветеранов, большинство из которых имели за плечами богатый опыт предыдущих войн. Находясь на территории Могилёвской губернии в качестве военно-полицейской силы, батальон, говоря современным языком, в оперативном отношении был подчинён непосредственно губернатору графу Д.А. Толстому.

Когда неприятельские войска приблизились к границе Могилёвской губернии, губернатор выслал небольшой отряд из батальона внутренней стражи навстречу противнику. Действуя умело и решительно, стражники скрытно подобрались к неприятелю и, «улучив удобную минуту, напали врасплох на часть французских аванпостов... и захватили в плен одного француза, от которого узнали о числе армии и некоторые нужные сведения о движении неприятеля». Выяснилось, что в сторону Могилёва идёт многотысячный корпус наполеоновского маршала Даву.

Военный комендант Могилёва Г.С. Окунев в своём рапорте отмечал: «8-го июля неприятель-

Был в нём уверен
государь

Предписание князя Багратиона Могилёвскому гражданскому губернатору, графу Толстому, о награждении чинов и команды Могилёвской внутренней стражи.

По засвидетельствованию личному Вашего Сиятельства о мужестве внутренней стражи команды, защищавшей гор. Могилевъ отъ нападения неприятельскаго, не ослабѣвшимъ даже и при самомъ наступлении, я должомъ поставилъ себѣ, чиновникамъ, командовавшимъ оною, отъ Лица Государя Императора, объявить имъ чрезъ васъ, благодарность, а рядовымъ о выдачѣ въ награждение изъ казенныхъ суммъ: рядовымъ по 1 рублю, а прочимъ, бывшимъ въ действительномъ дѣлѣ, — по пятидесяти копѣекъ.

Объ отпускѣ денегъ здѣсь включаю мое предписание къ казначею Фришу, находящемуся при генераль-интендантѣ 2 западной армии, господинѣ Тайномъ Совѣтникѣ и Сенаторѣ Ланскомъ, по коему Ваше Сиятельство, соображаясь съ числомъ людей, бывшихъ при семъ случаѣ и Вамъ извѣстныхъ, исчисливъ сумму, извольте получить оную отъ помянутаго казначея Фриша, съ засвидетельствованіемъ вашимъ подъ статью по книгѣ о расходѣ экстраординарныхъ суммъ.

Генералъ отъ инфантеріи,
князь Багратионъ.

*Текст предписания генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона
могилёвскому гражданскому губернатору графу Д.А. Толстому*

ский авангард в 4 часа утра показался из Виленской заставы», где его «с мужеством встретили» воины гарнизонного батальона.

Затем Могилёвский гарнизонный батальон, с боями отходя от города, участвовал в разгроме крупных сил противника между деревнями Салтановка и Дашковка. Противник бросил на уничтожение храбрых стражников лёгкую пехоту и конных егерей. Но окружить могилёвцев французам не удалось, так как стражники метким огнём вынуждали противника раз за разом откатываться назад. В плен к стражникам попали около 10 французских офицеров и более 400 нижних чинов.

Всем отличившимся в боях офицерам батальона объявил благодарность лично командующий 2-й Западной армией генерал от инфантерии П.И. Багратион. А нижних чинов могилёвский губернатор отметил денежной наградой – все бойцы получили по 50 копеек серебром, а раненые – по серебряному рублю.

Генерал Е.Ф. Комаровский с гордостью и удовлетворением читал донесения о мужестве и

самоотверженности своих подчинённых, проявленных в боях с передовыми наполеоновскими отрядами.

В помощь действующей армии

ЕЩЁ ОДНОЙ ВАЖНОЙ для обороны страны задачей – формированием ополчения также занималась внутренняя стража. После воззвания Александра I от 6 июля 1812 года к подданным об организации повсеместного отпора агрессору была активно развернута работа по созданию народного ополчения. Богатые дворяне добровольно вносили личные средства на закупку оружия, снаряжения и амуниции. Многие из них, кто имел за плечами службу в армии, возглавляли ополченские формирования. Горожане и крестьяне с воодушевлением вступали в них простыми ратниками.

Формирование новых частей находилось на особом контроле в Военном министерстве, поэтому ответственные за «самоскорейшее сформиро-

вание полков» офицеры и генералы должны были еженедельно через графа Е.Ф. Комаровского докладывать о том, «сколько и откуда прибыло рекрут», о количестве «офицеров, прибывших из кадетских корпусов и принятых из отставки», о состоянии «готовности мундиров и амуниционных вещей... а равно обоза, лошадей и упряжи».

Для формирования каждого полка и затем командования им вплоть до назначения постоянных командиров, окружные генералы внутренней стражи наделялись правом «избрать по одному благонадёжному и способнейшему штаб-офицеру из вверенных им округов». В дальнейшем многие из этих офицеров добровольно ушли в действующую армию и проявили себя в сражениях как опытные и грамотные командиры частей и соединений.

Всего за период Отечественной войны с помощью внутренней стражи было поставлено под ружьё более полутора миллионов рекрутов и ополченцев.

Любую армию позапрошлого века немислимо себе представить без лошадей. Без хорошего боевого коня нет кавалерии. Бог войны – артиллерия тоже была на конной тяге. Не говоря уж об обозах, лазаретах и прочих тыловых службах. Армии требовались тысячи лошадей. Особенно в военное время. Поэтому сбор и отправка в действующие войска конского состава являлись стратегически важной задачей. Её решение было также возложено на внутреннюю стражу. Император поручил заняться ею лично своему генерал-адъютанту графу Е.Ф. Комаровскому – инспектору (командующему) внутренней стражи.

Как выполнялось царское распоряжение, Комаровский описал в своих мемуарах: «Положено было учредить, для скорейшего образования рекрут, пехотные и кавалерийские резервы... Государь изволил призвать меня однажды к себе в кабинет и, объясняя всю важность учреждения сих резервов и что от них зависеть должен впредь весь успех действующих армий, сказать мне изволил:

– Я хочу возложить на тебя весьма важное поручение... посылаю тебя с повелением собрать... до 20 000 лошадей, которых и отправлять в кавалерийские резервы».

*Благословение сына в ополчение. 1812 г.
Худ. И.В. Лучанинов*

Вместе со своими помощниками – офицерами внутренней стражи графу Комаровскому удалось перевыполнить задание императора в два с лишним раза – поставить в действующую армию более 50 000 лошадей. С учётом того, что кавалерийский полк того времени в среднем насчитывал около 1250 лошадей, можно с уверенностью констатировать – конского состава, собранного и поставленного в действующую армию усилиями Е.Ф. Комаровского, хватило бы на укомплектование около четырёх десятков полков. «Таким образом, окончилось... поручение, на меня возложенное», – отмечал Е.Ф. Комаровский с чувством исполненного долга.

Александр I, с удовлетворением отмечая «ревностное исполнение долга» своим светским генералом, удостоил его ордена Святого Владимира 2-й степени. Однако боевых наград за 1812 год Ко-

*Конная атака гусар.
Худ. О.К. Пархаев*

Светло-бронзовая медаль
на Владимирской ленте
«В память Отечественной войны 1812 года»

ровский так и не получил. В своих воспоминаниях он с некой долей обиды написал: «Однажды, будучи наедине с государём, я дал почувствовать его величеству, как много я потерял по службе тем, что не находился в армии, что не могу даже участвовать в празднествах, учреждённых для воспоминания незабвенных военных подвигов нашей армии... и лишён права носить медаль 1812 года, которую украшены почти все, имеющие военный мундир. На сие император мне отвечал: «Что делать; это зависит от обстоятельств, но ты себя ничем упрекнуть не можешь».

Спустя несколько лет, 15 февраля 1819 года, Александр I исправит свою досадную оплошность и отметит своего верного генерал-адъютанта высшей военной наградой – орденом Святого Георгия 4-й степени за многолетнюю «беспорочную службу и особые труды, понесённые во время войны с Наполеоном».

Вознаградит государь своего соратника и светло-бронзовой медалью «В память Отечественной

войны 1812 года», учреждённой для тех, кто содействовал победе русского оружия над французами. Награда носилась в особо торжественных случаях при парадном мундире на Владимирской ленте.

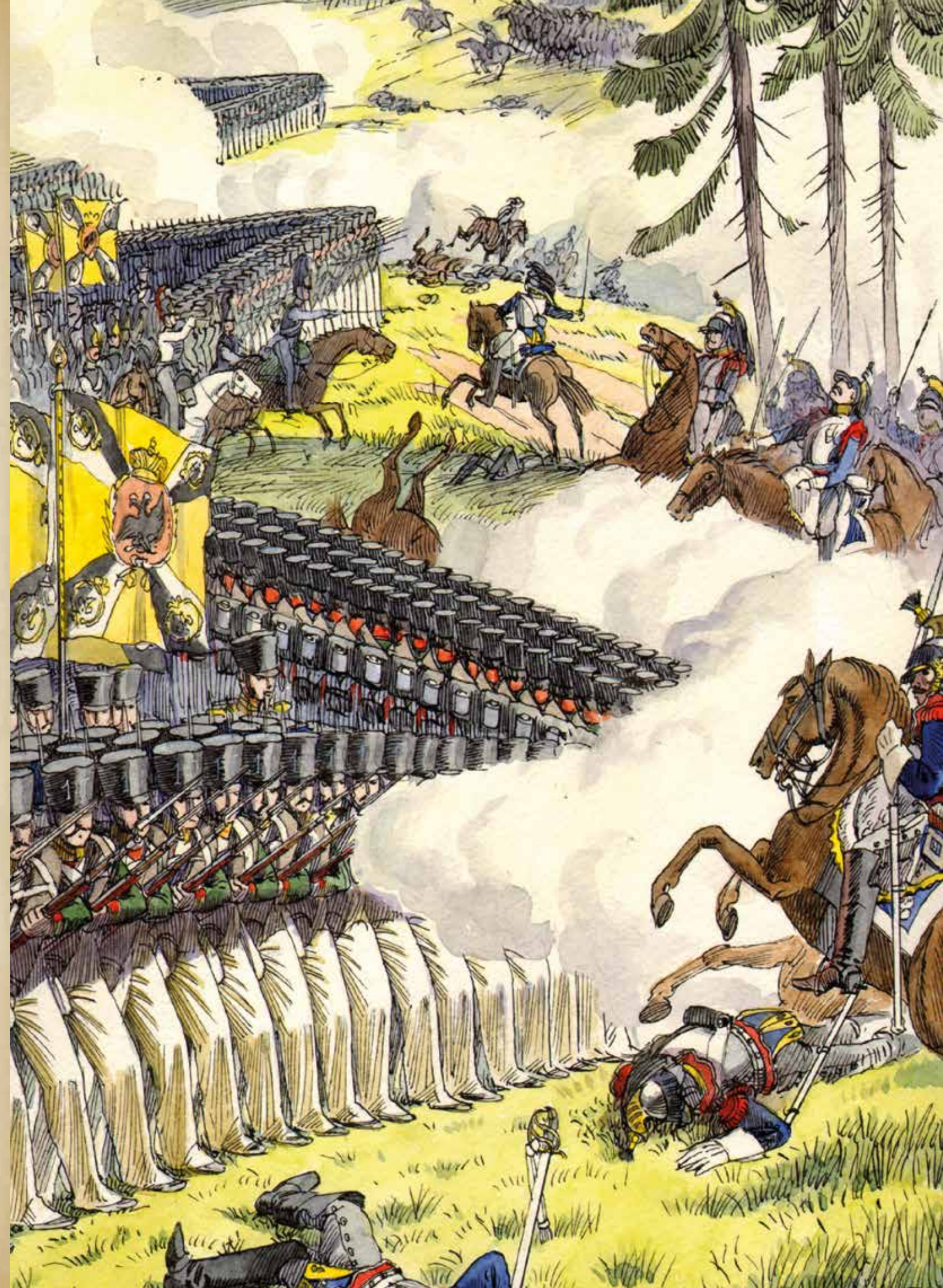
Военнопленные под стражей внутренней стражи

ЕЩЁ ДО ГЛАВНОЙ битвы Отечественной войны 1812 года – Бородинского сражения перед военным командованием возникла проблема размещения и содержания военнопленных французов. С каждым месяцем боевых действий их становилось всё больше и больше. Вскоре количество пленников уже исчислялось десятками тысяч.

Разрешением вопроса военнопленных занимался лично император. В дополнение к «Положению для внутренней стражи» уже в августе им были утверждены правила о препровождении пленных. Для их размещения были «высочайше» определены губернии, удаленные на значительные расстояния от западных пределов империи – Астраханская, Оренбургская, Саратовская, Вятская и Пермская. Ответственность за содержание и компактное поселение пленных возлагалась на губернаторов, а надзор осуществлялся чинами внутренней стражи совместно с полицией.

Сбором и препровождением пленников к месту их сосредоточения на жительство занимались специально выделенные для этих целей конвои от армейских частей. Материальное обеспечение возлагалось на губернаторов тех административных территорий, где формировались этапы с военнопленными. Им предписывалось «при отправлении пленных в вышеназначенные губернии... наблюдать, чтобы они снабжены были одеждой и обувью, соответственной временам года». По прибытии к месту назначения этапники передавались под охрану команд внутренней стражи. При этом были

Бородинское сражение.
Худ. О.К. Пархаев

разработаны инструкции, которые требовалось неукоснительно соблюдать как охранникам, так и поднадзорным.

Например, в обязанности стражников вменялось следить за тем, «чтобы пленным ни от кого никакого притеснения оказываемо не было». Вместе с тем обращалось внимание на строгое соблюдение режима содержания и охрану. «Чтобы партионные офицеры имели за ними (пленниками. — Н.С.) самые неусыпные бдения... и пресекали все способы к побегам и отлучкам», — особо подчеркивалось в инструкции. От охраняемого контингента в свою очередь, требовалось «вести себя скромно и послушно». Нарушителей установленного порядка привлекали к строгой ответственности: от ограничения передвижения по территории размещения пленных до сокращения переписки и принятия других строгих мер по ужесточению режима содержания.

На страже государства – «армия порядка»

КТО-ТО ИЗ СОВРЕМЕННИКОВ графа Е.Ф. Комаровского назвал внутреннюю стражу «армией порядка». И он, по большому счёту, был прав. Начиная с 1815 года, после полного завершения Заграничных походов русской армии, возобновились мероприятия по развитию и совершенствованию внутренней стражи, начатые ещё до войны с Наполеоном.

30 марта 1816 года Александр I, благосклонно принявший все предложения Е.Ф. Комаровского и Главного штаба, утвердил росчерком «Быть по сему!» указ под названием «О именовании внутренней стражи Отдельным корпусом внутренней стражи». Текст документа был кратким и укладывался в одно лаконичное предложение: «Внутреннюю стражу именовать отныне Отдельным корпусом внутренней стражи, инспектора оной – командиром Отдельного корпуса внутренней стражи».

Все части и подразделения «войска внутреннего употребления» были сведены в корпус со стройной системой воинской подчинённости, организационной структуры и управления. Общая численность внутренней стражи составила около 112 тысяч

человек, что почти равнялось общей численности русской армии (120–130 тысяч), участвовавшей в Бородинском сражении. Из этого следует, что под рукой у графа Комаровского находилась полноценная военно-полицейская армия, а сам он, по сути, являлся её «главкомом».

Спустя два года, в феврале 1818-го, император утвердил новую подготовленную Е.Ф. Комаровским и его штабом дислокацию подчинённого ему войска. На документе Александр I собственноручно начертал следующую резолюцию: «Утверждая поднесённое вами расписание Отдельного корпуса внутренней стражи, с разделением на двенадцать округов, повелеваю привести оное в исполнение».

В результате реорганизации поменялась нумерация округов, дислокация штаб-квартир окружных генералов и некоторых бригад, часть батальонов сменила свою подчинённость. Теперь преобразованные округа охватывали меньшую территорию, что повышало их служебную эффективность, в них стало меньше бригад и батальонов, что, вне всяких сомнений, существенно облегчало управление, контроль и инспектирование частей.

Почти два года понадобилось Комаровскому на переформирование Инспекции внутренней стражи в Отдельный корпус и на то, чтобы утрясти все документальные формальности во всех инстанциях. Первый его выезд в войска с инспектированием состоялся только в середине лета 1819 года, когда Александр I решил посетить Варшаву и отдал распоряжение своему верному генерал-адъютанту заранее выехать в столицу Царства Польского. В этот период среди поляков происходило сильное «брожение умов», следовали многочисленные жалобы на действия местных властей. Для того чтобы разобратся на месте в сложившейся ситуации, в Польшу выехал император.

Пользуясь случаем, Е.Ф. Комаровский проинспектировал Псковский, Митавский, Виленский, Гродненский и Белостокский внутренние гарнизонные батальоны. По прибытии в Варшаву командир Корпуса внутренней стражи подал бывшему своему шефу польскому наместнику цесаревичу Константину Павловичу рапорт «о состоянии... корпуса, чем великий князь очень был доволен».

*Был в нём уверен
государь*

На обратном пути Е.Ф. Комаровский провёл инспектирование Минского, Могилёвского и Витебского гарнизонных батальонов, состоянием которых также остался доволен.

Централизованным органом управления всей служебно-боевой и повседневной деятельностью Отдельного корпуса внутренней стражи, вместо прежней канцелярии, явился военный штаб. Однако общая численность штаба, как и прежней канцелярии, была весьма незначительной, всего двадцать три должности: непосредственно начальник штаба в чине генерал-майора, обер-квартирмейстер – он же заместитель начальника штаба, дежурный штаб-офицер, четыре старших адъютанта, обер-аудитор и аудитор, старший унтер-офицер, десять писарей и три сторожа. Первым начальником штаба корпуса по представлению Е.Ф. Комаровского стал генерал-майор Семён Александрович Мухин – отличный штабист, организатор и управленец, участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

С 1797 года Мухин в свите императора Павла I, от которого получает ответственное задание – произвести топографические съёмки Крыма и прилегающих губерний с последующим составлением точных карт этих районов. Семён Александрович с высочайшим поручением справляется блестяще, за что получает внеочередной чин полковника.

Павлу I так понравились мухинские «уменьшенные изображения местности», что он именно ему поручает «снять карту Санкт-Петербурга и его ближайших окрестностей» с мельчайшими подробностями. Карта получилась великолепной, за что император жалует замечательному топографу «командорский крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского».

Новый император Александр I также не забывает незаурядного топографа и даёт ему задание составить карты некоторых западных приграничных губерний. Мухин с честью справляется с важным государевым поручением, за что награждается орденом Святой Анны 2-й степени, а спустя какое-то время производится в генерал-майорский чин. Не случайно в преддверии войны с Наполеоном государь именно ему повелевает заняться «исправ-

*Штаб-офицер внутренней стражи.
Рис. XIX в.*

лением Генеральной карты Российской империи». А военный историк Н.П. Глиноецкий отзывался о Мухине как об «отличном съёмщике», составившем «великолепную карту Крымского полуострова в масштабе 4 версты на дюйм», которая «вплоть до 1880-х годов считалась образцовой».

Генерал-майор С.А. Мухин вступил в должность начальника штаба ОКВС в августе 1816 года и руководил им около восьми лет, успешно организуя исполнение приказов и распоряжений командира корпуса, осуществляя руководство округами, бригадами и батальонами, организуя переписку с вышестоящим военным руководством, грамотно готовя отчёты и донесения о служебной деятельности корпуса.

Сменились и многие окружные генералы. Так, в 1818 году 1-й округ внутренней стражи со штаб-квартирой в Риге возглавил генерал-майор барон Антон

Медаль «За взятие Парижа»

Антонович Дельвиг – отец поэта Антона Дельвига, друга и однокашника А.С. Пушкина по Царскосельскому лицей. До этого назначения Дельвиг числился сначала полковником, а затем генерал-майором лейб-гвардии Измайловского полка.

Офицеры гвардии, особенно измайловцы, всегда оказывали друг другу помощь и содействие в продвижении по службе, помогали в трудных жизненных ситуациях. Так измайловец Дельвиг оказался во внутренней страже под командованием измайловца Комаровского.

Надо сказать, военная стезя генерала Дельвига была не из лёгких – он начинал военную службу сержантом, и только через 23 года дослужился до полковника. На его боевом счету участие «с отличием» в русско-шведской войне 1788–1790 гг. и польской кампании 1793–1794 гг. В числе его наград значатся такие ордена, как Святой Анны 2-й степени с алмазами и Святого Георгия 4-й степени – за 25-летнюю «беспорочную службу».

С 1796 года Антон Дельвиг – плац-адъютант, затем плац-майор в Москве, что по-нынешнему соответствует должности военного коменданта гарнизона. Проживал он на территории Московского Кремля в комендантском доме, где прошли детские годы его сына Антона, будущего поэта и соратника А.С. Пушкина.

Назначение генерала А.А. Дельвига командующим 1-м округом внутренней стражи считалось весьма ответственным, так как под юрисдикцию округа

подпадали все прибалтийские губернии, где не всегда было спокойно, а также Псковская, граничившая со столичной Санкт-Петербургской губернией.

В 1819 году Дельвига переводят окружным генералом во 2-й округ внутренней стражи со штаб-квартирой в Витебске. Здесь под его юрисдикцией ни много ни мало четыре губернии – Витебская, Смоленская, Могилёвская, Калужская. В его подчинении две бригады, состоящие из четырёх гарнизонных батальонов, столько же жандармских команд, а также около трёх десятков уездных рот и команд. С этими весьма скромными силами генерал Дельвиг около десяти лет успешно исполнял возложенные на него обязанности по «охранению тишины и спокойствия» в столь обширном регионе.

После Отечественной войны 1812 года и окончания Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов внутренняя стража пополнилась большим количеством нижних чинов, офицеров и даже генералов, являвшихся участниками боевых действий против Наполеона. Есть достоверные данные о том, что когда в 1830 году военнослужащих – участников Заграничных походов отмечали медалью «За взятие Парижа», то лишь в 5-й округ внутренней стражи было выслано 479 таких памятных наград.

Вот только два генерала с их краткими биографическими данными, которые отличились в войне с французами, а затем продолжили службу во внутренней страже под командованием графа Е.Ф.Комаровского.

В феврале 1821 года на пост командующего 4-м округом внутренней стражи со штаб-квартирой в Херсоне заступил бывший конногвардеец генерал-майор Иван Григорьевич Гейденрейх. Его живописный портрет кисти английского художника-портретиста Джорджа Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца в ряду героев Отечественной войны 1812 года.

Генерал Гейденрейх – ровесник графа Комаровского и военную службу также начинал с малых чинов в императорской гвардии. Его путь к офицерским эполетам длился десять лет – с нижнего чина конногвардейского капрала. За время военной службы Гейденрейх накопил солидный боевой опыт: отличился в известных сражениях с францу-

Был в нём уверен
государь

Генерал-майор Антон Антонович Дельвиг (отец).
С акварели неизв. худ.

зами при Пултуске, Прейсиш-Эйлау и Фридланде. Находясь в боевых порядках, был ранен в левую руку, но поля боя не покинул и продолжал руководить подчинёнными, за что награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость» и назначен командиром Костромского пехотного полка.

Затем Гейденрейх принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и Отечественной войне 1812 года. Одна из его боевых наград – высший военный орден Святого Георгия 4-й степени. В описании боевых подвигов георгиевского кавалера говорилось: «В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в кампанию против французских войск в 1812 году, а особенно 31 июля при Городечне, где, содержа Костромской пехотный полк в совершенном порядке во всё время сражения, подавал собою лично всем чинам пример, а когда стрелки вверенного полка потеснены были превосходящими неприятельскими силами, то с первым батальоном пошёл к ним на подкрепление и остановил движение неприятеля...».

За беспримерное мужество, храбрость и боевые отличия, «оказанные в наполеоновских войнах», Костромскому пехотному полку была пожалована коллективная награда – Георгиевские серебряные трубы с гравированным кратким описанием подвигов. А его бесстрашного командира полковника И.Г. Гейденрейха произвели «за особые отличия» в генерал-майоры.

Остановимся на биографии ещё одного боевого генерала – Николая Михайловича Арсеньева. Он выходец из старинного и многочисленного рода дворян Арсеньевых, одной из представительниц которого была теща Е.Ф. Комаровского – Евдокия Дмитриевна Цурикова, в девичестве Арсеньева.

Карьера Николая Арсеньева начиналась с невероятно стремительного взлёта. В двадцать один год, сразу после выпуска поручиком из Сухопутного шляхетского корпуса, он «был вытребован к генерал-прокурорским делам», переаттестован в гражданский чин коллежского асессора и определён обер-прокурором в губернский город Иркутск, являвшийся в ту пору столицей всей Восточной Сибири. Но по прошествии пяти лет службы на прокурорском поприще он возвращается в армию сразу в чине майора.

Обучение рекрут в уездной команде внутренней стражи.

Рис. XIX в.

В 1794 году Арсеньев в составе войск А.В. Суворова участвует в подавлении Польского восстания под руководством Костюшко. Во время штурма предместья Варшавы, которое называлось так же, как и столица Чехии – Прага, храбрый офицер получил ранение в обе ноги. За отличия его наградили чином подполковника и золотым крестом «За труды и храбрость».

Позже Н.М. Арсеньев, будучи генерал-майором и шефом Навагинского мушкетёрского полка, участвовал в известных сражениях с французами под Пултуском, Прейсиш-Эйлау и Гейльсбергом. За храбрость награждён орденом Святого Георгия 4-й степени со следующей формулировкой в указе: «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск 29 мая 1807 г. при Гейльсберге, где командовал порученною частью с неустрашимостью и искусством».

В 1809 году Арсеньев был вынужден подать в отставку «за отягчением ран», но в 1812 году, когда французы вторглись в Россию, он, как истинный патриот, вступил в ополчение, сформировал 7-й пехотный полк Московской военной силы, с которым отправился в действующую армию. В решающих для России сражениях при Бородино, Тарутине, Малоярославце и Красном генерал-майор Арсеньев командовал ополченческой дивизией. Затем занимался организацией отправки в дейст-

*Был в нём уверен
государь*

ную армию выздоравливающих после ранений солдат и офицеров.

Во внутренней страже Н.М. Арсеньев прослужил около девяти лет, командуя округами в Орле и Туле. После чего окончательно вышел в отставку с полным «пенсионом и мундиром».

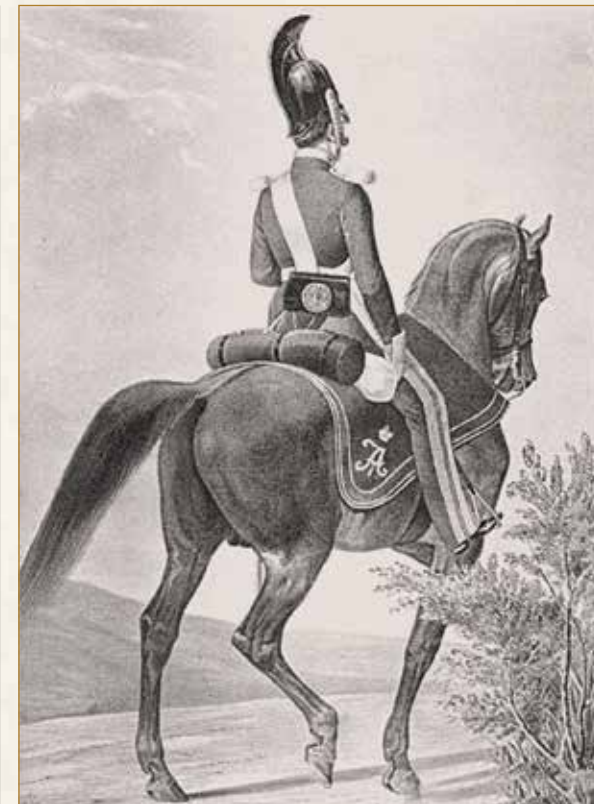
Надо сказать, что генералы и офицеры, участники Отечественной войны 1812 года, используя свой богатый фронтовой опыт, а также навыки руководства соединениями и частями в сложной боевой обстановке, сумели поднять служебную деятельность вверенных им объединений внутренней стражи на новый, более высокий уровень. Что, в свою очередь, дало Е.Ф. Комаровскому возможность сдерживать возникавшие то тут, то там беспорядки и достойно обеспечивать «тишину и спокойствие» в государстве.

Жандармский «спецназ»

В 1817 ГОДУ по инициативе Е.Ф. Комаровского, поддержанной императором Александром I, корпус внутренней стражи был усилен специальными конно-жандармскими формированиями, способными более оперативно решать задачи по поддержанию порядка в «обеих столицах» – Санкт-Петербурге и Москве, а также в крупных губернских и портовых городах. Так во внутренней страже появился своего рода «жандармский спецназ» – конные жандармские дивизионы и команды, элита Отдельного корпуса внутренней стражи.

О «необходимости и пользе» конных подразделений в составе внутренней стражи говорилось ещё в самом начале формирования «оной стражи». Но претворению в жизнь этих планов помешали угроза войны с Наполеоном, а также другие неотложные дела по укреплению армии в целом. Поэтому решили до лучших времён полицейско-драгунские эскадроны и команды оставить, как и прежде, в гражданском подчинении.

Вернулись к этому вопросу после полного завершения боевых действий с наполеоновской Францией. К тому времени вопрос создания мобильных конных подразделений стал актуальным и требо-

Унтер-офицер жандармского дивизиона.

Рис. XIX в.

вал немедленного разрешения. Гарнизонные батальоны и уездные команды, постоянно загруженные караульной службой, зачастую были не в состоянии оперативно реагировать на возникавшие то тут, то там массовые беспорядки, стихийные бунты и «народные буйства». Самой мобильной военной силой в те времена была кавалерия. На конных подразделениях и остановились.

1 февраля 1817 года император росчерком пера «Быть по сему!» утвердил «Положение для жандармов внутренней стражи» – основной правовой документ, регламентировавший организационную структуру и служебную деятельность этой военно-полицейской силы.

Любопытно происхождение понятия «жандарм». Словосочетание *gens d'armes* в переводе с французского имело несколько значений – «всадник, закованный в железо», «вооружённый человек», «рыцарь из личной королевской гвардии».

Позже в европейских странах жандармерией стали называть вооружённые полицейские формирования с военной организацией и дисциплиной. Жандармерия появилась во Франции в 1445 году как военно-полицейские формирования многоцелевого назначения, выполняющие функции охраны правопорядка как в армии, так и внутри страны.

В России название «жандармерия» впервые упоминается в 1792 году в связи с учреждением особой конной команды в составе гатчинских войск великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I.

Этим опытом решил воспользоваться и русский император Александр I – создать нечто подобное в России. Вскоре начальник Главного штаба генерал-фельдмаршал П.М. Волконский получил от государя указание, «дабы внутренняя стража могла более ответствовать цели своего предназначения, соединяя в себе все способы, тому содействующие», незамедлительно сформировать в её составе мобильные жандармские подразделения. Что и было вскоре сделано.

В обеих столицах – Санкт-Петербурге и Москве – сформировали по одному жандармскому дивизиону, а в некоторых губернских и портовых городах Европейской России – 56 конных жандармских команд. Основой послужили прежние полицейско-драгунские эскадроны и команды. Однако своего значения как политическая полиция эти формирования ещё не имели и играли в основном роль обычной полиции с функциями охраны порядка.

Численность конно-жандармских подразделений внутренней стражи, по современным меркам, была незначительной: дивизионы двухэскадронного состава насчитывали чуть более трёхсот всадников, а команды – от пятнадцати до тридцати вооружённых верховых стражей порядка.

Ставку делали не на количественный, а на качественный критерий. А посему отбор личного состава для службы в жандармских подразделениях был строжайшим. Главное требование – «как офицеров, так и нижних чинов выбирать для сего исправнейших, способнейших и преимущественно служивших в кавалерии» – выполнялось в корпусе внутренней стражи неукоснительно. Высокий рост, безупречная строевая выправка, отличное владение холодным и огнестрельным оружием,

безукоризненная выездка, красивая форма одежды выигрышно отличали жандармов от остального служивого люда. Их светло-синие жандармские мундиры имели жёлтые (цвет приборного сукна внутренней стражи) лампасы и выпушки.

Вскоре «голубой» жандармский мундир становится заветной и зачастую несбыточной мечтой многих молодых кавалерийских офицеров. Не чурались примерить шикарную униформу блюстителя порядка и военные из высшего общества – дворянского происхождения. К примеру, младший брат поэта Александра Пушкина – Лев Пушкин, после выхода в отставку из Департамента духовных дел в 1826 году, где он «тяготился своей должностью с первого дня и всё норовил от неё отделаться», попытался устроиться на военную службу младшим офицером в Санкт-Петербургский жандармский дивизион.

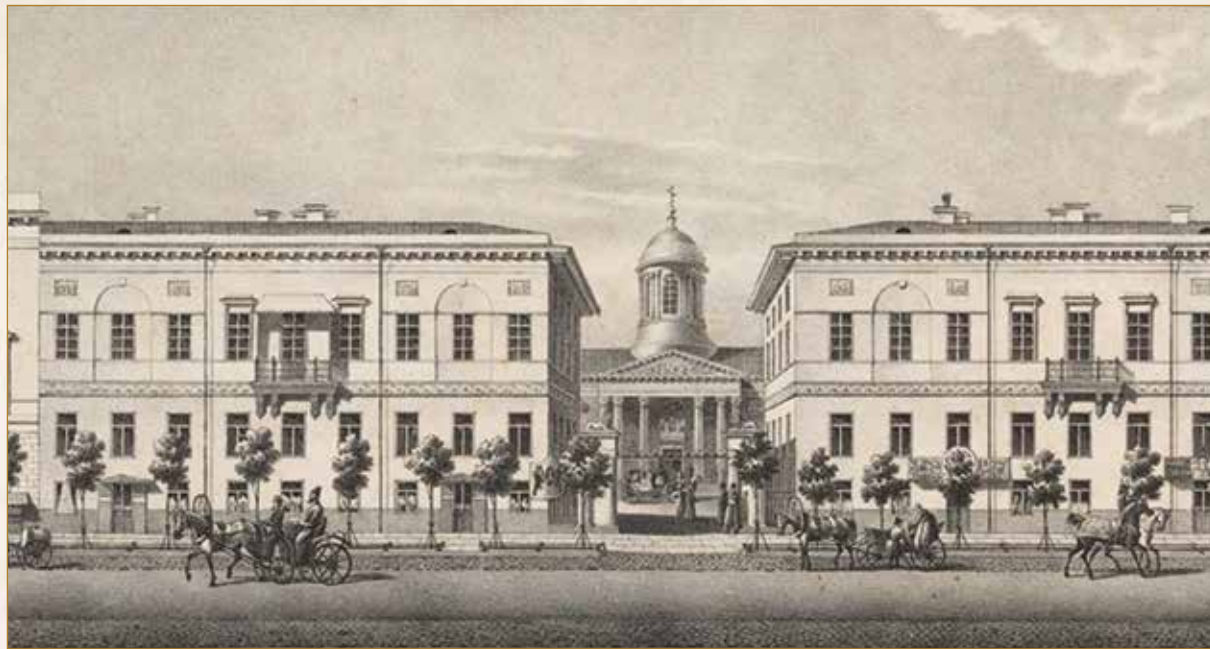
Но из этой затеи у него ничего не вышло, слишком высокими морально-нравственными качествами надобно было обладать, чтобы с честью носить мундир «небесно-голубого» цвета. А Лев Пушкин, чего греха таить, в молодости был не прочь и погулять, и покутить. Однажды его старший брат даже подарил «милостивому государю братцу Льву Сергеевичу» с прозрачным намёком книгу под названием «О запое и о лечении одного».

В своей деятельности кавалеристы от полиции строго придерживались требований высочайше утвержденного «Положения для жандармов внутренней стражи», которое постоянно дополнялось и изменялось в зависимости от ситуации в стране. Согласно нормативным документам жандармы внутренней стражи «состоят под непосредственным управлением своих воинских начальников, кои находятся в точном ведении командующего Отдельным корпусом внутренней стражи». Из этого следовало, что жандармские команды губернских и портовых городов находились в полном подчинении у командиров батальонов внутренней стражи. Исключение составляли жандармские дивизионы «обеих столиц». Они имели двойное подчинение:

Рядовой губернской жандармской команды.

Рис. XIX в.

Панорама Невского проспекта.

Справа – дом, в котором в 1814–1820 гг. жил со своей семьёй граф Е.Ф. Комаровский.

Худ. В. Садовников

по службе – обер-полицмейстерам Санкт-Петербурга и Москвы, во всём остальном – непосредственно окружным генералам внутренней стражи, которые имели «над жандармами своих округов всю ту власть, какая предоставлена им в отношении к внутренним гарнизонным батальонам».

И ещё одна любопытная деталь: император своим указом возложил на городские думы содержание жандармских эскадронов, их «исправное продовольствие и снабжение». Опыт, вполне приемлемый в любые времена и при любой власти: не можете с помощью разумных законов и распоряжений содержать город в порядке, тогда содержите за счёт городских бюджетов силы правопорядка.

Обязанности жандармских подразделений были аналогичны функциям батальонов внутренней стражи. Но в дополнение к ним предписывалось следующее: по требованию губернских властей конные стражи закона «были непременно употребляемы для удержания полицейского порядка» на всевозможных массовых мероприятиях, народных гуляньях,

больших ярмарочных торгах, крупных церковных празднествах. Им поручалась охрана и сопровождение транспортов с государственными ценностями особой важности. В их компетенцию входила также поимка особо опасных государственных преступников, их охрана и конвоирование. Причём в «Положении» строго оговаривалось, что за «все последствия от употребления жандармов внутренней стражи» отвечает губернская власть.

Около двух десятков лет жандармские дивизионы и команды находились в составе Отдельного корпуса внутренней стражи. За этот период они превратились в слаженные, хорошо организованные спецподразделения. Но в 1836 году их передали в полное подчинение шефу III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А.Х. Бенкендорфу. Конные подразделения вошли в состав Отдельного корпуса жандармов – специального военного формирования, выполнявшего сначала в составе III отделения, а затем Министерства внутренних дел роль политической полиции. Вплоть до революционных потрясений 1917 года конный жандармский «спецназ» использовался в интересах борьбы с государственными преступлениями и для подавления революционного движения.

*Был в нём уверен
государь*

Генерал-адъютант граф А.Х. Бенкендорф.

Худ. Е. Ботман

ГЛАВА VI

«Я сей службы твоей никогда не забуду»

И всплыл Петрополь, как Тритон

В НОЯБРЕ 1824 ГОДА во время самого грозного за всю историю Санкт-Петербурга наводнения командиру Отдельного корпуса внутренней стражи графу Е.Ф. Комаровскому довелось вместе со своими подчинёнными принимать участие в спасении жителей столицы и ликвидации последствий стихийного бедствия. Это был первый масштабный городской потоп из череды подобных стихийных бедствий, который общественное мнение столицы восприняло чуть ли не как вселенскую катастрофу.

Ещё со времён Петра Великого новая российская столица, выстроенная на низких, заболоченных берегах Невы, страдала от разлива реки, когда сильный ветер с Балтики гнал волны в устье Невы. По роковому стечению обстоятельств причиной смерти первого русского императора явилось именно наводнение, произошедшее в октябре 1724 года. Царь Пётр тогда сильно простудился, лично спасая тонувших в ледяных водах Финского залива солдат, и спустя несколько месяцев – в начале

1725-го – умер от пневмонии, не успев оставить завещания о престолонаследии.

Но самое разрушительное наводнение за всю историю города на Неве произошло спустя ровно 100 лет – 7 ноября 1824 года. В этот день подъём воды достиг максимального уровня за все годы наблюдения и составил более четырёх метров выше ординара.

Рано утром в этот день Комаровского разбудил рёв ветра и рокот воды, которая «чрезвычайно поднялась в каналах и сильно в них волновалась». Уже к 10 часам утра Нева покрылась пенными волнами, которые с ужасающим грохотом и брызгами разбивались о гранитные берега. Река из окон верхних этажей домов представлялась их обитателям кипящей пучиной, над которой простирался густой туман.

Евграф Федотович чутьём профессионала, не раз участвовавшего в различных мероприятиях чрезвычайного характера, понял, что город ожидает небывалое бедствие, и поспешил в штаб вверенного ему корпуса для организации спасательных мероприятий.

«1824-го года, в ноябре месяце, когда Петербург подвергся небывалому доселе наводнению, я был употреблён деятельным образом» – такими сухими казёнными строчками начинается собствен-

Генерал-адъютант свиты

Его Императорского Величества в колонне.

Худ. О.К. Пархаев

норучное описание участия Е.Ф. Комаровского в ликвидации последствий самого разрушительного наводнения в Санкт-Петербурге. Но из-за скромной оценки Евграфом Федотовичем своей роли в спасательных мероприятиях придётся привлекать воспоминания современников, чтобы в полной мере оценить участие Комаровского в восстановлении городского хозяйства и оказании помощи жителям, пострадавшим от ужасной стихии.

Вот, например, другое свидетельство страшной природной катастрофы, русский поэт А.С. Пушкин невероятно точно описал все обстоятельства страшной ноябрьской ночи 1824 года в поэме «Медный всадник»:

*Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало; всё вокруг
Вдруг опустело – воды вдруг
Втекли в подземные подвалы
К решёткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как Тритон,
По пояс в воду погружён.*

В день наводнения дежурным генерал-адъютантом при императоре состоял приятель Евграфа Федотовича граф А.Х. Бенкендорф. На него и легла основная ответственность за организационно-спасательные мероприятия в городе.

Рано утром 8 ноября граф Комаровский, уже занимавшийся спасением людей с помощью размещённых в столице вверенных ему подразделений внутренней стражи, был срочно вызван к Александру I. Там уже находились продолжавший дежурить при императоре генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф, ещё один генерал-адъютант, командир резервного кавалерийского корпуса Н.И. Депрерадович.

Указания императора были по-военному чётки и лаконичны: в столице, применительно к современной терминологии, он ввёл чрезвычайное положение. Вот свидетельство генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского, приведённое им в своих «Записках...»: «Нас вызвали немедленно в кабинет императора. Государь нам сказал:

*Наводнение в Санкт-Петербурге 1824 г.
Гравюра XIX в.*

– Я призвал вас, господа, чтобы вы подали самую деятельную и скорую помощь несчастным, пострадавшим от ужасного вчерашнего происшествия, – и у него приметны были слезы на глазах. – Я уверен, что вы разделяете мои чувства сострадания, – и продолжал говорить с таким чувствительным красноречием, что мы сами были чрезмерно тронуты. – Я назначаю вас, – присовокупил император, – временными военными губернаторами заречных частей города... Вот вам инструкция, наскоро составленная; сердца ваши её дополняют».

Покинув императорский дворец, генерал-адъютанты тут же поспешили исполнять государево поручение – бороться с последствиями наводнения, организовывать помощь пострадавшим, разбирать завалы, восстанавливать жилища. Кстати, у А.С. Пушкина, которого трудно заподозрить в пиетете к самодержавной власти, эпизод отдачи распоряжений генерал-адъютантам изложен в «Медном всаднике» весьма точно:

*Царь молвил – из конца в конец,
По ближним улицам и дальним
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.*

Энергичный и активный граф Комаровский деятельно и решительно приступил к выполнению государева поручения. На базе штаба Санкт-Петербургского батальона внутренней стражи он разме-

*«Я сей службы твоей
никогда не забуду»*

*Табличка с отметкой уровня воды при наводнении
7 ноября 1824 года на стене дома
в центре Санкт-Петербурга*

стил временную канцелярию (своего рода оперативную группу), управление которой поручил своему дежурному штаб-офицеру Репешко. Сюда стекалась вся оперативная информация по району бедствия, на основании которой незамедлительно вырабатывались и принимались решения. Здесь же находились адъютанты командующего внутренней стражи офицеры Жеребцов, граф Толстой и Воронковский, которые «были употреблены по разным предметам».

Офицеры внутренней стражи оказались незаменимы не только в обеспечении порядка, но прежде всего при организации всевозможных неотложных мероприятий. Так, надзор за восстановлением и строительством домов Комаровский поручил по квартирмейстерской части поручику барону Корфу с привлечением архитектора В.И. Беретти, проживавшего здесь же, на Петербургской стороне. Исправление фонарей, починку полицейских будок и заборов возложил на своего офицера по особым поручениям майора Кельчевского. И они с честью справлялись со сложнейшими и, казалось бы, не свойственными им задачами.

Финансовые вопросы также были разрешены быстро, без обычных бюрократических проволоч-

чек: денежные средства на первые, самые необходимые расходы в достаточном объёме были выделены Министерством финансов. Евграфу Федотовичу, которого царь почитал одним из самых честных, порядочных и исполнительных придворных, достался самый тяжёлый участок – Петербургская сторона, застроенная в основном одноэтажными деревянными домами и заселённая бедными горожанами. Современники, пережившие страшный удар стихии, свидетельствовали: «Нигде бедствие не было столь ужасно, как на Петербургской стороне. И вообще в местах низких, заселённых деревянными строениями. Там большая часть домов была повреждена. Иные смыты до основания, все заборы ниспровергнуты, и улицы загромождены лесом, дровами и даже хижинами».

Комаровский вместе с офицерами внутренней стражи уже на следующий день организовал широкую масштабную спасательно-поисковую и восста-

новительную операцию. Переданные в его подчинение воинские подразделения и сформированные из местных жителей строительные бригады днём и ночью разбирали завалы, восстанавливали мосты, ремонтировали пострадавшие жилые дома и возводили новые жилища. Он также разослал нарочных в близлежащие деревни, чтобы немедленно возвратить в город стекольщиков, печников и плотников, которые по случаю наступления зимы и отсутствия заказов разошлись по домам.

В своих воспоминаниях граф Е.Ф. Комаровский отмечал: «Из обывателей избраны были надёжные и честные люди, которые раздавали в каждом квартале пищу, состоящую в скоромные дни из щей с говядиной, а в постные из кашицы со сметками, гречневой каши и хлеба с солью. При всяком из сих раздавателей пищи находился офицер из внутренней стражи с двумя рядовыми для порядка. Сначала раздавалось до 2-х тысяч порций ежедневной пищи, а когда устроены были в домах бедных печи, то отпускали им и дрова, и муку. При гарнизонном батальоне, расположенном на Петербургской стороне, учреждена была швальня, в которой шили армяки, тулупы и раздавалась прочая одежда и обувь как для мужчин, так и для женщин».

Так как на бедной Петербургской стороне не было больших каменных строений, Комаровскому было довольно сложно организовать размещение людей, лишившихся крова. Однако и здесь, как вспоминал Евграф Федотович, «нашлись благотворные люди», давшие приют пострадавшим. Например, сыновья некоего подполковника Иванова, учредившего перед своей смертью пансион для призрения лишившихся родителей детей, «пожертвовали домом своим для помещения... до 40 семейств». А после того как жилища пострадавших были отремонтированы, в «пансионе братьев Ивановых» граф устроил лазарет для больных на 100 кроватей.

Генерал-адъютант Комаровский, имея большой организаторский опыт, и на этот раз успешно справился с возложенными на него задачами. Ему удалось сдержать взвинчивание цен на товары первой необходимости, которые дельцы-торговцы кое-где пытались раздуть до запредельных размеров. Также в районе стихийного бедствия за-

ботами Комаровского и подчинённых ему офицеров не было допущено возникновения эпидемий. А такая опасность была: после спада воды в домах и на городских улицах осталось немало тел петербуржцев и трупов животных, погибших во время наводнения. Для обеспечения порядка и предотвращения мародёрства опытный в подобных делах генерал расставил по всему пострадавшему от стихийного бедствия району караульных от внутренней стражи.

На третий день, 10 ноября, Петербургскую сторону столицы осмотрел лично Александр I и ознакомился с ходом работ, организованных его верным генерал-адъютантом. Император дал высокую оценку его стараниям.

«Я встретил государя, – вспоминал Е.Ф. Комаровский, – как он изволил выходить из кареты... Приметно было, что государь внутренне страдал... и присовокупить изволил:

– Я бывал в кровопролитных сражениях, видел места после баталий, покрытые бездушными трупами, слышал стоны раненых, но это неизбежный жребий войны; а тут увидел людей, вдруг, так сказать, осиротевших, лишившихся в одну минуту всего, что для них было любезнее в жизни; сие ни с чем не может сравниться».

О том, как проходили восстановительные работы, и о возникавших при этом трудностях, Комаровский ежедневно докладывал столичному генерал-губернатору графу М.А. Милорадовичу. Но для государя под председательством Комаровского составлялась «общая ведомость», из которой было видно, что сделано и какие дополнительные силы и средства требовались для завершения восстановительных мероприятий. «Его величество повелел, – отмечал Е.Ф. Комаровский, – чтобы все председатели частных комитетов собирались у меня и... по общему совещанию представляли... требуемое от них мнение для доклада государю».

Спустя несколько месяцев после наводнения Петербургскую сторону столицы вновь посетил государь, который, по воспоминаниям Комаровского, «приятно был удивлён... найдя всё восстановленным и в лучшем, нежели прежде, виде и в такое короткое время».

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

Генерал от инфантерии граф М.А. Милорадович.
Худ. Дж. Доу

Александр I не ошибся в своём выборе, когда поручал именно командующему внутренней стражей приводить в порядок наиболее пострадавший от наводнения район столицы.

В награду «за скорые и деятельные меры в... подании первоначальной помощи жителям» и ликвидации последствий наводнения император с чувством удовлетворения и благодарности удостоил графа особой, личной награды – вручил осыпанную бриллиантами золотую табакерку со своим «августейшим» портретом. Таким образом, самодержец отмечал своих приближённых, заслуживающих его особенное благорасположение за государственный подход к порученному делу, бескорыстную службу и усердие.

*Я ожидаю от вас, любезный граф,
большой себе услуги...*

ВО ВРЕМЯ СОБЫТИЙ 14 декабря 1825 года, пафетично названных позже большевиками «восстанием декабристов», генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский проявил себя убеждённым сторонником православной монархии, верным долгу и присяге.

Вот краткая хронология болезни и смерти Александра I. В сентябре 1825 года император выехал на юг под предлогом поправления здоровья своей супруги. Грудная болезнь – чахотка – требовала неотложного климатического лечения. Врачи указали на Таганрог как на подходящий по климату город южной России. Устроив императрицу в Таганроге во временном дворце, Александр отправился в Крым для осмотра войск, укреплений и военных поселений.

На пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь царь не поберегся – сильно простудился, ибо ехал верхом в одном мундире при сыром, пронизывающем ветре. 5 ноября он возвратился в Таганрог уже тяжелобольным. Лейб-медики констатировали: простуда перешла в лихорадку. Через два дня болезнь императора резко обострилась. Приступы болезни царя делались всё сильнее и продолжительнее. 14 ноября царь впал в беспамятство. Врачебный консилиум установил, что надежд на

выздоровление нет. 16 ноября царь «впал в летаргический сон», который сменился в последующие дни конвульсиями и агонией. 19 ноября в 11 часов утра он скончался.

«Когда о болезни государя сделалось известно, – с болью писал его верный генерал-адъютант граф Е.Ф. Комаровский, – я всякий день ездил в Зимний дворец, чтобы узнавать о получаемых о том сведениях. В одно утро я приезжаю во дворец и при входе в первую комнату вижу фельдгегера с сумкой на груди; я спрашиваю у него, откуда он приехал. Он мне отвечал:

– Из Таганрога.

Я продолжал:

– Каков государь?

Фельдгегер тихо мне сказал:

– Скончался.

Я не могу изобразить, что я почувствовал, услышавши сию ужаснейшую весть».

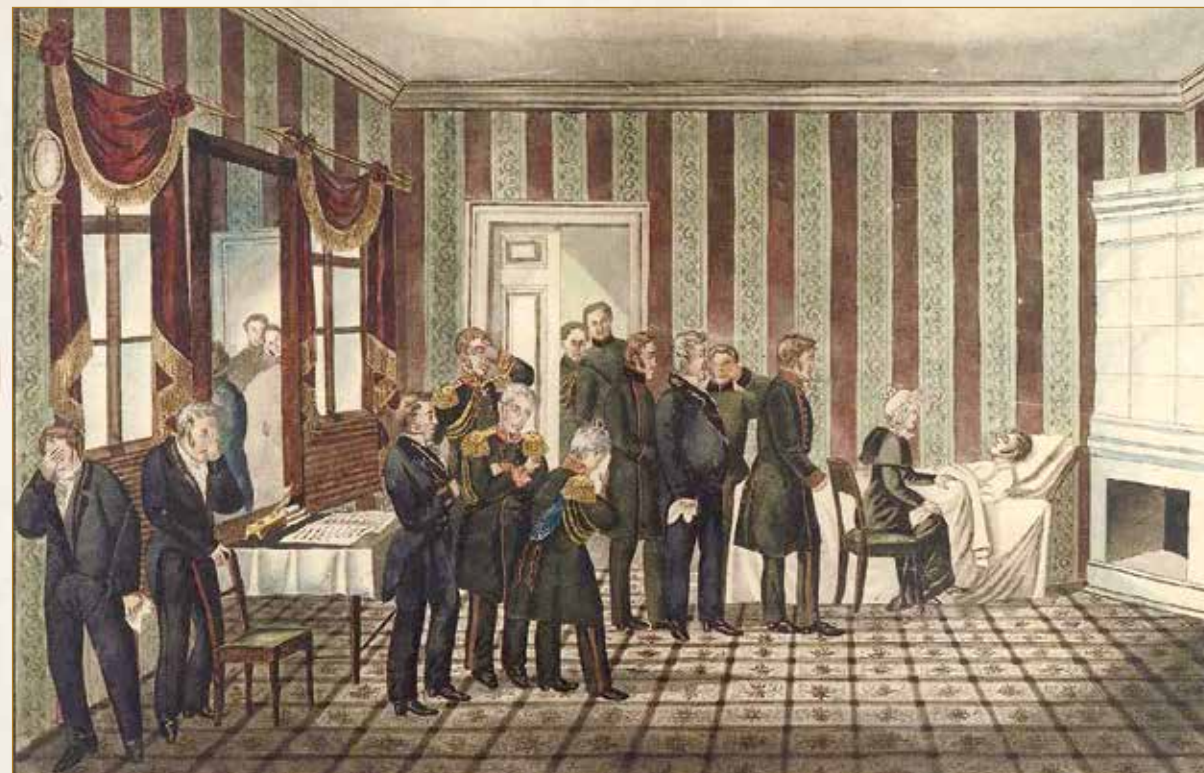
По закону права престолонаследования должны были перейти к среднему брату царя – Константину. Но он не хотел возлагать на себя бремя императорской власти. Поэтому ещё 16 августа 1823 года Александр I издал секретный манифест, в котором принял отречение Константина от престолонаследия и назначил своим законным преемником младшего брата Николая. Но в интересах спокойствия в государстве этот документ не только не был опубликован, о нём знали лишь 3–4 члена царской семьи.

И когда весть о смерти императора достигла Санкт-Петербурга, столица, а затем и вся страна стали спонтанно присягать «императору Константину», который, будучи наместником в Польше, находился в Варшаве.

Николай же, зная об отречении брата, при первых сообщениях о болезни Александра собрал ближайшее окружение и объявил о своих правах на престол. Но некоторые его приближённые заявили, что отречение Константина, сделанное им в частном порядке, не имеет силы и должен быть официальный манифест об этом. Однако Константин, узнав о смерти Александра, официально подтвердил свой отказ занять престол.

Тем временем власти назначили «переприсягу» новому императору Николаю I на 14 декабря. И

*«Я сей службы твоей
никогда не забуду»*

именно в этот же день заговорщики – члены тайной организации под названием «Северное общество» с целью помешать привести солдат к присяге новому царю, вывели к Сенату верные им гвардейские полки. С помощью оружия восставшие планировали арестовать членов царской семьи и заключить в Петропавловскую крепость. Не исключалось даже убийство Николая I и всей императорской семьи.

Но у заговорщиков что-то пошло не так. На Сенатскую площадь было выведено и построено в каре лишь 800 солдат лейб-гвардии Московского полка. И только к середине дня подошли ещё около 1500 чинов Гвардейского морского экипажа, которые даже не подозревали об истинных целях выступления. Им было сказано, что Николай хочет завладеть престолом вопреки законному наследнику Константину, арестованному по дороге из Варшавы.

Малообразованные солдаты, сами того не осознавая, выступали не за республику или конституционную монархию и даже не за отмену крепостного права, а сбитые с толку своими офицерами, требовали на престол «царя Константина и его жену Конституцию». Современники вспоминают,

*Смерть императора Александра I
в городе Таганроге 19 ноября 1825 года.*

Гравюра худ. А. Афанасьева

что многие мятежные солдаты были пьяны, их соблазняли перспективой больших денег, которые якобы выплатит им Константин Павлович после победы восстания.

Граф Е.Ф. Комаровский одним из первых среди царедворцев присягнул новому, и заметим, законному императору. Николай I полагался на него как на одного из самых верных слуг монархии и рассчитывал на его поддержку. И в своём выборе государь не ошибся. За это некоторые писатели, приверженцы соцреализма в литературе, причислив Комаровского к душителям свободы и лстивым царедворцам, выставляли его в своих творениях жестоким и грубым царским сатрапом, из-за чего он на десятилетия оказался вычеркнутым из отечественной истории.

Находясь рядом с императором, командир Отдельного корпуса внутренней стражи деятельно

включился, как бы сказали сегодня, в процесс мирного разрешения конфликта. Рискуя жизнью, он лично объезжал каре мятежных полков, уговаривая офицеров прекратить «охватившее их безумие» и увести войска в казармы. Однако «горячие головы» его не слушали и продолжали упорствовать.

Граф, как никто другой, понимая, в какую пропасть могут завести Россию «передовые» идеи новоявленных «потрясателей» государственных устоев, продолжая рисковать жизнью, пытался остановить дальнейшее непредсказуемое развитие событий. Уж он-то, свидетель политической драмы свержения королевской власти во Франции, своими глазами видел весь революционный ужас, охвативший страну галлов и выплеснувшийся за её пределы. Такого страшного удела, что понесли французы во время термидорианского террора, для России Комаровский не желал.

Вот как выглядят уже известные нам события в описании самого командира Отдельного корпуса внутренней стражи генерал-адъютанта Евграфа Федотовича Комаровского: «В день восшествия на престол императора Николая Павловича, 14 декабря 1825 года, после присяги я возвратился домой, с тем чтобы в час пополудни ехать опять во дворец к молебну. Желая иметь обнародованный по сему случаю манифест, я послал купить один экземпляр одного в сенатскую типографию старшего адъютанта штаба моего, поручика Жукова. Он через несколько времени возвращается и с встревоженным видом говорит мне:

– Бунт! Вся площадь Сенатская наполнена солдатами, которые кричат: «Ура, Константин!» И множество ещё со всех сторон бегут туда и солдат, и народа.

Я тотчас же приказал заложить себе карету и поехал к Зимнему дворцу. Площадь уже вся была наполнена народом; я вышел из кареты и, видя государя верхом перед первым батальоном Преображенского полка, удивился, что никого из генералов при нём не было; когда я подошёл к его величеству, он мне сказал:

– Представь себе, есть люди, которые, к несчастью, носят один с нами мундир и называют меня самозванцем. Ты слышишь этот крик и выстрелы, но я им покажу, что я не трушу.

Скоро после того я увидел генерал-адъютанта князя Трубецкого, Кутузова, Васильчикова, Левашёва и Бенкендорфа, приехавшего донести, что полк конной гвардии идёт, и действительно, он начал выстраиваться спиной к дому князя Лобанова. Между тем крики и выстрелы на Сенатской площади продолжались. Санкт-петербургский военный губернатор граф Милорадович, узнавши о сём возмущении, поехал верхом, чтобы вразумить сию бунтующую толпу, но получил две тяжёлые раны, от которых через несколько часов умер».

После того как Пётр Каховский смертельно ранил графа Милорадовича, Евграф Федотович предпринял попытку вразумить бунтовщиков. Он, рискуя вслед за своим боевым товарищем получить пулю, обратился к офицерам и нижним чинам Гвардейского флотского экипажа. Напоминая о чести и воинском долге, призывал их одуматься и вернуться в казармы. Увы, к его словам остались глухи и те и другие.

Когда время призывов и переговоров закончилось, именно генерал Комаровский привёл к площади оставшийся верным присяге и самодержцу 1-й батальон лейб-гвардии Финляндского полка. И, сосредоточив его на Исаакиевском мосту, отрезал бунтовщикам последний путь к отступлению.

Вот что в это время происходило на Сенатской площади и вокруг неё, как это отложилось в памяти самого графа Е.Ф. Комаровского: «Государь, великий князь и все бывшие тут поехали к Гвардейскому экипажу. Люди держали ружья у ноги и говорили, что они присягнули Константину Павловичу, и если он сам приедет и скажет, что он освобождает их от присяги, то они готовы присягнуть Николаю Павловичу. Великий князь Михаил Павлович им на сие сказал, что он только сейчас приехал из Варшавы, что великий князь Константин Павлович сам присягнул императору Николаю Павловичу, что они знают привязанность его к цесаревичу, и его именем он приказывает им присягнуть законному императору Николаю Павловичу. Но солдаты всё одно говорили. Я подъехал к одному из них и сказал:

– Что вы ещё упорствуете, вы знаете, что вам за это будет худо.

Он мне отвечал:

– Вам, изменникам–генералам, нужды нет всякий день присягать, а мы присягой не шутим.

Из сего ответа видно, как сильно были они злоумышленниками настроены».

Когда читаешь эти строки, то явственно понимаешь, какими наивными дилетантами были декабристы, которые, не имея чёткого плана свержения самодержавия, а также твёрдого и решительного руководства, выглядят абсолютными бездарностями со своими ничтожными потугами изменить политический строй и взять власть в свои руки.

Среди финляндцев оказалось немало офицеров, твёрдо стоявших на стороне законной власти. Также не нарушил воинской присяги и приказа своих командиров караул от этого же полка, которым командовал поручик Зейфарт. По пути следования к зданию Адмиралтейства караульное подразделение пытались задержать и переманить на свою сторону «возмутившиеся роты Московского полка, стремившиеся на Сенатскую площадь».

Декабрист прапорщик Михаил Бестужев с обнажённой саблей в руке угрожал караульному

*Лейб-гвардии Конный полк во время восстания
14 декабря 1825 г. на Сенатской площади.*

Худ. В.Ф. Тимм

офицеру убийством, требуя присоединиться к восставшим. На что Зейфарт твёрдо заявил, что ему приказано идти в караул и «он выполнит свой долг, несмотря ни на что». Со своими верными солдатами офицер «отбил от мятежников силой и пришёл к своему месту».

Впоследствии поручик Карл Зейфарт за проявленную решительность и верность воинскому долгу будет награжден орденом Святой Анны 4-й степени, возглавит штаб Отдельного корпуса внутренней стражи и дослужится до генерал-майора.

После умирения мятежных батальонов именно Комаровский силами поступивших в его распоряжение столичных гвардейских частей незамедлительно организовал комендантскую службу во всех прилегающих к Сенатской площади районах Северной столицы. В результате в городе было за-

держано более 700 солдат и офицеров взбунтовавшихся частей, которые, покинув площадь, трусливо пытались скрыться в домах и во дворах.

Всех задержанных Комаровский сначала привёл под конвоем семёновцев и кавалергардов на Дворцовую площадь и представил императору. Николай I, поблагодарив генерал-адъютанта за верную службу, приказал арестованных мятежников отвести в Петропавловскую крепость и передать коменданту.

Позже Е.Ф. Комаровский напишет: «Пленных я выстроил по четыре человека в ряд, а по обеим сторонам шли солдаты Семёновского полка. Те, которые несколько часов тому назад, казалось, были так храбры и отважны, тут шли смиренно, как овцы».

Выполнив свою нелёгкую и негативно оценённую впоследствии отечественными историками миссию, граф заехал домой к своему давнишнему другу генерал-адъютанту П.В. Голенищеву-Кутузову, занимавшему на тот момент пост главного директора военно-учебных заведений и начальника 1-го кадетского корпуса. «Я не могу изобразить моей радости, – сделал завершающую запись в дневнике Е.Ф. Комаровский о том трагическом для России дне, – когда Катерина Петровна Кутузова предложила мне отобедать; я чрезвычайно оголодал, устал и озяб, ибо в одном мундире пробыл 8 часов верхом, и лошадь моя насилу таскала уже ноги».

О той роли, которую сыграли в событиях декабря 1825 – января 1826 года солдаты и офицеры Отдельного корпуса внутренней стражи, и историческая, и художественная литература советского периода не упоминала вовсе. Сведения по данному вопросу и сейчас весьма скупы и отыскиваются в архивах с большим трудом. Но они, несомненно, существуют и ждут своего исследователя.

Мы же приведём лишь один факт. Санкт-Петербургский жандармский дивизион под командованием подполковника Е.К. фон дер Палена с «большой ревностью и усердием» обеспечивал охрану Зимнего дворца и не допустил прорыва в здание «неблагодарных людей».

Жандармские чины «в вознаграждение ревностного их служения и особенного усердия, оказанно-

го во время бывшего замешательства 14 декабря 1825 года», были щедро поощрены: всем офицерам выдали по годовому денежному жалованью, а нижним чинам – по два рубля серебром. Кроме того, император своим указом от 21 апреля 1826 года пожаловал командиру жандармского дивизиона подполковнику барону Е.К. фон дер Палену орден Святой Анны 2-й степени, а ещё двух жандармских офицеров отметил 3-й степенью этого же ордена.

Парадокс истории: один представитель знатного остзейского дворянского рода вместе с гвардейскими офицерами свержает императора Павла I, а другой – защищает его младшего сына Николая I, законно взошедшего на престол, от взбунтовавшейся императорской гвардии.

1 июня 1826 года Николай I подписал манифест и указ Сенату об учреждении Верховного уголовного суда по делу декабристов. Его председателем был назначен действительный тайный советник 1-го класса князь П.В. Лопухин. В состав суда вошли представители Госсовета, Сената и Синода. Кроме того, членами суда стали 13 доверенных лиц императора Николая I – так называемые «особо назначенные чиновники». Среди них и был граф Е.Ф. Комаровский – личный адъютант императора и командир Отдельного корпуса внутренней стражи.

В советские времена образ «героев-декабристов» был окружён романтическим ореолом. Они все как один – русские патриоты, красавцы-офицеры, свободолюбивые поэты и благородные вольнодумцы. Именно так изображали у нас дворян-заговорщиков, устроивших в 1825 году военный мятеж. Кем же они были на самом деле? И какую свободу несли народу?

Разумеется, граф Е.Ф. Комаровский, как член суда, познакомился с программными документами декабристов и пришёл в ужас. Выяснилось, что с 1820 года в России существовало 32 масонские ложи, насчитывавшие в своей среде 1700 членов, почти все принадлежали к высшему обществу. Когда тайные общества были запрещены, далеко не все

Император Николай I с адъютантами.

Худ. Ф. Крюгер

подчинились указу, и ряд лож продолжал существовать. Эти ложи поддерживали связь с закордонными деструктивными организациями – «карбонариями» Италии, прусским «Тугенбундом» («Союз доблести») и французскими «Друзьями свободы». Все участники декабрьского бунта входили в «Северную» или «Южную» масонские лиги, и цели их заговора шли гораздо дальше, чем провозглашение конституции. Планировалось физическое уничтожение всех представителей императорской семьи и установление в стране жёсткой военной диктатуры с элементами государственного террора.

Следствие по делу декабристов длилось больше года. А Верховный суд работал чуть более месяца – с 3 июня по 12 июля 1826 года. Из своей среды суд выбрал девять наиболее ответственных и подготовленных членов в состав разрядной комиссии, которая определяла степень виновности каждого подсудимого и меру заслуженного им наказания. В неё вошёл и граф Е.Ф. Комаровский.

Разрядная комиссия суда распределила всех подсудимых (а их оказалось 121 человек) по категориям в соответствии со степенью их вины. Таким образом, привлечённым к суду грозило от 20 лет каторги до направления рядовыми в пехотные полки Кавказского корпуса. Пятерых руководителей мятежа – П.И. Пестеля, С.И. Муравьёва-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина, К.Ф. Рылеева и П.Г. Каховского, которые «злодейски имели умысел на царубийство», а также «лично действовали в мятеже с готовностью пролития крови» – приговорили «вне разрядов» к смертной казни через повешение. Все «особо назначенные чиновники», в том числе и Е.Ф. Комаровский, единогласно проголосовали за смертную казнь.

Позже Евграф Федотович о своём участии в работе Верховного уголовного суда по делу декабристов напишет кратко: «В назначенный день все члены суда собрались в Сенат и оттуда отправились в крепость, где для порядка находился один батальон лейб-гвардии Павловского полка. Заседание суда открылось тем, что крепостной плац-майор ввёл в присутствие пятерых главных преступников, имея двух гренадер с одним унтер-офицером впереди их и двух гренадер позади. Секретарь Сената, стоя у

аналоя, называл по имени каждого преступника, потом читал о содеянном им преступлении и к чему он приговорён с высочайшего утверждения. Таким образом, вводились были в залу заседания все преступники по разрядам. Они имели на себе те же самые платья, в которых они были взяты, только, натурально, без шпаг; многие из них были даже в полных мундирах. Сим заседанием окончился суд, которому едва ли есть много примеров в летописях нашего отечества».

Государево поручение особой важности

16 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА Николай I вызвал к себе во дворец генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского и объявил ему об особо важном поручении – возвестить в Москве, древней столице государства Российского, о своём восшествии на престол и приведении местной дворянской элиты и жителей к присяге новому государю. Со времён Елизаветы Петровны восходящие на трон русские монархи давали подобные поручения лишь тем из своих приближённых, к которым были предельно расположены и доверяли им безгранично.

Евграф Федотович позже с душевным волнением вспоминал, что император обратился к нему со следующими словами:

«– Я ожидаю от вас, любезный граф, большой себе услуги.

На изъявление моей совершенной готовности исполнять всегда священную его для меня волю его величество продолжать изволил:

– Я хочу послать вас в Москву с объявлением о моём восшествии на престол.

Я отвечал:

– Готов хоть сейчас отправиться».

Принимая пакет, Комаровский поинтересовался, как скоро ему нужно возвращаться из Москвы в Санкт-Петербург. На что государь со вздохом и тревожной ноткой в голосе ответил, мол, как Богу будет угодно. Николай предполагал, что в Москве может быть нечто подобное петербургским событиям: он обладал информацией о том, что 15 и 16

*«Я сей службы твоей
никогда не забуду»*

декабря московские декабристы также обсуждали возможность военного выступления.

Граф Комаровский спешил в Первопрестольную, практически не выходя из повозки, которую тут же перепрягали свежими лошадьми, заранее подготовленными высланным вперёд фельдъегерем. В Москву он прискакал уже вечером 17 декабря, потратив на дорогу ровно сутки.

Обнародование высочайшего манифеста о восшествии на престол Николая I и приведение к присяге москвичей было назначено на 18 декабря. В этот день утром в Успенский собор Кремля прибыли все члены Московского сената, генералитет, чиновники, дворянство, а на площади перед собором собралась многотысячная толпа москвичей. Генерал-адъютанту Комаровскому выпала великая миссия. Он, московский генерал-губернатор Д.В. Голицын и архиепископ Московский Филарет должны были вскрыть привезённый графом пакет и вместе объявить Манифест о восшествии на престол Николая I, после чего привести москвичей к присяге.

Архиепископ Филарет взял пакет и после освидетельствования Голицыным и Комаровским подлинности печатей раскрыл его и прочитал завещание Александра I и манифест нового императора. Все московские высокопоставленные лица тут же единогласно присягнули Николаю I.

Граф Е.Ф. Комаровский хотел было в тот же день вернуться в Санкт-Петербург, чтобы как можно скорее доложить государю о том, что присяга на верность новому императору прошла в Москве без эксцессов. Но был вынужден задержаться на один день по просьбе губернатора, чтобы принять депутатов от московского дворянства и купечества. Представители высшего света ещё раз заверили генерал-адъютанта в своей верности новому государю и, как водится, преподнесли посланнику ценные подарки.

Первым верноподданнические чувства изъявил губернский предводитель дворянства генерал от инфантерии П.Х. Оболянинов, который со всеми уездными предводителями и другими почётными московскими дворянами вручил графу золотую табакерку, осыпанную бриллиантами, с памятной надписью: «От московского дворянства 1825-го года 20 декабря».

*Ивановская площадь в Кремле с видом колокольни
Ивана Великого и Успенского собора.
Худ. Э. Гертнер*

Затем настала очередь волеизъявления московского купечества. От имени негоциантов Первопрестольной выступил городской голова К.А. Куманин и поднёс графу Комаровскому «вызолоченный кубок на блюде весьма древней работы», наполненный тысячью червонцев, с подобострастной надписью: «Вестнику о всерадостнейшем восшествии на престол императора Николая Павловича от московского купечества».

Пробыв в Москве всего двое суток, Комаровский, обременённый подарками, а также пакетами с личными письмами, которые с «оказией» передали с графом московские дворяне своим столичным родственникам, с лёгкой душой от успешно исполненной высочайшей миссии отправился в столицу.

Император Николай I встретил своего исполнительного генерал-адъютанта, как отмечал Комаровский, благожелательно: «Государь был очень доволен моим скорым возвращением. Я нашёл его величество вместе с царствующей императрицей, которая также была ко мне весьма милостива; они оба осыпали меня вопросами... При донесении моём их величествам о действии, которое произве-

ли над всеми бывшими в Успенском соборе, особливо над народом, произнесённые архиепископом Филаретом слова: «разрешаю и благословляю», я заметил, что они оба слушали сие с большим вниманием и были довольны».

Евграф Федотович показал государю подарки, которыми его одарили верноподданные граждане Первопрестольной, и осведомился, как с ними поступить: «Их величества с любопытством рассматривали сии вещи; я им доложил, что в кубке находилась тысяча червонцев. Государь на сие изволил сказать:

– Эту сумму всегда дарят приезжающим с известием о восшествии на престол».

Деятельность Евграфа Федотовича Комаровского по восстановлению порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года и его миссия по приведению к присяге Москвы была оценена новым императором по достоинству и отмечена орденом Святого благоверного князя Александра Невского – вторым по значимости и статусу среди российских орденов. Вручая высокую награду своему верному генерал-адъютанту, Николай I искренне произнёс такие проникновенные слова: «Я сей службы твоей никогда не забуду!»

Почётная отставка

НЕСОМНЕННО, ГЛАВНАЯ заслуга графа Е.Ф. Комаровского – создание и развитие специальных сил внутренней безопасности – войск внутренней стражи, которыми он непрерывно командовал более 17 лет. Никто в Российской империи не руководил столь продолжительный срок ни каким-либо видом, ни родом войск, ни формированиями военно-полицейского характера.

Комаровский сделал немало, но годы брали своё – ему уже шестьдесят, возраст по тем временам преклонный. Средняя продолжительность жизни в XIX веке не превышала сорока – пятидесяти лет. И эту возрастную черту почти никто из ровесников Е.Ф. Комаровского, фамилии которых были перечислены в начале нашего биографического исследования, к сожалению, не преодолел.

Орден Святого благоверного князя Александра Невского

Командовать охранными войсками, разбросанными по всей огромной европейской территории, Комаровскому уже было нелегко. Он всё реже выезжал на места с инспекторскими проверками, не в полной мере контролировал комплектование войск офицерами и нижними чинами, качественный состав которых по разным причинам становился хуже.

Около 27 лет граф Е.Ф. Комаровский неотлучно при дворе в звании генерал-адъютанта исполнял императорские поручения различной сложности и важности. На этом поприще заслужил высокий воинский чин генерала от инфантерии и главные российские государственные награды: ордена Святого Георгия 4-го класса за 25-летнюю «беспорочную» службу, Святого Владимира 2-й степени и Святого Александра Невского «за отлично-усердное служение в командовании Отдельным корпусом внутренней

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

стражи и ревностное исполнение особых высочайших поручений». А всего за плечами графа – более сорока лет непрерывной военной службы. Для него наступило то самое время, когда высокопоставленные генералы, выйдя в отставку, как правило, отходили от государственных дел и полностью посвящали себя сельскохозяйственным делам, благоустройству родовых усадеб и написанию мемуаров.

В ноябре 1827 года Евграф Федотович направил на имя императора Николая I письменное послание, в котором писал буквально следующее: «Одущею же будучи ревностию к службе Вашего Императорского Величества и желая посвятить оной все дни моей жизни, в полном уповании на Ваше правосудие и милосердие беру смелость, Всемилоштивейший Государь, всеподданнейше просить о перемене моего назначения и об употреблении меня по такой части, которую Вашему Императорскому Величеству избрать будет благоугодно».

Николай I, сторонник соблюдения строгого военного регламента, рассмотрел прошение графа незамедлительно и начертал краткую резолюцию: «Справится ли граф Комаровский сенатором?».

Граф Е.Ф. Комаровский 6 декабря 1828 года сдал командование Отдельным корпусом внутренней стражи герою Отечественной войны 1812 года генералу от артиллерии П.М. Капцевичу. Продолжая числиться на службе по военному ведомству «по инфантерии тяжёлой», Евграф Федотович был назначен «состоять сенатором».

Но членом Правительствующего сената отставной генерал пробыл недолго – всего около пяти месяцев. Уже в апреле следующего, 1829-го Комаровский вновь обращается к императору с просьбой отпустить его окончательно с государственной службы, мотивируя своё ходатайство необходимостью «излечения... после жестокой болезни, продолжавшейся несколько месяцев».

Николай I удовлетворяет прошение Евграфа Федотовича об отставке и назначает ему солидное по тем временам пожизненное содержание – 4 000 рублей в год жалованья по чину генерала от инфантерии, 5 000 рублей столовых денег (ныне это сумму называли бы пайковыми выплатами) по званию генерал-адъютанта и провианта на 12 денщиков.

В столице сиятельному графу Е.Ф. Комаровскому больше делать было нечего, и он уезжает в своё имение Городище, тоска по которому с годами становилась всё сильнее: хотелось поскорее покинуть суматошную столицу и насладиться сельским покоем и тишиной. Это имение досталось Евграфу Федотовичу в результате женитьбы на девице Елизавете Егоровне Цуриковой – дочери орловского губернского предводителя дворянства отставного бригадира Е.Л. Цурикова.

Надо сказать, что долго не женившийся граф едва не превратился в закоренелого холостяка. И это несмотря на то, что слыл завидным столичным женихом – образован, воспитан, умён, обучен светским манерам, к тому же из-за своего генерал-адъютантского статуса занимал видное положение в высшем петербургском обществе. К примеру, супруга великого полководца М.И. Кутузова Екатерина Ильинична считала графа самым элегантным из всех генерал-адъютантов императора Александра I и весьма выгодной партией для любой «столичной штучки».

Бравый генерал-адъютант, ни разу не выдавший воочию предполагаемую невесту, был очарован её красотой и вскоре к ней посватался. Невеста дала согласие. «Получив удостоверение о будущем счастье», Комаровский, как это полагалось придворным, «испросил позволения» у императора вступить в законный брак «с девицею Елизаветою Егоровною Цуриковой».

Александр I, сам уже неоднократно намекавший в частных беседах своему генерал-адъютанту о женитьбе, с радостью дал добро на этот брак. 8 января 1802 года счастливый граф обвенчался с Е.Е. Цуриковой в Москве в церкви Космы и Дамиана, что на Полянке.

Необходимо отметить, Елизавета Егоровна Комаровская (Цурикова) и мать поэта М.Ю. Лермонтова Мария Михайловна (в девичестве Арсеньева) приходились друг другу троюродными сестрами.

В этом браке Евграф Федотович был очень счастлив. Любовью и преданностью женщины, на которой он женился, была согрета вся жизнь Комаровского. На склоне лет он писал сыну: «Меня не-

сказанно утешила неожиданным своим приездом ко мне жена моя, графиня Елизавета Егоровна, в Житомир в ноябре месяце (1812 года. – Н.С.), едва оправившись после родов сына Павла; она мне оказала в сём случае знак примерной привязанности, пренебрегая все опасности по дороге, где проходили беспрестанно войска, и по следам почти неприятельских мародёров, претерпевая ужасный недостаток в пище... В самую распутицу она принуждена была ехать в перекладных повозках; под Киевом проходила по льду реки Днепра, которая только что стала... Я не могу довольно её возблагодарить за её, можно сказать, самоотвержение для меня».

Заметим, что Е.Ф. Комаровский в это время, выполняя особо важное задание государя по сбору для действующей армии лошадей, по сути, находился чуть ли не в тылу врага, где беспрестанно рыскали французские разведки в поисках провианта и фуража. И поступок его жены вполне можно назвать подвигом.

Мужество и супружеская верность графини были оценены очень высоко. Император Александр I по рекомендации начальницы ордена (ординомейстерши), которой на тот момент являлась действующая императрица Елизавета Алексеевна, пожаловал графиню Е.Е. Комаровскую «в кавалерственные дамы ордена Святой великомученицы Екатерины (малого креста)».

После свадьбы граф Комаровский совершил поездку в Орловскую губернию, чтобы осмотреть имение супруги, о чем сделал восторженную запись: «Я в первый раз познакомился тогда с прелестным Городищем и полюбил оное».

В одном из пустынных селений он узнал, что местные жители тяжело страдают от «горячки» и что некоторые даже умерли от этого недуга. «Сие тотчас подало мне мысль, – отметил граф в путевых заметках, – иметь лекаря и учредить в Городище лазарет, чем я немедленно занялся и скоро привёл в исполнение». С этого времени основной заботой Е.Ф. Комаровского стало приведение родового имения в благообразное состояние и совершенствование его экономической части.

Вскоре Комаровский построил в Городище лазарет, приходскую школу для крестьянских детей,

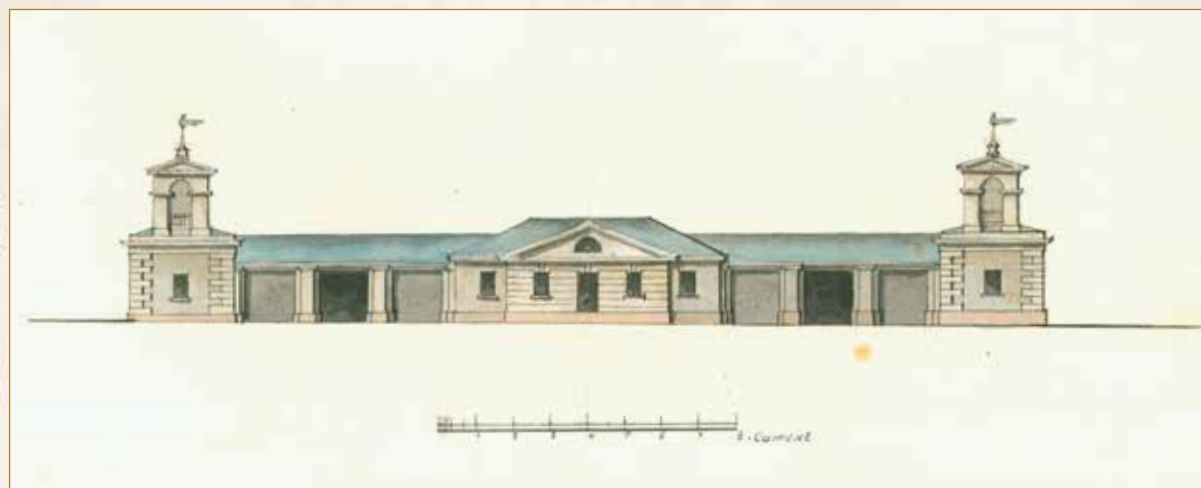
Орден Святой великомученицы Екатерины

небольшую суконную фабрику – уменьшенную копию своей Охтинской мануфактуры, кирпичный заводик, продукция которого позволила начать переустройство большого усадебного дома и строительство надворных хозяйственных построек. Поблизости возвёл Успенскую церковь, рядом с которой устроил родовой склеп.

Постепенно в Городище появились хорошие дороги, конный завод и даже крепостной театр. Именно благодаря поместьям русской знати порождены замечательные архитектурные и садово-парковые ансамбли, соперничавшие своим великолепием с дворцами европейской аристократии. Щемящие душу своей проникновенностью лирические стихи посвятил русской усадьбе ныне полузабытый поэт конца XVIII – начала XIX века Н.П. Николев:

*Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Лука и нивы золотые,*

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам...

Сохранилась старая фотография усадебного дома, на которой запечатлено внушительное жилое строение – двухэтажное, на высоком фундаменте, с огромными окнами. На первом этаже размещались контора имения, комната управляющего, кладовая, помещение для официантов. На втором этаже были богато убранная зала, увешанная редкими картинами гостиная, великолепно обставленный буфет, чудная девичья комната, два господских кабинета с приёмной, несколько спален с антресолями. Обнаружен также рисунок основательной хозяйственной постройки, которая по внешнему виду напоминает скорее великолепный дворец, чем надворное строение.

Чтобы полюбоваться первоклассно обустроенным городищенским усадебно-парковым комплексом и хозяйством столичного сиятельного графа, любопытствующие орловские помещики совершали длительные вояжи. Каждое посещение усадьбы местной знатью доставляло её хозяину истинное удовольствие и развлечение на склоне лет. Вот как об этом писал в своих воспоминаниях его внук Николай Егорович Комаровский: «В известные дни в году не только соседи и местная администрация, но и всё сколько-нибудь выдающееся в губернии обязательно собиралось в Городище. К таким дням принадлежал день именин Евграфа Федотовича, умевшего со всеми быть весьма обходительным и гостеприимным».

Хозяйственная постройка в усадьбе
графа Е.Ф. Комаровского (чертёж)

Евграф Федотович, человек утончённого вкуса, был неравнодушен к искусству: он собрал в имении коллекции старинных книг, картин, монет, редкого фарфора и уникального хрусталя.

В сентябре 1834 года город Орёл посетил император Николай I. К приезду государя для проведения манёвров и высочайшего смотра в окрестности губернского центра были стянуты соединения 3-го резервного кавалерийского корпуса. Очевидец этого знаменательного события в жизни русской глупинки писал: «Прилив действующих сил сделался заметным в городе, и необыкновенная деятельность закипела в быту военном... Лошади, люди, выправка последних и необыкновенное проворство быть на коне и без коня, со штыком, с пикой и с саблею привлекало общее внимание».

Вечером того же дня Николай I «осчастливил присутствием своим» бал, данный орловским дворянством в честь государя императора. Среди почтенной публики, представлявшей цвет губернского дворянства, как отмечал современник, блистал военной выправкой и столичной статью отставной генерал граф Е.Ф. Комаровский, а его супруга – Елизавета Егоровна, как и прежде, являлась «украшением сего праздника».

Проживая в Городище, Евграф Федотович, с юности склонный к писательству, начал работу над воспоминаниями о своей богатой событиями

«Записки графа Е.Ф. Комаровского», вышедшие в серии «Библиотека мемуаров издательства "Огни"». Изданы в Санкт-Петербурге в 1914 г.

жизни. «Записки графа Комаровского» (под таким заголовком вышли его мемуары), охватившие огромный период его жизни – с 1769 по 1833 год – вызвали огромный интерес у современников.

Впервые «Записки...» полностью были напечатаны по подлинной рукописи Евграфа Федотовича лишь спустя много лет после его смерти, в 1897 году, на страницах весьма популярного журнала «Исторический вестник». Но отдельной книжкой в мягком переплете «Записки графа Комаровского» появились только в 1914 году в издательстве «Огни» в популярной тогда серии «Библиотека мемуаров» и сразу стали библиографической редкостью. В последние годы мемуары дважды переиздавались, они по-прежнему пользуются неизменным интересом как у историков, так и среди любителей мемуарной литературы.

Вот и закат жизни некогда блистательного генерал-адъютанта, ставшего образцовым хозяином большого и благоустроенного сельского поместья. 13 октября 1843 года Евграф Федотович Комаровский, как писали в те времена в некрологе, «исполнив все христианские обязанности, переселился в вечность на 74-м году от рождения...». Завещал он похоронить себя там, где жил все последние годы – в Городище, в склепе построенной им Успенской церкви. Однополчанин Е.Ф. Комаровского по лейб-гвардии Измайловскому полку поэт И.И. Козлов написал настолько удачные строки, которые звучат так, словно специально сочинённая эпитафия на графское надгробие:

*Вот дом уютный меж холмами,
В тени берез вот Божий храм,
И вот погост с его крестами,
Где меж родных он ляжет сам.*

Смерть старого графа, последовавшая в губернском городе Орле, повергла его крестьян в глубокую скорбь. Как позже писал внук генерала Н.Е. Комаровский, крестьяне Городища и окрестных де-

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

ревень «по собственному почину явились за 35 вёрст в город и на руках отнесли его тело в Городище».

Невероятные повороты в судьбах графских потомков

ЖИЗНЕННЫЕ ЛИНИИ потомков графа Комаровского выстроились по-разному: у кого-то карьера сложилась вполне удачно, другие достигли скромных высот, а по кому-то жестоко прокатился тяжёлый каток революции и политических репрессий. Но, несомненно, все они служили Отечеству верой и правдой.

Первый сын Егор у графской супружеской пары появился через год после бракосочетания – в 1803-м. Его воспитателями, то есть крёстными родителями, стали молодой царь Александр I и его матушка – вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

После успешного окончания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров юный граф был зачислен корнетом в один из самых аристократичных полков – лейб-гвардии Конный. Первым серьёзным «делом» молодого офицера-конногвардейца явилось участие в разгоне восстания декабристов на Сенатской площади, за что он «удостоился получить высочайшее благоволение» императора Николая I.

В феврале 1827-го поручика Комаровского назначили (с оставлением в списках полка) адъютантом главноуправляющего путями сообщения генерала от кавалерии Александра Вюртембергского, дяди Александра I и Николая I. А когда началась Русско-турецкая война 1828–1829 годов, Егор Комаровский отправился на балканский театр военных действий. За отличия в боевых операциях его удостоивают орденов Святой Анны 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени с бантом, а также производят в чин штаб-ротмистра.

В 1832 году Егор Евграфович вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» в чине ротмистра гвардии и поступил на гражданскую службу цензором Петербургского комитета иностранной литературы, которым руководил выдающийся русский поэт, дипломат и публицист Ф.И. Тютчев.

Окунувшись в литературные круги, Е.Е. Комаровский женился на сестре поэта А.В. Веневитинова Софье Владимировне. Выбором сына старый граф был весьма удовлетворен, в чём с радостью признавался: «Мы уже испытываем плоды сего события тем, что приобрели премилую и прелюбезную для нас невестку». Кстати, Софья Веневитинова приходилась четверюродной сестрой А.С. Пушкину. Александр Сергеевич нередко бывал в петербургском доме Комаровских на набережной Фонтанки.

Всё хорошо складывалось у Егора Комаровского и на службе – его выдвинули в старшие цензоры и, как наиболее квалифицированный в этой области специалист, он составлял «обозрения журналистики» лично для императора Николая I. По цензурской службе он дослужился до действительно-го статского советника, который соответствовал армейскому генерал-майору. Являлся постоянным членом «Дружеского литературного общества», которое почти четверть века было одним из центров петербургской культурной жизни.

Пушкиноведа располагают информацией о том, что за несколько дней до гибели великий русский поэт Александр Пушкин встретил своего дальнего родственника Егора Комаровского в книжном магазине на Невском проспекте.

– Комаровский, вы знаете всё, – обратился озабоченный Пушкин с вопросом к отставному ротмистру, – посоветуйте мне книгу о дуэли.

Подумав, отставной конногвардеец назвал ему какое-то издание на эту тему. Увы, Комаровский тогда не догадывался о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом, а в рекомендованной им книжке не оказалось спасительного совета.

Семья цензора Комаровского, даже по тем временам, оказалась невероятно многодетной – пятеро сыновей и четыре дочери. Старшая из детей – Анна Егоровна – первая внучка старого графа, в аристократическом обществе занимала довольно высокое положение. Она достигла одного из наивысших положений при высочайшем дворе – стала гофмейстериней (старшей над фрейлинами) великой княгини Александры Иосифовны, жены великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I.

Граф Егор Евграфович Комаровский.
Худ. О.А. Кипренский, 1823 г.

Графиня Софья Владимировна Комаровская
(урождённая Веневитинова).
Худ. П.Ф. Соколов

Анна Егоровна была знакома со многими деятелями литературы и искусства, в том числе с писателем Ф.М. Достоевским, на вечерах слушала отрывки из его новых произведений. В последнем из сохранившихся писем-ответов писателя гофмейстерине от 27 декабря 1880 года Фёдор Михайлович благожелательно писал: «Глубокоуважаемая графиня Анна Егоровна. Непременно буду иметь честь явиться к Вам во вторник в 5-м часу. До сих пор был страшно занят. Иначе бы и в эти дни успел исполнить чрезвычайное желание моё».

В 1901 году по инициативе графини А.Е. Комаровской была создана благотворительная организация под названием «Общество попечения о несовершеннолетних, подвергшихся личному задержанию». Согласно уставу, эта благотворительная ассоциация заботилась «о детях, впавших в преступление и подлежащих предварительному заключению», помощь получали также отбывшие наказание и ставшие на путь «честной жизни». В последующие годы бурных потрясений «Общество попечения...» прекратило своё существование.

Двое сыновей Е.Е. Комаровского, как и их служилый дед, стали генералами. Старший Владимир в 1852 году по сложившейся семейной традиции поступил унтер-офицером именно в лейб-гвардии Измайловский полк. Дослужился до штабс-капитана, затем, без исключения из списков полка, был назначен адъютантом к наместнику Царства Польского великому князю Константину Николаевичу – сыну императора Николая I. К 1873 году он уже полковник и командир привилегированного лейб-гвардии Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полка, который дислоцировался в центре Варшавы. Воинская часть носила имя деда (по материнской линии) Александра II и считалась одной из элитных даже в императорской гвардии. В этой должности граф Комаровский заслужил генерал-майорский чин и множество орденов – российских и иностранных.

В 1878-м генерал-майор Комаровский повёл свой полк на Балканы – в помощь «братушкам-болгарам», жестоко угнетаемым турками-османами. Но в следующем, 1879-м, гвардейский генерал был вынужден выйти в отставку «за болезнью с мундиром и пенсионом». Его женой была Леонилла Вик-

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

Генерал-майор Владимир Егорович Комаровский
с женой Леониллой Викторовной, урождённой
графиней Паниной.
Фото конца XIX в.

торовна Панина, дочь министра юстиции графа В.Н. Панина.

Их старший сын Георгий – человек незаурядного ума и высокой образованности – с отличием окончил Императорский Московский университет, также с отличием выдержал специальный экзамен на офицера гвардии при Павловском военном училище, впоследствии получил высшее военное образование в Николаевской академии Генерального штаба. Его офицерская служба начиналась в одной из самых элитных воинских частей – лейб-гвардии Конном полку.

Любопытные детские впечатления о блистательном конногвардейце Георгии Комаровском оставил в своих воспоминаниях великий князь Гавриил Константинович, в детстве часто присутствовавший на военных парадах, разводах караулов и полковых праздниках: «25 марта 1897 года нас с Иоанчиком (Иоанн Константинович, старший брат Гавриила. – Н.С.) в первый раз в жизни повезли на парад Конной гвардии по случаю её полкового праздника. Это было для нас совершенной неожи-

данностью... Полк в пешем строю, в белых мундирах и в золотых касках с золотыми орлами, занимал три стены манежа... Я помню среди офицеров полка графа Комаровского... Он был потрясающе некрасив и громадного роста. Он имел обыкновение гулять по Морской улице, причём его палаш волочился по тротуару, а изо рта торчала большая сигара. Говорили, что нянюшки пугали им детей, но мы с Иоанчиком его очень любили». Видимо, за «некрасивость» детское воображение августейших отпрысков принимало харизматическую внешность бравого офицера – густые грозно торчащие по сторонам конногвардейские усищи и внушающее уважение богатырское телосложение.

Как человек определённого вольнолюбивого склада характера, Комаровский, движимый чувством негодования «против английских зверств в Трансваале», будучи ещё поручиком, в числе группы русских волонтёров принял участие в англо-бурской войне, естественно, на стороне восставших буров, сражавшихся за свою независимость.

Затем, в 1900-м, Комаровский перевёлся на службу в Забайкальское казачье войско «с переименованием» в есаулы. Участвовал в малоизвестной боевой операции 1901 года – засекреченном походе в Китай – с целью защиты КВЖД во время т.н. «боксёрского восстания». За отличия в этой закордонной военной операции отмечается орденом Святой Анны 4-й степени (Аннинское оружие) с надписью «За храбрость».

Потом была русско-японская война 1904–1905 годов, где Георгий Комаровский в составе 2-го Аргунского казачьего полка храбро сражается с самураями. За боевые подвиги только в течение одного – 1904-го – года отмечается тремя орденами: Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами и 3-й степенью этого же ордена с мечами и бантом! Одновременно с боевыми наградами за отличия повышается в чине до войскового старшины.

В Первую мировую войну полковник Комаровский храбро сражается с противником на германском и австрийском фронтах. В Гражданскую – он на стороне белых. В марте 1920 года красные берут важный черноморский город-порт Туапсе, после

Графиня Анна Евграфовна Комаровская
(в замужестве Шипова).
Худ. П.Ф. Соколов

Гренадерский подпоручик
граф Павел Евграфович Комаровский.
Рис. XIX в.

чего всех захваченных в плен белогвардейских офицеров, среди которых оказался и полковник Георгий Комаровский, расстреливают как непримиримых врагов советской власти.

Ещё один из сыновей Е.Е. Комаровского – Дмитрий Егорович – в карьерных устремлениях сравнялся со своим благородным и заслуженным дедом – тоже стал генералом от инфантерии. Военную службу также начал в рядах лейб-гвардии Измайловского полка.

По документам удалось установить, что в 1870–1877 годах Дмитрий Комаровский в чине полковника командовал 10-м пехотным Новоингерманландским полком. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, за героический переход через Балканы полк под его непосредственным руководством заслужил Георгиевское знамя – высший коллективный знак боевого отличия. В ходе военных действий против турок граф Комаровский возглавлял 1-ю сводную бригаду, был награждён золотым оружием с надписью «За храбрость». Затем в 1898–1901 годах он, будучи уже генерал-лейтенантом, последовательно командовал 4-м и 15-м

армейскими корпусами, дислоцированными на родине своего далёкого предка – в Царстве Польском.

Но самое удивительное то, что женат он был на дочери отставного майора Н.С. Мартынова (любопытный поворот истории: того самого, который застрелил на дуэли поэта М.Ю. Лермонтова) Эмили Николаевне Мартыновой.

Военная карьера Д.Е. Комаровского, только что получившего чин генерала от инфантерии, оборвалась трагически. Зимой 1901 года он сильно простудился на манёврах и 9 марта скончался от воспаления лёгких. Похоронили его с воинскими почестями на Варшавском (Вольском) православном кладбище.

Также не менее любопытна биография старшей дочери графа Е.Ф. Комаровского Анны. В пятнадцатилетнем возрасте юная барышня становится фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Сама близость ко двору была очень престижна и почётна, но после замужества статус фрейлины прекращался.

Замуж Анна Евграфовна вышла за героя Отечественной войны 1812 года генерал-адъютанта

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

С.П. Шипова. Старый граф по этому поводу с нескрываемым удовлетворением писал: «1828 года, 8 апреля, совершилось бракосочетание дочери моей графини Анны Евграфовны с Сергеем Павловичем Шиповым, в котором я нашёл нежного и любезного для сердца моего сына».

Впоследствии «любезный» зять стал большим военным чином – генералом от инфантерии и военным генерал-губернатором Казани. Что касается Анны Евграфовны Шиповой, то она вела светскую жизнь, даже имела переписку с жёнами декабристов. В её архиве сохранился ценный альбом с письмами, рисунками и документами людей, имена которых вошли в историю России. Среди них – единственный автограф стихотворения А.С. Пушкина «Муза»:

*В младенчестве моём она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой – и слегка,
По звонким скважинам пуста тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные Богами,
И песни мирные фригийских пастухов.*

Это стихотворение Пушкин написал в 1821 году как воспоминание о детских годах, в которых к нему впервые приходит мысль о посвящении себя литературе и поэзии. А в 1828-м поэт собственноручно вписал своё поэтическое произведение в альбом Анны Евграфовны, очевидно, восхищённый её красотой, словно музой поэтов.

Средний сын Евграфа Федотовича Комаровского Павел тоже окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Затем в чине прапорщика поступил в лейб-гвардии Гренадерский полк, где дослужился до штабс-капитана. Но после женитьбы на дочери богатейшего малороссийского землевладельца П.Г. Галагана Марии Павловне вышел в отставку. Молодая жена графа приходилась прапраправнучкой соратнику Петра I по Полтавской битве полковнику запорожского войска Игнату Галагану, которому русский царь пожаловал в 1716 году «за верность долгу» потомственное дворянство и огромные земли в районе Черниговщины.

Их сын Евграф (названный в честь деда) был женат на дочери прославленного казачьего гене-

Княгиня Анна Евграфовна Горчакова
(урождённая графиня Комаровская).
Фото нач. XX в.

рал-лейтенанта героя Отечественной войны 1812 года И.А. Орлова Элеоноре Ивановне. Проживали они в родовом имении Городище, где глава семейства предводительствовал уездным дворянством.

А вот на долю их детей – дочери Анны и сына Павла – выпал самый драматичный удар судьбы.

Анна Евграфовна Комаровская вышла замуж за князя С.Д. Горчакова, который с 1909 года был калужским губернатором. Общественная деятельность Анны Евграфовны была обширной. Она действительный член Калужской учёной архивной комиссии, председатель Общества ревнителей о народном благе, главной целью которого было «распространение в народе религиозно-нравственных знаний, содействие трезвости и развитие любви к Родине», а также «нравственное, умственное и физическое развитие народа». Графине, а теперь и княгине, также принадлежала идея создания в Калуге Народного дома «в память Отечественной войны 1812 года» с помещениями для бесплатной читальни, зрительным залом и театральной сценой «для различных полезных занятий и развлечений». В годы Первой мировой войны она возглавила ка-

лужский отдел Красного Креста и организовала в этом доме комитет по оказанию помощи воинам и их семьям. О благотворительности княгини местные жители враз забыли, и вся её общественно-полезная деятельность оказалась антинародной и вредительской.

В октябре 1918 года Анну Евграфовну арестовали сотрудники тарусской уездной ЧК «как заложницу» после опубликования декрета СНК о «красном терроре для буржуазии». Однако княгиня оказалась для уездных чекистов крепким орешком, от показаний отказывалась и на сделку ни со своей совестью, ни со своими мучителями не шла.

В какой-то момент Анна Евграфовна, прекрасно понимая, что ей уже никогда не выбраться на свободу, решается на отчаянный шаг – на побег, заведомо зная, что охранники пресекут её действия пулей. Так и случилось – выстрел тюремщика оборвал жизнь крепкой духом женщины.

Её младший брат Павел тоже был личностью неординарной: не только отважный боевой офицер, но и неутомимый общественный деятель, ценитель искусств, один из жертвователей в Орловский губернский музей, действительный член Орловского общества любителей изящных искусств. Кроме того, он был членом губернского комитета попечительства о тюрьмах, являлся одним из деятелей пожарного дела в России и организатором III съезда российских пожарных, проходившего в Орле в августе 1899 года.

Начало военной карьеры Павла Комаровского не предвещало ничего трагического. В сентябре 1888 года он, выпускник Орловского кадетского корпуса, поступает «юнкером рядового звания» в одно из самых элитных военно-учебных заведений – Николаевское кавалерийское училище. Здесь его однокурсниками были донской казак Константин Мамонтов, впоследствии генерал-лейтенант, и херсонский дворянин венгерского происхождения Иван Эрдели – в дальнейшем генерал от кавалерии, которые в будущем станут известными лидерами Белого движения.

В августе 1890-го юнкер Комаровский «по окончании полного курса наук по 1-му разряду» производится в корнеты и зачисляется в лейб-гвардии

Казачий его величества полк. Однако в начале 1904 года подъясаул Донского казачьего войска Павел Комаровский переводится в Забайкальское казачье войско и зачисляется в Уссурийский казачий полк. Он принимает активное участие в русско-японской войне 1904–1905 годов и «за отличия в делах против японцев» удостоивается орденов Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и Святого Станислава 3-й степени с мечами и такого же ордена 4-й степени.

В 1906 году граф Комаровский вышел в отставку в чине войскового старшины с формулировкой «по домашним обстоятельствам». Тогда же он везёт свою нездоровую супругу, которая тоже была на войне в качестве сестры милосердия, на лечение и отдых в Венецию на знаменитый курорт Лидо. Там он неожиданно встречает прежнюю знакомую по малороссийским связям некую графиню Тарновскую, которая, как выяснится позже, оказалась махровой мошенницей и брачной аферисткой, уже опустошившей кошельки не одного состоятельного аристократа.

Тарновская сама любезно вызвалась поухаживать за занемогшей графиней, и та как-то неожиданно быстро умирает. Действуя с подельниками, хитроумная плутовка убеждает опечаленного графа застраховать свою жизнь на большую сумму, а полис оформить на себя. После чего нанятый аферисткой убийца выстрелом из револьвера смертельно ранит графа Комаровского. Позже Тарновскую в Венеции арестуют и осудят.

10 сентября 1907 года губернская газета «Орловская речь» сообщала: «Прибывшее из Венеции тело покойного графа Павла Евграфовича Комаровского следует от вокзала завтра в 9 часов утра в родовое имение Городище для погребения. О том мать и сестра усопшего извещают друзей и знакомых».

Гроб с телом несчастного графа, одетого в офицерский парадный мундир Донского казачьего войска, сопровождал почётный воинский эскорт до самого Городища. Похоронили жертву коварной мошенницы в имении Городище в родовом склепе Успенской церкви.

Осиротевший в одночасье единственный девятилетний сын Комаровских с традиционным име-

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

Войсковой старшина
граф Павел Евграфович Комаровский.
Худ. Э. Эрлер-Самаден

Последний хозяин усадьбы Городище вольноопределяющийся граф Евграф Павлович Комаровский с бабушкой Элеонорой Ивановной Комаровской (урождённой Орловой).

нем Евграф после отъезда родителей на лечение в Венецию остался на попечении бабушки Элеоноры Ивановны и в результате оказался последним владельцем родового имения. В середине Первой мировой войны он из патриотических побуждений добровольцем-вольноопределяющимся отправляется на фронт, но вскоре после контузии возвращается домой. А тут – и революция, и победоносное шествие советской власти на местах, и «экспроприация экспроприаторов» – ликвидация частной собственности эксплуататорских классов.

О дальнейшей горькой судьбе осиротевшего молодого графа Евграфа Павловича Комаровского поведал его внук, тоже Евграф Павлович Комаровский, ныне активный член общероссийской общественной организации «Союз потомков российского дворянства – Российское дворянское собрание» и руководитель её тульского регионального отделения.

Десятиклассник яснополянской школы Павел Комаровский. Фото 1941 г.

«Мой несчастный дед, последний владелец некогда процветавшего хозяйства, был изгнан сельчанами из разграбленного имения, – с печальным вздохом поведал мне Евграф Павлович. – Как он жил и чем зарабатывал на пропитание – мне, к сожалению, неизвестно. Но в начале 1920-х он женился на Марине Павловне Муфель (1904–1951), правнучке в четвёртом поколении екатерининского генерал-майора георгиевского кавалера барона Карла Ивановича Муфеля (1736–1788), который принимал активное участие в подавлении восстания Емельяна Пугачева и упоминается в «Истории пугачёвского бунта» А.С. Пушкина.

В 1924-м у них рождается единственный ребенок – сын Павел, мой отец. Матери (моей бабушке, которую я никогда не видел) одной пришлось растить сына, жили они в очень тяжёлых условиях – занимали маленькую комнатёнку в старом доме на Арбате в Москве».

*«Я сей службы твоей
никогда не забуду»*

По счастью, неподалеку проживал старший сын великого русского писателя Л.Н. Толстого – Сергей Львович. Его жена Мария Николаевна (по отцу – графиня Зубова, а по матери – графиня Олсуфьева: – Н.С.), видя бедственное положение бывшей потомственной баронессы, предложила взять её четырехлетнего сына на всё лето в Ясную Поляну. Толстые так привязались к мальчику, что с согласия матери приняли его на полное содержание и воспитание. Павлик стал постоянно жить в Ясной Поляне и пошёл учиться в местную школу под опекой Толстых.

Вскоре после начала войны с гитлеровской Германией Сергей Львович по делам выехал в Москву, а воспитанника решили оставить в Ясной Поляне на попечении директора музея Софьи Толстой-Есениной – внучки Л.Н. Толстого. Посчитали, что в трудное военное время в деревне прокормиться будет гораздо легче, чем в городе. Мальчика поселили в комнате Сергея Львовича. Вместе с местными деревенскими ребятами Павлик участвовал в субботниках, убирал картошку на колхозном поле, а когда гитлеровцы стали подходить к Туле, вместе со все-

Руководитель тульского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз потомков российского дворянства – Российское дворянское собрание» Е.П. Комаровский

ми работал на рытье окопов, помогал грузить эвакуируемое имущество музея.

Больше месяца немецкие войки хозяйничали в Ясной Поляне, в музее устроили офицерскую казарму, а мальчика выселили в хозяйственное помещение. Но когда под напором советских войск фашистам пришлось спешно драпать, они варварски подожгли усадьбу писателя мировой известности. Павел в это время был на конюшне, заметив дым и пламя, вырывавшееся из окна второго этажа исторического здания, сорвал с крюка огнетушитель и, не раздумывая, бросился смело гасить огонь. Подоспевшие сотрудники музея и местные жители помогли спасти музей.

Об этом, без преувеличения, героическом поступке юноши даже писала главная советская газета «Правда» в номере от 16 декабря 1941 года:

Профессор Московского университета
Леонид Алексеевич Комаровский

«Зимним утром, перед уходом из Ясной Поляны, фашистские вандалы решили сжечь весь Толстовский музей, столь дорогой каждому культурному человеку... Осуществлению варварского плана помешали советские люди. Молодой врач тульской соматической больницы тов. Илюхин и десятиклассник **Павлик Комаровский** (выделено мной. – Н.С.), несмотря на пулемётный обстрел, пробрались в горящее здание и начали тушить огонь... Четыре часа люди боролись с огнём и вышли победителями».

В начале 1942-го Павел вернулся в Москву, а вскоре его призвали в армию, по окончании ускоренных офицерских курсов направили на службу в Саратов. Но в 1943-м его арестовали сотрудники органов НКВД как «врага народа». Что ему инкриминировали – неизвестно. Однако обвинения были предъявлены по печально знаменитой статье 58-1а – измена Родине. Приговор самый жестокий – расстрел. Узнав об этом, Софья Андреевна Толстая-Есенина начала ходить по инстанциям и хлопотать за спасителя Ясной Поляны от пожара. Подействовало. Ведь Лев Толстой – «зеркало рус-

Поэт Серебряного века
Василий Алексеевич Комаровский

ской революции»! Расстрел заменили на 10 лет отдалённых лагерей.

Сначала редкие письма от «врага народа» приходили из Тайшетлага, но потом арестанта перебрасывают на Колыму – в один из лагерей в посёлке Оротукан, входивший в колониальную империю известного Дальстроя. В 1952 году з/к Комаровского неожиданно освобождают из лагеря и переводят в статус спецпоселенца. Работал он маляром, затем освоил профессию каменщика, обучился класть печи, вскоре женился, а в 1955-м у них родился сын, которого традиционно называли именем Евграф.

После реабилитации в 1958-м родителям с малолетним сыном разрешили выехать «на материк». Впоследствии сын окончил десятилетку, затем получил высшее образование во Всесоюзном заочном инженерно-строительном институте, приобрёл профессию инженера-механика.

Ныне Евграф Павлович Комаровский, являясь предводителем Тульского дворянского собрания, ведёт большую работу по возрождению и сохранению исторического и культурного наследия, направленную на формирование общественного

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

Художник-иконописец
Владимир Алексеевич Комаровский
с женой В.Ф. Самариной

сознания на основе сложившихся веками российских духовных и нравственных ценностей, традиций верного служения Отечеству, уважения к российской истории, высокой нравственности и духовности.

О третьем сыне генерал-адъютанта Алексея Евграфовича Комаровского известно не очень много. В записках графа находим краткое упоминание о том, что в 1833 году отец устроил его «в пансион к профессору Московского университета г-ну Погодину».

По документам удалось установить, что женат Алексей Комаровский был на дочери героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора барона А.К. фон Пирха – Аделаиде Альбертовне. Прожили они в Казани, в браке были счастливы. Их сын Леонид прославил графский род тем, что стал юристом с европейским именем – являлся членом Института международного права, членом Гаагской палаты третейского суда, профессором Московского университета, членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Любопытно, что одним из учеников профессора Л.А. Комаровского был небезызвестный Александр Иванович Гучков – впоследствии лидер партии «17

октября» («октябристов»), депутат Государственной думы и военный министр Временного правительства.

Ещё один представитель дворянской фамилии Комаровских – Василий Алексеевич – внук отставного ротмистра Е.Е. Комаровского, был поэтом Серебряного века. Он даже являлся творческим наставником Анны Ахматовой – впоследствии знаменитой поэтессы и литературоведа. Также он был известен и как переводчик европейских поэтов-романтиков – француза Шарля Бодлера и англичанина Джона Китса.

О Василии Комаровском, как об оригинальном поэте, отзывался Николай Гумилёв – основатель модного тогда поэтического течения под названием «акмеизм». «Все стихи с 1909 г., – отмечал творчество Комаровского «романтический» Гумилев, – уже стихи мастера».

Младший брат поэта Комаровского Владимир Алексеевич также был творческим человеком – он

стал самобытным художником-иконописцем и замечательным теоретиком иконописи. Технологию иконописи он тщательно изучал по старинным образцам. Неспроста именно Комаровскому были заказаны иконы для храма Сергия Радонежского на Куликовом поле, строительство которого по проекту известного зодчего А.В. Щусева в неорусском стиле почти завершили к 1917 году.

Впоследствии храм был разграблен, иконы же, написанные специально для храма Комаровским, бесследно пропали. Даже эскизы, к сожалению, не сохранились.

Уже после революции, в 1918–1919 годах, Владимир Комаровский напишет большую икону Донской Божьей Матери, которая считается одним из лучших иконописных ликов Богородицы XX века. Знатоки русской иконописи о таких образах благоговейно говорят: от них исходит истинная «вера, что из глубины души исторгнута».

Образ Донской Божьей Матери, писанный боголюбивым изографом Комаровским, чудом сохранился и после реставрации ныне находится в Покровской церкви храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов Свято-Данилова монастыря в Москве.

В августе 1937-го признанного художника-иконописца В.А. Комаровского арестовали как «участника контрреволюционной монархической организации церковников, последователей Истинно Православной Церкви (ИПЦ)». Это было одно из многочисленных сфабрикованных дел по ИПЦ, которая «отвергала любые компромиссы с обновленчеством и с советской властью».

На допросах художник-иконописец никого не оговорил, а на вопрос о политических пристрастиях с достоинством ответил: «Я – верующий, православный человек, признающий старую церковь тихоновского направления. С политикой советской власти имею расхождение только в вопросах религии и церкви. Я считаю истинной христианскую религию, то есть то, что советская власть не признаёт и с чем она идейно борется».

По делу ИПЦ в Бутово было расстреляно и похоронено около 935 духовных лиц Русской православной церкви. Среди них и русский ху-

Икона Донской Божьей Матери, написанная художником В.А. Комаровским

дожник-иконописец граф Владимир Алексеевич Комаровский.

КАЗАЛОСЬ БЫ, по законам большевистской идеологии графская родословная вместе с разорённым и перестроенным до неузнаваемости имением должна быть предана забвению и вычеркнута из истории. Но этого, к счастью, не случилось. Род Комаровских не прервался. Многочисленные отпрыски этой дворянской фамилии оказались соединены родственными узами с потомками известных русских знаменитостей.

В настоящее время судьба, в силу разных причин, разбросала потомков графского рода не только по России, но и по всему свету. Среди них немало тех, кто связан прямыми кровными узами с графом Е.Ф. Комаровским. Ещё больше тех, кто имеет косвенное родство с этой незаурядной дворянской фамилией.

*«Я сей службы твоей
никогда не забуду»*

Что же касается родоначальника графского рода генерал-адъютанта и генерала от инфантерии Евграфа Федотовича Комаровского, то ныне в войсках национальной гвардии Российской Федерации его почитают как первого главнокомандующего. Именно его портретом открывается экспозиция в Центральном музее Росгвардии.

Своими неустанными трудами на благо государства Российского граф Е.Ф. Комаровский сумел обеспечить расположение Александра I, который полагался на него во всех случаях, где требовалось точное исполнение, распорядительность и – особенно – такт в обхождении с людьми. Среди лиц, окружавших императора во время его царствования, Евграф Федотович Комаровский выделялся мягким и ровным характером, что, в соединении с деловитостью и трезвой практичностью ума, делало его незаменимым исполнителем государственных дел, требовавших одновременно и усердия распорядительного администратора, и твёрдости военного руководителя, и терпения умудрённого жизненным опытом человека, во власти которого находились тысячи человеческих судеб.

В придворных кругах и в истории Отечества о таких заслуженных военачальниках и государственных деятелях, как граф Е.Ф. Комаровский, непременно говорили так: он был облечён высочайшим доверием.

На графских развалинах

В НОЯБРЕ 1917 ГОДА в графскую усадьбу прибыла «комиссия по приёму частновладельческого имения» Городищенского волостного комитета Орловского уезда.

Сельские старожилы вспоминали, что неблагоприятные потомки тех крестьян, что на своих плечах благоговейно несли на погост гроб с прахом заслуженного генерала, в революционном угаре полностью разграбили усадьбу графа, вынесли всё мало-мальски ценное, а потом сожгли в буквальном смысле слова дотла.

Постепенно и это пепелище разобрали на кирпичи, стёрли с лица земли старинное кладбище,

превратили в развалины церковь. В двадцатые годы XX века прибывшие из Орла сотрудники областного ГПУ разрушили родовой склеп Комаровских, а графские останки увезли неизвестно куда.

Увы, предметы былой городищенской роскоши также бесследно исчезли. Известно, что усадьба была богата не только парковыми статуями, здесь имелась, по большому счёту, настоящая картинная галерея. Причём произведения искусства отбирались с большим вкусом и идеально вписывались в интерьер барского дома.

Сегодня от бывшего великолепия обустроенного дворянского гнезда с трудом можно обнаружить весьма немного: небольшое чудом уцелевшее одноэтажное строение бывшей лечебницы, часть стены хозяйственных построек да ушедшие в землю кирпичные кладки погреба для хранения припасов. Давно нет ни фруктового сада, ни хрустальных прудов с лебедями и кувшинками. Только несколько вековых лип, достающих верхушками до облаков, являют собой печальное напоминание о прекрасном английском регулярном парке.

Однако память о графском роде Комаровских, очищенная от мифов, легенд и предрассудков, всё же постепенно возрождается. Так, ещё в июне 1999 года в честь именитого земляка – генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского – на фасаде здания новой школы в селе Городище была установлена мемориальная доска. Это событие освещалось в газете Российского дворянского собрания «Дворянский вестник»: «2 июня в селе Городище Орловской области, в родовом имении графов Комаровских, состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвящённой памяти генерал-адъютанта графа Е.Ф. Комаровского... Надпись на доске гласит: «В селе Городище жил и похоронен видный деятель России, сенатор, генерал от инфантерии граф Комаровский Евграф Федотович (1769–1843), участник суворовских походов и Отечественной войны 1812 года, адъютант императора Александра I, автор известных мемуаров. В своих «Записках...» Е.Ф. Комаровский писал, что в 1802 году он «в первый раз познакомился с прелестным Городищем и полюбил оное». Здесь он создал усадебный комплекс и парк, открыл крепостной театр и лазарет для крестьян».

В фойе школы размещена небольшая экспозиция, рассказывающая о большом жизненном пути именитого земляка графа Е.Ф. Комаровского.

В 2016-м то самое небольшое ветхое пустующее здание бывшей лечебницы передали Орловской епархии Русской православной церкви. Старую постройку было решено приспособить под возрождающийся храм иконы Успения Пресвятой Богородицы.

Работу по реконструкции ветхого строения возглавил протоиерей отец Николай (Макаров), который и стал настоятелем возрождающегося храма. Весьма символично, что священник – бывший офицер внутренних войск, затем заместитель командира ОМОНа УВД Орловской области, участник восстановления конституционного порядка в Северо-Кавказском регионе. Имеет государственные награды – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени и медаль «За отличие в охране общественного порядка».

С Божьей помощью и стараниями городищенцев отцу Николаю удалось привести помещение в соответствующий православным канонам порядок. Ныне в непритязательной сельской церкви уже бо-

Мемориальная доска, посвящённая памяти графа Е.Ф. Комаровского, на стене школы в селе Городище Орловской области

лее двух лет совершаются обряды, сложилась община православных христиан, которая постепенно увеличивается. И даже открылась небольшая воскресная школа для местной ребятни. А недавно над селом засияли золотом долгожданные символы веры – купол-луковица и православный крест, установленные над воссозданной всем миром церковью.

Ещё одно знаменательное событие произошло в селе Городище 9 декабря 2016 года. В этот памятный день отец Николай освятил здесь поклонный крест, установленный в память генерала от инфантерии Е.Ф. Комаровского на месте разрушенного храма и родового склепа.

В Росгвардии – российских войсках правопорядка – этого незаурядного русского военачальника почитают как своего первого командующего. В честь 250-летия со дня его рождения прошёл литературный видеомарафон «Читаем записки

«Я сей службы твоей
никогда не забуду»

Отец Николай освящает поклонный крест, установленный в селе Городище Орловской области 9 декабря 2016 г.

графа Комаровского», в котором приняли участие тысячи людей.

История Отечества находит отклик в сердцах многих россиян.

17 июня 2019 года Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации учредила новую ведомственную награду – медаль «Генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский». Вручаться она будет военнослужащим, сотрудникам и федеральным гражданским служащим Росгвардии за образцовое выполнение служебных обязанностей, за личные заслуги в формировании и развитии войск, а также иным гражданам России, оказавшим содействие Росгвардии в выполнении возложенных на войска задач.

Медаль

«Генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский»

О высоком статусе награды говорит её место в ряду иных наград: среди прочих медалей её следует носить после медали «За спасение», что кажется промыслительным, если помнить роль генерала от инфантерии Е.Ф. Комаровского и в спасении людей в страшном наводнении 1824 года, и в спасении Отечества от наполеоновского нашествия.

В этом человеке всё было ладно, но ничего не доставалось легко.

Память о его деяниях почти угасла, но счастливо вернулась к людям.

Словно далёкая, но очень нужная нашему Отечеству и людям путеводная звезда...

Основные даты жизни и деятельности генерала от инфантерии графа Е.Ф. Комаровского

1769, 18 ноября – в семье чиновника Дворцовой канцелярии дворянина Федота Афанасьевича Комаровского и его жены Ульяны (Иулианы) Ивановны, урожденной Зиновьевой, родился сын Е.граф.

1770, 17 августа – смерть матери Ульяны Ивановны Комаровской, похоронена подле Христорождественского собора в городе Каргополе Новгородской губернии (ныне Архангельской области).

1776, 26 ноября – скончался отец Федот Афанасьевич Комаровский.

1777 – записан в лейб-гвардии Преображенский полк сержантом сверх комплекта.

1778–1787 – обучение в частных Санкт-Петербургских пансионах «г-на де-Вильнёва», «г-жи Ленк» и «г-на Масона».

1780, 1 мая – переведён сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк.

1787, январь–март – находился в кортеже императрицы Екатерины II во время её путешествия из Санкт-Петербурга в присоединённый к России Крым.

1787–1792 – состоял при графе А.А. Безбородко (Коллегия иностранных дел) «для курьерских посылок» за границу.

1787, март–июль – курьерская поездка из Киева в Париж с особым поручением А.А. Безбородко.

1787, октябрь–1788, март – курьерская поездка в Лондон с поручением А.А. Безбородко.

1790–1792 – несколько курьерских поездок в Вену, Кобленц, Франкфурт-на-Майне, Карлсруэ и другие европейские города с поручениями А.А. Безбородко.

1792, 12 августа – произведён в офицерский чин прапорщика лейб-гвардии Измайловского полка.

1794, 1 января – назначен полковым адъютантом лейб-гвардии Измайловского полка с производством в чин подпоручика.

1796, 6 ноября – кончина императрицы Екатерины II, восшествие на престол её сына цесаревича Павла Петровича.

30 ноября – произведён в чин капитан-поручика с назначением адъютантом великого князя Константина Павловича и оставлением в списках лейб-гвардии Измайловского полка.

1797, 5 апреля – участие в коронации императора Павла I в Московском Кремле в качестве адъютанта великого князя Константина Павловича.

11 августа – произведён в гвардии капитаны того же полка.

1798, 18 сентября – произведён в полковники с оставлением в списках лейб-гвардии Измайловского полка.

29 сентября – награждён шпагой с орденом Святой Анны 3-й степени на эфесе (до 1815 г. орден имел три степени) – за отличия в гатчинских военных манёврах.

1799, март–ноябрь – участвовал в Итальянском и Швейцарском походах русско-австрийской армии под командованием фельдмаршала А.В. Суворова.

29 июля – награждён орденом Святой Анны 2-й степени – за отличия в сражениях против французов при Бастиньяно, при реках Тидоне, Требии и Нуре.

18 сентября – отмечен особым знаком к ордену святой Анны 2-й степени – «алмазным украшением» между концами креста ордена – «за оказанную храбрость» в сражении при Нови (пожалование такими знаками ордена считалось более высоким отличием).

Сентябрь – во время перехода русской армии через Альпы по распоряжению фельдмаршала А.В. Суворова назначен командиром сводного гренадерского батальона, находившегося в авангарде войск генерал-майора П.И. Багратиона, участвовал в сражениях у Сен-Готарда и во взятии Чёртова моста.

Октябрь – награждён орденом Сардинского королевства Святых Маврикия и Лазаря – за особые отличия в Итальянском и Швейцарском походах.

29 октября – пожалован командором ордена Святого Иоанна Иерусалимского 2-й степени, – «за отличную храбрость в сражениях» при переходе русских войск через Альпийские горы в Швейцарию.

7 ноября – произведён в генерал-майоры.

1800, 2 мая – переведён из гвардии с назначением состоять по армии и носить общеармейский мундир.

5 мая – назначен военным комендантом пограничной Каменец-Подольской крепости.

1801, 11 марта – убийство заговорщиками императора Павла I.

12 марта – восшествие на престол старшего сына Павла I цесаревича Александра Павловича.

17 июля – назначен первым генерал-адъютантом императора Александра I.

Сентябрь – участвовал в мероприятиях по коронации императора Александра I в Москве.

1802, 8 января – женитьба на дочери предводителя орловского дворянства Е.Е. Цуриковой.

27 августа – назначен временно состоять помощником военного губернатора Санкт-Петербурга графа М.Ф. Каменского по полицейской части и начальником столичной полиции.

7 сентября – объявление «Его императорским величеством» Александром I «своего удовольствия за хорошее исправление высочайше порученной должности» с пожалованием перстня с бриллиантами и «вензелевым Его величества именем».

Октябрь – представил Александру I проект о сформировании на базе гарнизонных формирований «земского войска» – будущей военной внутренней стражи.

1803, 28 мая – рождение сына Егора.

18 июня – именным указом Александра I позволено принять графское достоинство, пожалованное императором Священной Римской империи Иосифом II с предоставлением «пользоваться всеми правами и преимуществами, оному присвоенными».

1805 – рождение дочери Евдокии (умерла в 1807 г.).

Сентябрь – назначен помощником главнокомандующего (генерал-губернатора) в Санкт-Петербурге С.К. Вязьмитинова и ответственным за строительство казарм для Кавалергардского, Конногвардейского, лейб-гвардии Измайловского и Семёновского полков.

1806, 16 марта – награждён орденом Святой Анны 1-й степени – «за рачительное исполнение поручений».

30 марта – рождение дочери Анны.

1807 – рождение дочери Софьи.

1807, сентябрь–1809, май – поездка с семьёй в Вену на лечение, с посещением Бадена и Парижа, встреча с Наполеоном Бонапартом.

1808 – рождение сына Александра (умер в 1813 г.).

1809 – рождение сына Владимира (умер в 1813 г.).

1811, январь – март – формирование специального вида войск – внутренней стражи, предназна-

ченной для выполнения военно-полицейских и охранных функций внутри государства.

27 марта – официальное завершение формирования внутренней стражи.

7 июля – назначен инспектором (военным руководителем) внутренней стражи.

1812 – рождение сына Павла.

Март – сопровождал Александра I в поездке в Вильно в штаб Западной армии.

В течение всей Отечественной войны – выполнял важное поручение Александра I по сбору и отправке в действующую армию рекрут и лошадей.

1813, 15 сентября – награждён орденом Святого Владимира 2-й степени – «за рачительное исполнение поручений» по обеспечению резервами русской армии во время Отечественной войны 1812 года «и понесённые при сём труды».

1814, 1 июля – супруга графа Е.Ф. Комаровского Елизавета Егоровна в день бракосочетания великого князя Николая Павловича пожалована «дамою меньшего Креста ордена Святой великомученицы Екатерины», т.е. 2-й степени.

1816, 4 апреля – должность инспектора внутренней стражи преобразована в должность командира Отдельного корпуса внутренней стражи.

30 августа – произведён в генерал-лейтенанты – «за отличия по службе».

1819, 15 ноября – награждён орденом Святого Георгия 4-й степени – «за 25 лет беспорочной службы».

1820 – рождение сына Алексея.

1821, 30 августа – дочь Анна Евграфовна пожалована фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I.

1824, ноябрь – назначен временным военным губернатором Петербургской стороны, с возложением обязанностей по ликвидации последствий разрушительного наводнения в Санкт-Петербурге.

12 декабря – награждён Александром I золотой табакеркой, украшенной бриллиантами и портретом государя, «за скорые и деятельные меры в подании первоначальной помощи жителям Петербургской стороны», пострадавшим от наводнения.

1825, март – назначен временным военным губернатором Выборгской стороны Санкт-Петербур-

га – «для приведения в устройство причинённого наводнением в сих частях города разорения».

14 декабря – активно участвовал в подавлении восстания декабристов.

18 декабря – тайно доставил в Москву Высочайший Манифест о восшествии на престол Николая I и приводил московское дворянство, духовенство, купечество и чиновников к присяге новому императору.

25 декабря – награждён орденом Святого Александра Невского – «за отлично-усердное служение в командовании Отдельным корпусом внутренней стражи и ревностное исполнение особых высочайших поручений».

1826, 11 марта – объявлено «высочайшее благоволение» – «за отлично-усердное исполнение обязанностей временного военного губернатора» Выборгской стороны Санкт-Петербурга.

1 июня – учрежден Верховный уголовный суд по делу декабристов, одним из членов которого назначен граф Е.Ф. Комаровский.

2 сентября – участие в коронации императора Николая I в Московском Кремле.

1828 – награждён особым знаком на Георгиевской ленте «За 40 лет беспорочной службы».

1828, 21 апреля – дочь Софья Евграфовна пожалована фрейлиной императрицы Александры Федоровны – супруги Николая I.

25 июня – произведён в чин генерала от инфантерии – «за отличия по службе».

18 октября – отставка от должности командира Отдельного корпуса внутренней стражи по возрасту и «обострившимся болезням» с назначением сенатором и пожизненным оставлением звания генерал-адъютанта.

1829, апрель – предоставление императором Николаем I продолжительного отпуска «до излечения болезни» с постоянным проживанием в собственном имении.

1843, 13 октября – скончался в губернском городе Орле, похоронен в селе Городище в фамильном склепе построенной им самим Успенской церкви.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕРЖАНТ	7
«Рождён для службы царской»	7
«От благородных шляхетских кровей»	12
Сиротство	18
Зачисление на военную службу и учёба в престижном пансионе	20
В кортеже императрицы всероссийской	26
ГЛАВА II. КУРЬЕР ИНОСТРАННОЙ КОЛЛЕГИИ	31
С царскими подарками – в блистательный Париж	31
Для коллекции Эрмитажа	35
Путешествие в Туманный Альбион	38
Деликатное поручение императрицы	44
Негласный конфидент, связник и маршрутный агент	52
ГЛАВА III. ОТ ОФИЦЕРА-ИЗМАЙЛОВЦА ДО АРМЕЙСКОГО ГЕНЕРАЛА	59
Всемиловнейше пожалован	59
Славный измайловский мундир	62
От адъютанта полкового до адъютанта великокняжеского	68
В «Италийской кампании»	79
Через Чёртов мост – в Швейцарию	82
Возвращение в Санкт-Петербург	87
Комендант пограничной крепости	90
ГЛАВА IV. ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА	95
Снова в Санкт-Петербурге	95
На коронации в Москве	102
Столичный обер-полицмейстер	103
У истоков секретной полиции	112
Генерал-прораб	114
В гости к... Наполеону	117
ГЛАВА V. БЫЛ В НЁМ УВЕРЕН ГОСУДАРЬ	123
Для «охранения тишины и спокойствия»	123
На документальной основе	126
«Привести в лучшее устройство»	129
«Доносить о всех происшествиях, достойных уважения»	140
Как парадный мундир Комаровского побывал в ставке Наполеона	140
Приехал Кутузов бить французов!	142
«С мужеством встретили Наполеона»	145
В помощь действующей армии	149
Военнопленные под стражей внутренней стражи	152
На страже государства – «армия порядка»	154
Жандармский «спецназ»	159
ГЛАВА VI. «Я СЕЙ СЛУЖБЫ ТВОЕЙ НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ»	165
И всплыл Петрополь, как Тритон	165
«Я ожидаю от вас, любезный граф, большой себе услуги»	170
Государево поручение особой важности	176
Почётная отставка	178
Невероятные повороты в судьбах графских потомков	183
На графских развалинах	195
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ ГРАФА Е.Ф. КОМАРОВСКОГО	199

Н.Г. Сысоев у школы
в селе Городище Орловской области

ОБ АВТОРЕ

Николай Георгиевич СЫСОЕВ, военный историк, полковник в отставке, член Союза журналистов и Союза писателей России, биограф русского дворянского рода графов Комаровских.

Родился в 1951 году в станице Трёхостровская Иловлинского района Волгоградской области. После окончания средней школы служил в Группе советских войск в Германии, в составе особого подразделения Берлинской мотострелковой бригады участвовал в охране Межсоюзной тюрьмы Шпандау в Западном Берлине.

Затем проходил службу во внутренних войсках МВД СССР и МВД России, окончил Московский государственный историко-архивный институт и Орджоникидзевское высшее военное командное Краснознамённое училище имени С.М. Кирова МВД СССР (экстерном). Был офицером сектора по контролю за соблюдением и обеспечением режима секретности в войсках, заместителем начальника Центрального музея внутренних войск МВД России по научной и экспозиционной работе, на-

чалником отдела – членом редколлегии редакции военно-публицистического и литературно-художественного журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России.

В 1991 году в качестве офицера-оператора войсковой оперативной группы внутренних войск находился в особом районе чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области.

Автор большого числа документальных публикаций и нескольких книг по истории войск и органов МВД России. Его исторические очерки легли в основу документального обоснования для учреждения профессионального праздника солдат правопорядка – Дня внутренних войск МВД России (ныне Дня войск национальной гвардии РФ), который ежегодно отмечается 27 марта.

Имеет государственные и ведомственные награды, среди которых медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени и медаль Росгвардии «За заслуги в укреплении правопорядка».

СЫСОЕВ Николай Георгиевич

*«Одуревлён ревностью
к службе»*

**Историко-биографическое исследование жизни
и деятельности первого командующего внутренней стражей
генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского**

Департамент по взаимодействию со средствами массовой информации и институтами гражданского общества
Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

и автор

выражают благодарность за помощь в создании этой книги

НАЦИОНАЛЬНОМУ ФОНДУ ПОДДЕРЖКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ «ЕДИНСТВО»

и лично

Владиславу Владимировичу ТОЛСТЮКУ,
Ивану Владимировичу ИКОННИКОВУ

Главный редактор
С.С. КОЛЕСНИКОВ

Художественное оформление
А.В. ЛЕБЕДЕВ

Литературный редактор, корректор
Е.А. БОГДАНОВА

Обработка иллюстраций
В.Н. НИКОЛАЙЧУК

Технический редактор
Д.Р. ШАРИПОВ

Техническое обеспечение
В.И. ГРЕКОВ, Н.В. МОЛОДОВ

В книге использованы фото А.Воробьёва, А.Лебедева, Г.Морочковского, Ю.Мухина, В.Николайчука

Сдано в набор 05.09.2019 г. Подписано в печать 1.11.2019 г.
Формат 60х90/8 П.л. 25,5 Тираж 500 экз. Зак. 672-19

Отпечатано в типографии редакции журнала «На боевом посту»
войск национальной гвардии Российской Федерации
111250, г. Москва, ул.Красноказарменная, 9а